

Трата и замѣна въ языкѣ.

Къ вопросу

О ТАКЪ НАЗЫВАЕМОМЪ „ЯЗЫКОВОМЪ РАЗЛОЖЕНІИ.“

Р. Гутманъ.

ЮРЬЕВЪ.

Типографія Шнакенбурга.

1900.

Трата и замѣна въ языкѣ.

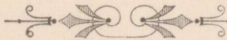
Къ вопросу

о такъ называемомъ „языковомъ разложеніи.“

Sprache und Leben sind
unzertrennliche Begriffe.

W. v. Humboldt.

Р. Гутманъ.

ЮРЬЕВЪ.

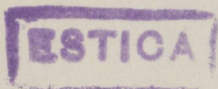
Типографія Шнакенбурга.

1900.

Est.

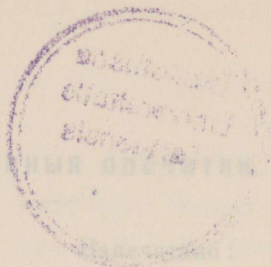

7704

A-9480

Дозволено Цензурою. — Юрьевъ, 25-го октября 1899 г.

Замѣчанія описанія

Стран.

Meinem theuren Schwiegervater

Herrn

BERNHARD V. DRÜMPELMANN

aus tiefgefühlter Dankbarkeit gewidmet.

Замѣченныя опечатки.

		Напечатано :		Должно быть :	
Стран.	2 (19 строка	сверху)	ceského	českého	
"	9 (1	"	снизу) kсаро	kсаро	
"	18 (19	"	выноски) dass	dass,	
"	24 (1	"	снизу) и. т. д.	и т. д.	
"	30 (9	"	сверху) Кдрціуса	Курціуса	
"	38 (15	"	") вѣмцекомъ	вѣмцекомъ и	
"	57 (5	"	") Ἰππό-μαχος	Ἰππό-μαχος	
"	58 (11	"	") стало	становилось	
"	81 (18	"	") Mirek	Mirek	
"	86 (10	"	снизу) къ колебаніямъ	съ колебаніями	
"	87 (6	"	") тѣмъ что	тѣмъ, что	
"	92 (9	"	") , названіе	— названіе	
"	94 (6	"	сверху) образовалось	образовались	
"	97 (9	"	") тоже самое, если	то же самое, какъ если	
"	107 (8	"	снизу) пользуются	, пользуются	
"	110 (5	"	") Григоровичъ 107	Григоровичъ 106	

D. August Schleicher. Die Darwinsche Theorie und die Sprachwissenschaft. Weimar 1868, pag. 6: „Die Sprachen sind Naturorganismen, die ohne vom Willen des Menschen bestimmbar zu sein, entstanden, nach bestimmten Gesetzen wachsen und sich entwickeln und wiederum altern und absterben.“

Кандидатская диссертация моя: „Звуковой нуль въ великорусскомъ языкѣ“ навела меня на мысль прослѣдить исчезновеніе фонемъ и морфемъ въ индогерманской области вообще. Результатомъ этого изслѣдованія явилось настоящее сочиненіе, законченное мною въ 1892 году, — на нѣмецкомъ языкѣ. Въ 1894 году взялся я за переводъ его на русскій языкъ и при этомъ передѣлалъ главу о краткихъ именахъ, обращая главное вниманіе на славянскія имена лицъ.

При чтеніи литературы, касающейся изслѣдуемаго мною вопроса, я наткнулся въ большинствѣ случаевъ на термины въ родѣ: „искаженіе“, „усѣченіе“, „разрушеніе“, „дегенерация“, „деструктивный процессъ“ — и пришелъ къ убѣжденію, что мнѣніе о преобладающей утратѣ въ языкѣ возведено въ теорію. Я назвалъ ее теоріей разложенія, потому что великій Воргъ, установившій вышеупомянутый взглядъ въ языковѣдѣніи, представлялъ себѣ языкъ въ видѣ умирающаго естественнаго тѣла. Почти дословно повторилъ мнѣніе Воргъ August Schleicher¹⁾, считая языки организмами, которые росли, развивались, — старятся и умираютъ. Этотъ грустный мотивъ слышится въ сочиненіяхъ многихъ послѣдующихъ великихъ изслѣдователей

1) August Schleicher. Die Darwinsche Theorie und die Sprachwissenschaft, Weimar 1863, pag. 6: „Die Sprachen sind Naturorganismen, die, ohne vom Willen des Menschen bestimmbar zu sein, entstunden, nach bestimmten Gesetzen wuchsen und sich entwickelten und wiederum altern und absterben.“

языка — то громче, то тише. Мнѣніе о преобладающей утратѣ въ языкѣ явилось необходимымъ послѣдствіемъ того, что сторонники теоріи разложенія не примѣтили своеобразнаго развитія въ новыхъ языкахъ. Констатировавъ утрату прежнихъ элементовъ, въ особенности надежныхъ и глагольныхъ окончаній, они не усмотрѣли замѣны утраченнаго новыми показателями функций. Говоря о значительномъ ограниченіи прежняго обилія формъ, о падежномъ вымираніи, утверждая, что англійскій и романскіе языки, за исключеніемъ мѣстоименій, утратили почти всѣ надежныя формы, они не обратили вниманія на префиксальные элементы, съ большимъ успѣхомъ замѣнявшіе и замѣняющіе бывшія окончанія. Присматриваясь ближе къ живой рѣчи, мы находимъ, что такъ называемые „окаменѣлые“ и „вымирающіе“ надежи представителей теоріи разложенія носятъ совершенно другой отпечатокъ — отпечатокъ вѣчнаго развитія и прогресса въ языковомъ творествѣ. Мнимое разложеніе, разрушеніе, смерть языка есть своеобразное развитіе его.

За неимѣніемъ достаточнаго количества знаковъ въ типографіи, мнѣ приходилось передавать „č“ и „š“ черезъ „cz“ и „sz“, за исключеніемъ чешскихъ словъ, въ которыхъ соблюдена соотвѣтствующая орѳографія. По вышеупомянутой причинѣ также вмѣсто ž часто встрѣчается ẓ̌.

Выпуская первое свое сочиненіе, я считаю пріятнымъ для себя долгомъ выразить глубокую и искреннюю благодарность своимъ глубокоуважаемымъ и дорогимъ преподавателямъ, господамъ бывшимъ профессорамъ Дерптскаго (нынѣ Юрьевскаго) Университета: И. А. Бодуэну-де-Куртенэ, Лео Меуер'у и П. А. Висковатову. Отъ всей души благодаренъ я имъ за ту любовь къ наукѣ, которую внушали они своимъ слушателямъ.

за неутомимую работу съ нами — учениками, полную живого интереса и любви къ дѣлу. Искренне признателенъ я имъ за дружбу, которой они меня удостоили, за всѣ ихъ добрые совѣты и за постоянную готовность помогать и словомъ, и дѣломъ.

Многимъ обязанъ я лекціямъ господъ профессоровъ L. Masing'a, L. von Schroeder'a и Loeschke, которыхъ сердечно благодарю.

Сердечное спасибо всѣмъ дорогимъ товарищамъ, въ особенности А. Г. Готлибу, П. А. Рошину и М. Н. Селезеву за помощь при корректурѣ, добрые совѣты и любезное доставленіе книгъ.

Псковъ, Іюнь, 1900 г.

Р. Гутманъ.

Содержаніе.

Источники и пособія	Стр. 1—3
Глава I. Теорія такъ называемаго языкового разложенія. Главные ея представители.	
Теорія языкового разложенія	5—7
Ворр	7—10
August Schleicher	10—12
Curtius	12—15
Глава II. Такъ называемое „удобство“ есть стремленіе къ сбереженію труда.	
Склонность къ удобству — причина звуковой перемѣны. Whitney и его ученіе объ инстинктивности	16—18
Мнѣніе W. v. Humboldt'a о преобразованіи звуковъ.	18
Sievers. Его протестъ противъ ученія о безусловномъ стремленіи къ облегченію произношенія.	19
Экономическій принципъ сбереженія труда въ области языка	20
Сохраненіе семасіологически важныхъ звуковъ и словъ	20—23
Сбереженіе труда (исчезновеніе фонемъ и морфемъ)	
съ цѣлью нюансировки разныхъ по значенію словъ или отбѣнку значенія звуковыхъ комплексовъ	23—25
Причина сильнаго измѣненія непривычныхъ чужихъ звуковыхъ комплексовъ	25—28

Глава III. Трата постпозиціональнаго элемента въ пользу препозиціональнаго.

Стр.

- Замѣна постпозиціональныхъ, суффиксальныхъ элементовъ препозиціональными, префиксальными. 28—47
- W. v. Humboldt объ усѣченіи флексіи. Стр. 28—29.
- Исчезновеніе окончаній какъ поводъ къ мнѣнію о разложеніи языка. Стр. 29. Несовершенство суффиксовъ въ качествѣ показателей синтаксическихъ отношеній. Стр. 29. Приращеніе (аугментъ) въ санскритѣ и въ греческомъ языкѣ. Стр. 29—31. Курціусъ и его мнѣніе о формахъ съ приращеніемъ. Стр. 30. Замѣна прежнихъ надежныхъ формъ новыми. Стр. 31. Смѣшеніе надежей въ латинскомъ языкѣ. Стр. 31—33. Предлоги какъ внѣшніе отличительные признаки надежа. Стр. 33—34. Мнѣніе Humboldt'a о флексіи въ новыхъ языкахъ. Стр. 34. Claudius о членѣ. Стр. 35. Röbisch о „формовыхъ словахъ“. Стр. 35. Иванъ Давыдовъ о замѣнѣ окончаній надежей. Стр. 35—36. Неправильный взглядъ Wedewer'a. Стр. 36. Определенный членъ и его историческое развитіе. Стр. 36—37. Роль предлоговъ при новомъ образѣ склоненія съ точки зрѣнія историческаго развитія этой ихъ функціи. Стр. 37—41. Неопределенный членъ. Стр. 41. Префиксальныя формы для степеней сравненія. Стр. 41—43. Префиксальныя формы спряженія. Стр. 43. Превосходство префиксальныхъ формъ предъ суффиксальными. Стр. 43—45. Префиксальные элементы (членъ) въ языкахъ острововъ Южнаго моря. Стр. 45—47.

- Замѣна постпозиціональной артикуляціонной дѣятельности препозиціональной . . . . . 47—54
- Причина замѣны по Claudius'у и Curtius'у. Стр. 47—48. Мнѣніе Brugmann'a и Osthoff'a. Стр. 48—49. August Schleicher и его объясненіе языковыхъ различій. Стр. 49—51. Стремленіе къ ясности рѣчи — виновникъ замѣщенія задней артикуляціи передней. Стр. 51—52. Сбереженіе труда вслѣдствіе замѣны заднеязычной артикуляціи переднеязычной и губной. Стр. 52. Александровъ о звуковой смѣнѣ у афатиковъ. Стр. 53.

Глава IV. Исчезновеніе въ языкѣ.

- Краткія (сокращенныя) слова и выраженія . . . . . 55—56
- Краткія имена . . . . . 56—85

Composita въ качествѣ наименованій для лицъ.

Стр. 56—57. Примѣненіе одной изъ основъ двухъ- основного имени отца или матери для имени дитяти у грековъ и германцевъ. Стр.

57—58. Доказательства для существованія этого обычая у древнихъ славянъ: 1) Полныя имена лицъ съ тождественнымъ конечнымъ звеномъ.

Стр. 58—73. (slav—стр. 58—65, mir—стр. 65—68, mil—стр. 68—70, rad—стр. 70, voj—стр. 71, bor—стр. 72—73.) 2) Полныя имена лицъ съ одинаковымъ начальнымъ звеномъ. Стр. 73—76. Переворачиваніе именъ. Стр. 76—77. 3) Князь Рогволодъ, дочь его Рогнѣда. Стр. 77—78. Неясность этимологическаго содержанія полныхъ именъ — причина ихъ сокращенія. Стр. 79. Краткія имена. Стр. 79—85.

Психологическое объясненіе краткихъ именъ, эллипсовъ, краткихъ (сокращенныхъ) словъ и выраженій	85—88
Вліяніе акцента (ударенія) на звуковую сторону языка.	88—90
Измѣненіе основного значенія слова — причина модифицировки слова въ звуковомъ отношеніи.	90—95
Спекуляція съ акцентомъ и трудности, которыя она встрѣчаетъ	95—97
Неосновательность теоріи языкового разложенія (разрушенія)	97—100
Заключительная замѣтка	100—109

Источники и пособія.

- Adolphi, Hermann, Die Sprache. Eine wissenschaftliche Studie. Leipzig 1886.
- Alexandrow, A., Ueber die Bedeutung der Sprachstörungen für die Sprachwissenschaft. Dorpat 1886.
- Andresen, Karl Gustav, Ueber Deutsche Volksetymologie. IV. Aufl. Heilbronn 1883. V. Aufl. 1889.
- Archiv für slavische Philologie.
- Arndt, Christian Gottlieb von, Ueber den Ursprung und die verschiedenartige Verwandtschaft der Europäischen Sprachen. Herausgegeben von Ludwig Klüber. Frankfurt am Main 1818.
- Bartsch, Karl, Chrestomathie de l'ancien français. Leipzig 1875.
- Bartsch, Karl, Chrestomathie provençale. Elberfeld 1875.
- Behaghel, Otto, Die Deutsche Sprache. Leipzig-Prag 1886. (Das Wissen der Gegenwart. B. 54).
- Behaghel, Otto, Geschichte der Deutschen Sprache. Grundriss der Germanischen Philologie. Herausgegeben von Hermann Paul. I. Band. Strassburg 1891.
- Богородицкій, В., Гласные безъ ударенія въ русскомъ языкѣ. (Отд. отт. изъ Р. Ф. Вѣстника. Варшава 1880).
- Baudouin de Courtenay, О древне-польскомъ языкѣ до XIV. ст. Leipzig 1870.
- Бодуэн-де-Куртенэ, И, Опыт фонетики Резьянскихъ говоров. Варшава-Петербургъ 1875.
- Бодуэн-де-Куртенэ, И. А., Подробная программа лекцій. Казань-Варшава 1881.
- Baudouin de Courtenay, Dr. J., Uebersicht der slavischen Sprachwelt. Leipzig 1884.
- Brugmann, K., Grundriss der Vergl. Grammatik der indogermanischen Sprachen. II. Th. Strassburg 1889.
- Brugmann, K., Das Nominalgeschlecht in den indogermanischen Sprachen. F. Techmer, Internationale Zeitschrift. IV. Band. Heilbronn 1889.
- Claudius, Dr. Fr. M., Das Leben der Sprache. Marburg 1867.

- Curtius, G., Bemerkungen über die Tragweite der Lautgesetze, insbesondere im Griechischen und Lateinischen; Berichte über die Verhandlungen der Königlich-Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften zu Leipzig. Historisch — Philologische Classe. 1870. I. Leipzig 1871.
- Давыдовъ, Иванъ, Опытъ общесравнительной грамматики русскаго языка. С.-Петербургъ 1852.
- Delbrück, B., Einleitung in das Sprachstudium, Leipzig 1884. III. Aufl. 1893.
- Diez, Fr., Grammatik der romanischen Sprachen. Bonn 1882.
- Diez, Fr., Etymologisches Wörterbuch der romanischen Sprachen (2. T.). Bonn 1869. 1870.
- Fick, A., Die Griechischen Personennamen nach ihrer Bildung erklärt, mit den Namensystemen verwandter Sprachen verglichen und systematisch geordnet. Göttingen 1874.
- Fick, August, Die griechischen Personennamen nach ihrer Bildung erklärt und systematisch geordnet. II. Aufl. Göttingen 1894.
- Hovelacque, Abel, La grammaire indo-européenne d'après Fr. Müller. Revue de linguistique. Tome XXI. Paris 1888.
- Hulákovský, Jan M., O původu a proměnách jmen rodních. Časopis Musea království českého. 1860.
- Humboldt, Wilhelm von, Ueber die Kawi-Sprache auf der Insel Java I. Band. (Histor. philol. Abhandl. Berlin 1832).
- Ibid., Einleitung: Ueber die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts.
- Humboldt, Wilhelm von, Ueber die Kawi-Sprache auf der Insel Java. III. Band (Südsee-Sprachen). Berlin 1839.
- Ibid., pag. 569: Buschmann, Joh. Carl Ed., Vergleichende Grammatik der Südsee-Sprachen und beiläufig des Malayischen Sprachstammes überhaupt
- Канскій, Іосифъ, Сравнительный разборъ греческаго склоненія. Харьковъ 1876.
- Kluge, Friedrich, Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Strassburg 1884.
- Miklosich, Franz, Die Bildung der slavischen Personennamen. Denkschriften der Kaiserlichen Akademie. Philosophisch-historische Classe. X. B. Wien 1860.
- Miklosich, Franz, Die Bildung der Ortsnamen aus Personennamen im Slavischen. Denkschriften. XIV. B. Wien 1865.
- Muller, Dr. H. C., Historische Grammatik der Hellenischen Sprache. I Band. Leiden 1891.
- Neue, Friedrich, Formenlehre der Lateinischen Sprache. II. Teil. Berlin 1875
- Osthoff, Hermann, Das physiologische und psychologische Moment in der sprachlichen Formenbildung. Berlin 1879. (Sammlung gemeinverst. wissensch. Vorträge, herausgegeben v. R. Virchow und Fr. von Holtzendorff. Heft 327.)
- Paul, H., Grundriss der Germ. Philologie. Band I. Strassburg 1891.
- Paul, Hermann, Principien der Sprachgeschichte. II. Aufl. Halle 1886.

Глава I.

Теорія такъ называемаго языкового разложенія, Главные ея представители.

По теоріи языкового разложенія (Sprachverfalltheorie), въ жизни языка различаютъ три періода:

1. періодъ роста (Wachsthum),
2. періодъ процвѣтанія (Blüthe),
3. періодъ разложенія (Verfall), паденія.

При этомъ „современный языкъ уже въ продолженіе цѣлаго ряда столѣтій находится въ третьемъ періодѣ“. „Разложеніе опредѣлялось постепенно, по мѣрѣ того, какъ знаніе и мышленіе достигали извѣстнаго объема. Обмѣнъ мыслей пересталъ быть предметомъ мышленія. Языкъ палъ до степени средства и сталъ разсматриваться какъ нѣчто менѣе важное, чѣмъ раньше“. (Claudius, Das Leben der Sprache, pag. 13, 14, 15 b¹). „Чѣмъ богаче по содержанію исторія, чѣмъ могущественнѣе ея движеніе, тѣмъ быстрѣе и разложеніе языка“. (W. Rösch, Ueber das Wesen und die Geschichte der Sprache, pag. 24 i²). „По мѣрѣ постепеннаго роста всѣхъ отраслей науки и искусства и всей дѣятельности

---

1) „Der Verfall trat allmählig ein, als das Wissen, die Gedanken einen gewissen Umfang erreicht hatten. Die Mittheilung hörte auf Object des Denkens zu sein. Die Sprache sank zu einem Mittel herab und wurde als etwas geringeres als früher angesehen.“

2) „Je reicher und gewaltiger die Geschichte, desto rascher — der Sprachverfall.“

практической жизни, языкъ регрессировалъ“ (Claudius, pag. 15 e¹). „Въ предѣлахъ исторіи мы видимъ, что языки только дряхлѣютъ по опредѣленнымъ жизненнымъ законамъ, въ звуковомъ и формальномъ отношеніи. Языки, на которыхъ мы теперь говоримъ, являются, подобно всѣмъ языкамъ исторически важныхъ народовъ, старческими языковыми экземплярами. Всѣ языки культурныхъ народовъ, насколько они намъ вообще извѣстны въ достаточной степени, съ давнихъ поръ болѣе или менѣе захвачены обратной метаморфозой, а по этой причинѣ также и ихъ физическіе органы рѣчи. Развитие языка и культурность смѣняютъ другъ друга въ жизненномъ теченіи человѣчества.“ (August Schleicher, Ueber die Bedeutung der Sprache für die Naturgeschichte des Menschen, pag. 27²).

Побудительной причиной къ такого рода регрессу, къ распаденію языка, считается яко бы присущая человѣку склонность къ удобству, лѣни, вызывающая постоянное стремленіе преобразовывать слова такимъ образомъ, чтобы ихъ произношеніе представляло какъ можно больше удобства. Удобство, исчезновеніе, распаденіе, усѣченіе, искаженіе въ сочиненіяхъ представителей теоріи разложенія сдѣлались обычными терминами для обозначенія могущественныхъ факторовъ, играющихъ доминирующую роль въ исторіи языкового развитія.

1) „Wie sich allmählich alle Zweige der Wissenschaft und Kunst und alle Thätigkeit des practischen Lebens hob, ging die Sprache zurück.“

2) „Innerhalb der Geschichte sehen wir die Sprachen nur nach bestimmten Lebensgesetzen in Laut und Form altern. Die Sprachen, welche wir jetzt sprechen, sind, wie alle Sprachen geschichtlich bedeutender Völker, senile Sprachexemplare. Sämmtliche Sprachen geschichtlich entwickelter Völker, soweit sie überhaupt uns in hinreichendem Maasse bekannt sind, und demnach auch ihre leiblichen Sprachorgane sind längst mehr oder minder in rückbildender Metamorphose begriffen. Sprachbildung und geschichtliches Leben lösen einander im Lebensverlaufe der Menschheit ab.“

Пуская въ ходъ, гдѣ слѣдуетъ, эти деструктивныя силы, часто удается обратить невозможное въ возможное.

Эти разрушительныя силы любили и любятъ и въ наше время пускать въ ходъ особенно историки. Примѣняя „искаженіе, усѣченіе, распаденіе“, имъ легко этимологизировать, какъ душѣ угодно. Вельтманъ (Аттила и Русь IV и V в. Москва 1858.) представилъ много примѣровъ такого вандальскаго обращенія съ названіями лицъ, народовъ и мѣстностей. Поражающее „усѣченіе“ приводитъ въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ великихъ трудовъ гениальный изслѣдователь Византіи ¹⁾. Мнѣ кажется, что знаменитый ученый заходитъ слишкомъ далеко, утверждая, что имя „Русь“ могло образоваться путемъ усѣченія изъ параллельнаго названія „тавроскиѡы“, въ которомъ яко бы есть для этого подходящіе элементы, а именно слогъ рос (греч. Ρῶς).

Этотъ примѣръ наглядно показываетъ, до чего можетъ довести теорія разложенія.

Ворр.

Ворр представляетъ себѣ языкъ въ видѣ умирающаго естественнаго тѣла [(eine Art von absterbendem Naturkörper) Franz Vorр, Vocalismus, pag. 1]. „На языки, говоритъ онъ, слѣдуетъ смотрѣть какъ на органическія естественныя тѣла, которыя, образуясь по опредѣленнымъ законамъ, развиваются, нося въ себѣ внутренній жизненный принципъ, и постепенно умираютъ²⁾; при этомъ они, теряя сознаніе своего бытія, отбрасываютъ, искажаютъ члены или формы, первоначально одаренныя значеніемъ, но постепенно превратившіяся въ массу болѣе внѣшняго характера, злоупотребляютъ этими членами или

1) В. Васильевскій, Русско-Византійскіе отрывки. Вып. второй. Житія свв. Георгія Амастрискаго и Стефана Сурожскаго. СПб. 1893.

2) Такимъ образомъ Ворр вноситъ въ область изученія языкового развитія принципъ историческаго антропоморфизма, нашего въ концѣ прошлаго и началѣ настоящаго вѣковъ столько сторонниковъ среди историковъ и философовъ.

примѣняютъ ихъ къ цѣлямъ, не соотвѣтствующимъ ихъ происхожденію¹⁾.”

Ворр видитъ такимъ образомъ во всѣхъ внѣшнихъ перемѣнахъ аріевропейскихъ языковъ не развитіе, а только болѣзнь, искаженіе, распаденіе. По его словамъ (Vocalismus, pag. 2), мы знакомимся съ языками въ такомъ состояніи, когда они „синтаксически“ пожалуй еще совершенствуются, въ „грамматическомъ же отношеніи“ уже болѣе или менѣе лишились того, что составляло совершенную организацію (vollendete Einrichtung), гдѣ отдѣльные члены стояли въ точномъ соотношеніи другъ къ другу, и гдѣ все производное пока еще примыкало къ тому, изъ чего оно исходило, видимой и непопращенной связью.

Иногда Ворр указываетъ на сильныя искаженія безъ особой къ тому нужды, какъ напр., считая ἐτόπῳ формой, искаженной изъ ἐτόφθῳ.

Ходъ такихъ искаженій онъ опредѣляетъ ближе въ „Abhandlungen der Berliner Akademie. 1826.“ (Ueber das Demonstrativum und den Ursprung der Casuszeichen) слѣдующими словами²⁾: „Однако нельзя упускать изъ виду, что подобнаго рода усѣченія обыкновенно, если не всегда, скорѣе происходятъ массами и слѣдующимъ закону, чѣмъ отдѣльными случаями и произвольно, и если духъ извѣстнаго языка въ какой-нибудь періодъ его исторіи почувствуетъ ненависть къ какой-либо буквѣ, въ качествѣ завершающаго элемента въ словѣ, то онъ ее устраняетъ повсюду, гдѣ только находитъ, такъ что не остается ни одной буквы, которая могла бы допустить предположеніе, что существовали другія ей подобныя.

1) „Die Sprachen sind als organische Naturkörper anzusehen, die nach bestimmten Gesetzen sich bilden, ein inneres Lebensprincip in sich tragend sich entwickeln und nach und nach absterben, indem sie sich selber nicht mehr begreifend, die ursprünglich bedeutsamen, aber nach und nach zu einer mehr äusserlichen Masse gewordenen Glieder oder Formen ablegen oder verstümmeln oder missbrauchen, d. h. zu Zwecken verwenden, wozu sie ihrem Ursprunge nach nicht geeignet waren.“

2) Въ данномъ случаѣ Ворр старается доказать, что членъ ó въ греческомъ языкѣ никогда не имѣлъ конечнаго s въ именительномъ падежѣ. Онъ отрицаетъ возможность усѣченія этого s.

Такъ свирѣпствовалъ звуковой законъ противъ τ и истреблялъ его повсюду, гдѣ оно фигурировало въ качествѣ конечной буквы, несмотря на важность и распространенность его грамматической роли, что ясно обнаруживается при сравненіи съ родственными языками. Буква же Σ , напротивъ, всегда оставалась для греческаго уха милой конечной буквой, и насколько охотно она позволяла себя вытѣснить между двумя гласными, настолько же она упорно отстаивала свою позицію на концѣ слова вездѣ, гдѣ сравнительное языковѣдѣніе допускаетъ возможность ея существованія¹⁾.

Примѣры сильнаго разложенія приводитъ Ворр изъ области малайско-полинезійскихъ языковъ, которые онъ производитъ отъ санскрита. Однако „они подверглись полной дезорганизации своего первоначальнаго строенія“ („haben Sie eine totale Auflösung ihres Urbauens erfahren“). По поводу слова „ро“, которое встрѣчается въ новозеландскомъ, въ языкѣ Таити и Гавайи и значитъ ночь, Ворр (Ueber die Verwandtschaft der Malayisch-Polynesischen Sprachen mit den indisch-europäischen, Abhandl. d. Berliner Academie, 1840, pag. 172) говоритъ слѣдующее: „Обыкновенное названіе ночи въ языкахъ Южнаго моря, въ особенности въ новозеландскомъ, въ языкахъ Таити и Гавайи, есть „ро“, какъ эхо, отражающее послѣдній слогъ санскритскаго $kṣaras$, $kṣapo$.“²⁾

1) „Allein es darf nicht übersehen werden, dass solche Abschleifungen gewöhnlich, wo nicht immer, mehr in Masse und gesetzmässig, als im Einzelnen und willkürlich stattfinden, und wenn der Geist einer Sprache zu irgend einer Periode ihrer Geschichte einen Hass fasst gegen irgend einen Buchstaben als Schlusspfeiler eines Wortes, so verdrängt er ihn überall, wo er ihn vorfindet, so dass auch nicht ein einziger übrig bleibt, welcher der Vermuthung Raum liesse, dass noch andere seinesgleichen dagewesen. Auf diese Weise hat ein Lautgesetz gegen das τ gewüthet und es überall ausgerottet, wo es als Endbuchstabe stand, so wichtig und ausgedehnt auch seine grammatische Rolle muss gewesen sein, wie sich aus der Vergleichung mit den verwandten Sprachen klar genug zu erkennen giebt. Das Σ hingegen ist stets ein dem griechischen Ohr befreundeter Endbuchstabe geblieben, und so gerne es in der Mitte zwischen zwei Vocalen sich hat verdrängen lassen, so standhaft zeigt es sich am Ende, überall wo die vergleichende Sprachkunde es erwarten lässt“.

2) „Die gewöhnliche Benennung der Nacht lautet in den Südseesprachen, namentlich im Neuseeländischen, Tahiti und Hawaischen po , welches dem Sanscritischen $kṣaras$, $kṣapo$, gleichsam wie ein Echo nur die letzte Silbe nachruft.“

August Schleicher.

Теоріи Ворр'а, по которой языки доступны нашему изслѣдованію только въ состояніи разрушенія, придерживается и August Schleicher. Въ предисловіи къ своему первому болѣе обширному труду (Sprachvergleichende Untersuchungen. Bonn 1848), онъ заявляетъ: „Мы застаемъ языки, входящіе въ кругъ нашего изслѣдованія, не развивающимися, а разлагающимися; на нашихъ глазахъ высшихъ формъ не зарождается, а существующія разлагаются. Въ доисторическій періодъ языки образовались, а въ историческій они погибаютъ.“¹⁾

По Schleicher' у жизнь языка распадается на два главныхъ періода (Aug. Schleicher, Compendium, pag. 4):

- 1) Развитие языка, доисторическій періодъ. Съ человѣкомъ развивался языкъ, т. е. звуковое выраженіе мышленія.
- 2) Разложеніе (Verfall) языка въ звукъ и въ формъ, историческій періодъ.²⁾

Въ брошюрѣ „Ueber die Bedeutung der Sprache für die Naturgeschichte des Menschen,“ pag. 28, Schleicher раздѣляетъ жизнь человѣческаго рода на три большіе періоды развитія:

- 1) Періодъ развитія тѣлеснаго организма (des körperlichen Organismus) по своимъ существеннымъ чертамъ,
- 2) періодъ развитія языка,
- 3) періодъ исторической жизни.

„Далѣе“, говоритъ Шлейхеръ, „по всему вѣроятію, не всѣ организмы, находившіеся на пути къ очеловѣченію, дошли до образованія языка. Одна часть отстала по развитію, не вошла во второй нашъ періодъ развитія и подверглась регрессивному

1) „Wir finden die Sprachen, welche in den Kreis unserer Erfahrung treten, nicht in der Entwicklung, sondern in der Zersetzung begriffen, es entstehen nicht vor unseren Augen höhere Formen, sondern die bestehenden lösen sich auf. In der vorgeschichtlichen Zeit haben sich die Sprachen gebildet, in der geschichtlichen vergehen sie.“

2) Делбрюкъ (Delbrück, Einleitung, pag. 42 ah) полагаетъ, что такой взглядъ могъ у него явиться подъ вліяніемъ Гегеля.

прогрессу и, какъ всѣ подобнаго рода вырожденія, постепенной гибели. Остатки этихъ оставшихся безъ языка выродеовъ, не дошедшихъ до очеловѣченія существъ, представляютъ изъ себя антропоиды¹⁾.

Такъ какъ Шлейхеръ предполагаетъ для историческаго періода опять-таки вырожденіе (Verkümmerung) языковъ и органовъ рѣчи, то, выводя конечное заключеніе изъ словъ Шлейхера (Ср. стр. 6), намъ приходится думать, что челоуѣчеству въ скоромъ будущемъ угрожаетъ регрессивное приближеніе къ антропоидамъ въ языковомъ отношеніи²⁾.

1) „Ferner dürften sich auch höchst wahrscheinlich nicht alle auf dem Wege zur Menschwerdung begriffenen Organismen bis zur Sprachbildung hinauf entwickelt haben. Ein Theil von ihnen blieb in der Entwicklung zurück, trat nicht in unsere zweite Entwicklungsperiode ein, sondern verfiel einer Rückbildung und, wie alle derartigen Verkümmierungen, dem allmählichen Untergange. Die Reste dieser sprachlos gebliebenen verkümmerten, nicht zur Menschwerdung gelangten Wesen liegen uns in den Anthropoiden vor.“

2) Страхъ передъ такой серьезной опасностью, можетъ быть, отчасти послужилъ причиной появленія брошюры Адольфи (Hermann Adolphi, Die Sprache. Eine wissenschaftliche Studie). Въ этомъ научномъ (по словамъ автора) этюдѣ онъ поверхностно эксплуатируетъ изложенные взгляды Шлейхера тамъ, гдѣ они пригодны для его тенденціи, не побоявшись однако чуть ли не сейчасъ же впасть въ противорѣчіе, лишь бы дать ходъ своей тенденціи.

Адольфи совѣтуетъ заниматься латинскимъ и греческимъ языками, мотивируя свой совѣтъ тѣмъ, что эти языки

1) мертвы и

2) остановились на прежней ступени развитія, когда разрушительный процессъ, которому подвергается звуковой организмъ (Lautkörper) всѣхъ языковъ, не успѣлъ еще произвести слишкомъ страшныхъ опустошеній.

Авторъ говоритъ въ духѣ Шлейхера о разложеніи и дегенераціи культурныхъ языковъ, въ сравненіи съ греческимъ и латинскимъ. Однако 4 культурнымъ языкамъ: нѣмецкому, французскому, англійскому и итальянскому, которые, съ точки зрѣнія Шлейхера, должны быть признаны самыми дегенерированными, авторъ брошюры отводитъ такое же почетное мѣсто, какъ и классическимъ языкамъ, въ ущербъ русскому, забывая, что послѣдній-то и долженъ считаться болѣе близкимъ къ греческому и латинскому относительно т. н. разложенія и заслуживаетъ полнаго вниманія со стороны поклонниковъ „богатыхъ формъ окончаній“. Слѣдуя своей тенденціи, Адольфи патетически трактуетъ о „крушеніи“ (Schiffbruch) ума и характера, имѣющемъ мѣсто

Curtius.

Curtius вполне сознает заблужденія, въ которыя впади Боппъ, Шлейхеръ и другіе „заслуженные изслѣдователи“, примѣнявшіе теорію ослабленій, искаженій, отбрасываній и т. д. Сочувствуя направленію молодого поколѣнія языковѣдовъ (сороковыхъ годовъ), поставившихъ себѣ девизомъ: „строжайшее слѣдованіе звуковымъ законамъ“¹⁾, и называя результаты ихъ дѣятельности благотворными²⁾, Curtius однако не могъ еще освободиться отъ вліянія теоріи распадѣнія и слѣпо ее примѣняетъ. Такъ, въ полемикѣ противъ мнѣнія, что формы безъ приращенія у Гомера и въ языкѣ Ведъ будто бы указываютъ на то, что приращеніе — произвольная и второстепенная задача къ прошедшему времени³⁾, онъ упрекаетъ своихъ противниковъ въ слишкомъ большомъ увлеченіи древностью Ведъ и представляетъ аугментъ чѣмъ-то „безконечно часто исчезающимъ“ въ поэтическомъ языкѣ. Это исчезновеніе Curtius объясняетъ слѣдующими словами: „Главнымъ образомъ чрезъ вліяніе аугмента произошли *praeterita*. Когда же затѣмъ *praeterita*

ведѣ, гдѣ менѣе развитой языкъ беретъ перевѣсъ надъ культурнымъ. Въ результатѣ получается противорѣчіе замаго комичнаго свойства. Если изученіе русскаго языка, противъ котораго такъ ратуетъ авторъ, должно привести къ крушенію, то не дастъ ли тѣхъ же результатовъ знакомство съ классическими языками, рекомендуемыми г. Адольфи?

„Поэтому, напр., не лишено основанія, что обрусѣвшіе нѣмцы не пользуются хорошимъ *renommée*,“ заявляетъ съ грустью „ученый“ авторъ. Не нахожу необходимости оспаривать это предположеніе г. Адольфи, но указывать на языкъ, какъ на главное основаніе къ тому, это по моему — выводъ, къ которому можетъ прійти только тенденціозное ослабленіе.

Впрочемъ, укажу г. Адольфи на поучительныя слова Baudouin'a de Courtenay въ „Uebersicht der Slawischen Sprachenwelt“ (см. стр. 21 конецъ).

1) „Strengste Beobachtung der Lautgesetze“.

2) Curtius, Bemerkungen über die Tragweite der Lautgesetze, p. 3 c.

3) Ibid., pag 12 a: „Der Umstand, dass im Vedadialekt und bei Homer das Augment beweglich ist, scheint mir keineswegs auszureichen um diese Erscheinung schon in die indogermanische Zeit zu verlegen und etwa, wie mehrfach geschehen ist, das Augment für eine willkürliche und nebensächliche Beigabe des Präteritums zu erklären.“

охарактеризовались сверхъ того личными окончаніями, то для небрежно говорящаго явилась возможность выпустить этотъ короткій слогъ, который, исполнивъ долгъ свой, могъ удалиться¹⁾.

Если бы Curtius отнесся со вниманіемъ къ новымъ языкамъ, то онъ убѣдился бы, что въ болѣе древнемъ періодѣ центръ тяжести какъ разъ лежалъ въ окончаніи, префиксальные же элементы принимаютъ на себя функціи окончанія (суффикса) въ болѣе или менѣе близкое къ намъ время.

Придерживаясь ученія о „небрежности и удобствѣ“, Curtius создаетъ свою теорію или, скорѣе, модифицированную теорію Ворр'а и Schleicher'а, состоящую въ томъ, что звуковая перемѣна (Lautveränderung) выставляется нисходящей (abwärtssteigend), убывающей (abnehmend), при чемъ, говоря словами автора теоріи, „удобство есть и останется главной побудительной причиною звуковой перемѣны при всякихъ обстоятельствахъ“, а это удобство и небрежность говорящаго со временемъ все увеличивается²⁾. Но и эта „убывающая звуковая перемѣна“, вызванная удобствомъ, приводитъ языкъ къ разложенію. „Вѣдь, дѣйствительно, само собою напрашивается сравненіе съ минералами,

1) „Wesentlich durch die Kraft des Augments waren die Praeterita entstanden. Nachdem aber die Praeterita überdies durch die Personalendungen charakterisirt waren, lag es für den nachlässig sprechenden nahe, jene kurze Silbe fortzulassen, die, nachdem sie ihre Schuldigkeit gethan, gehen konnte“. Cf. Curtius, Bemerkungen über die Tragweite der Lautg. pag. 11, bg.

2) „Dass diese (die Grundrichtung alles Lautwandels) im wesentlichen die absteigende oder die Lautschwächung sei, ist wohl allgemein anerkannt.“ Curtius, Bemerkungen über die Tragweite . . . pag. 3, Z. 30. Cf. pag. 5, Z. 18. Cf. Curtius, Grundzüge der griechischen Etymologie. Leipzig 1858—62.

Curtius говоритъ о стремленіи къ ясности (Bemerkungen über die Tragweite . . . pag. 5, Z. 21), какъ о силѣ, сдерживающей небрежность и удобство и сохраняющей звуки и группы звуковъ (особенно тамъ, гдѣ они произошли изъ болѣе неудобныхъ). Онъ допускаетъ въ языкѣ компромиссы между требованіемъ ясности и склонностью къ удобству. Однако, судя по всему, небрежность и удобство у него играютъ главную роль.

постепенно убывающими и исчезающими подъ вліяніемъ атмосферы, однако упорно сохраняющими свое зерно¹⁾.

Не довольствовались однимъ сравненіемъ съ камнями, языкъ уподобляли даже ледяному дому. „И такимъ образомъ, какъ бы растворяющій, влажный вѣтерокъ вѣетъ чрезъ зубчатый ледяной домъ языковыхъ формъ, лишая языкъ нѣкоторыхъ формъ, отнимая у формъ звуки, но при этомъ онъ является вполне къ услугамъ человѣческаго ума, стремящагося къ удобству“²⁾.

О такихъ же сравненіяхъ говоритъ Behaghel³⁾: „Старались же сдѣлать нагляднымъ сущность языковыхъ перемѣнъ тѣмъ, что сравнивали слова съ камнями, которые, увлекаемые ручьемъ или потокомъ, все больше и больше шлифуются и теряютъ свой первоначальный видъ; текучей водѣ должно было соответствовать частое употребленіе словъ. Сравненіе совершенно невѣрное; слово не есть предметъ, который, будучи разъ вызванъ къ жизни, обладаетъ непрерывнымъ существованіемъ, но — дѣятельность, явленіе“⁴⁾.

Мѣтко выражается Baudouin de Courtenay⁵⁾ о подобныхъ матеріальныхъ сравненіяхъ, говоря о заблужденіи представи-

1) „Denn in der That liegt die Vergleichung mit den durch atmosphärische Einflüsse allmählich abnehmenden und hinschwindenden, trotzdem aber so beharrlich ihren Kern bewahrenden Gesteinen sehr nahe.“ [Delbrück, Einleitung, über Curtius, pag. 113, ac etc.]

2) „Und so zieht gleichsam ein lösender Thauwind in den zackigen Eispalast der Sprachformen, die Sprache zwar um Formen beraubend, den Formen Laute entwendend, dabei aber dem nach Bequemlichkeit strebenden Menschenverstande vollkommen nachkommend“.

3) Behaghel, Die Deutsche Sprache, pag. 62 g.

4) „Man hat also wohl versucht, das Wesen der sprachlichen Veränderungen dadurch anschaulich zu machen, dass man die Wörter mit Steinen verglich, die der Bach, der Strom mit sich führt, die immer mehr sich abschleifen und ihre ursprüngliche Gestalt verlieren, dem strömenden Wasser sollte der häufige Gebrauch der Wörter entsprechen. Der Vergleich ist grundfalsch: Das Wort ist nicht ein Ding, das einmal ins Leben gerufen, eine ununterbrochene Fortdauer besitzt, sondern es ist eine Thätigkeit, ein Vorgang“.

5) И. А. Бодуэн-де-Куртенэ, Подробная программа лекцій. Стр. 126.

телей теории родословнаго древа аrioевропейскихъ языковъ и въ особенности Johannes Schmidt'a: „Языкъ считается здѣсь „текучимъ организмомъ“ (flüssiger Organismus) или „текучимъ существомъ“ (flüssiges Wesen), хотя и текучимъ, но всетаки организмомъ или существомъ. Такимъ образомъ, языкъ представляетъ здѣсь нѣчто, независимое отъ человѣка, точно такъ же, какъ и у Schleicher'a. Только у Schleicher'a языкъ былъ изъ дерева, а у Schmidt'a онъ изъ воды“.

Глава II

Глава II.

**Такъ называемое „удобство“ есть стремление къ
сбереженію труда.**

Какъ видно изъ предыдущаго, старая школа сравнительнаго языковѣдѣнія, начиная съ Ворр'а до новѣйшаго времени, почти единогласно принимала и выставляла причинойъ звуковой перемѣны (понимая подъ этимъ распаденіе языка — „Verwitterung“) „удобство“, склонность по возможности облегчить себѣ произношеніе. Особенно настаивали на этомъ Curtius, называвшій „удобство“ главной побудительной причинойъ звуковой перемѣны при всякихъ обстоятельствахъ, и Whitney ¹⁾. Въ лекціяхъ послѣдняго о принципахъ сравнительнаго изслѣдованія языковъ сказано: „На письмѣ наши слова являются испещренными массой нѣмыхъ буквъ, оставшихся, какъ извѣстно, въ видѣ рудиментовъ прежняго способа произношенія словъ; нѣкогда принадлежа къ словамъ, въ качествѣ произносимыхъ интегрирующихъ составныхъ частей, онѣ мало-по-малу выпали, такъ какъ удобнѣе было обходиться безъ нихъ“ ²⁾.

1) Dr. Julius Jolly, Die Sprachwissenschaft. (W. D. Whitney's, Vorlesungen über die Prinzipien der Vergleichenden Sprachforschung).

2) „In der Schrift erscheinen unsere Wörter mit einem Haufen stummer Buchstaben übersät, welche wie es bekannt ist als Ueberreste einer älteren Art, die Wörter auszusprechen, stehen geblieben sind; einst als integrirende Bestandtheile dazu gehörig, sind sie nach und nach ausgefallen, weil es bequemer war sie zu entbehren“. Cf. pag. 43.

Далѣ, на стр. 105 Jolly говорить со словъ Whitney'a¹⁾: „Первое и самое важное явленіе и причина почти всѣхъ звуковыхъ измѣненій, которыя встрѣчаются въ исторіи языковъ, есть извѣстная склонность человѣка: стремленіе облегчать дѣло органамъ рѣчи, замѣнять труднѣе произносимые звуки и звуковыя соединенія болѣе удобными и болѣе мягкими и выкидывать за бортъ весь безполезный балластъ въ словахъ, которыми мы пользуемся“.

Whitney объясняетъ затѣмъ эту склонность „бросать за бортъ“ естественнымъ инстинктомъ человѣка, вытекающимъ яко бы изъ прирожденной ему лѣности, подъ вліяніемъ которой человѣкъ стремится избавиться отъ артикулированія точно такъ же, какъ и отъ всякаго другого напряженія, или, по крайней мѣрѣ, старается облегчать его.

Whitney, какъ и Curtius, упускаетъ изъ виду, что языкъ вѣчно находится въ преобразованіи; что ничто не выбрасывается, что не нашло себѣ замѣны. Какъ бы ни была неудобна, съ ихъ точки зрѣнія, языковая форма, однако, не взирая на всю лѣность людей, приписываемую имъ Whitney'емъ, эта форма не можетъ быть „брошена за бортъ“, если языковое творчество не создастъ чего-нибудь другого, болѣе подходящаго для новаго періода языка.

Великіе представители нашей науки забываютъ также, что на языкъ нельзя смотрѣть какъ на что-то готовое, гдѣ можно распоряжаться сообразно „инстинкту лѣности“. „Всякая

---

1) „Die erste und wichtigste Erscheinung und die Ursache fast aller Lautveränderungen, die in der Geschichte der Sprachen vorkommen, ist jener Trieb des Menschen: das Streben, den Sprachorganen die Sache leicht zu machen, die schwerer sprechbaren Laute und Lautverbindungen durch bequemere und weichere zu ersetzen, und allen unnützen Ballast in den Wörtern, deren wir uns bedienen, über Bord zu werfen“.

стадія языка“, говорить Schuchardt¹⁾, „есть переходная стадія, всякая столь же нормальна, какъ и любая другая“²⁾.

По мнѣнію W. v. Humboldt'a³⁾ преобразование звуковъ (Lautumformung) подчиняется двумъ, часто другъ друга поддерживающимъ, но по временамъ и противодѣйствующимъ законамъ. Одинъ изъ нихъ, органическій, находится въ связи съ органами рѣчи и ихъ взаимодействіемъ. Другой же законъ вызывается духовнымъ принципомъ языка. Онъ мѣшаетъ органамъ рѣчи предаваться своимъ склонностямъ или лѣни. Эти законы, органическій и духовный, находятся между собою до извѣстной степени въ гармонической связи. Духовный долженъ, по возможности, уступать органическому касательно легкаго и бѣлаго произношенія. Но если духовный законъ ослабѣваетъ въ своемъ вліяніи, органическій беретъ перевѣсъ подобно тому, какъ въ животномъ организмѣ по прекращеніи жизненнаго принципа химическія сродства овладѣваютъ властью.

1) Schuchardt, Ueber die Lautgesetze, pag. 18 i.

2) „Jedes Stadium der Sprache ist ein Uebergangsstadium, ein jedes ebenso normal, wie irgend ein anderes“.

3) Humboldt, W. v., Einleitung p. 89: „Die Lautumformung unterliegt einem zweifachen, gegenseitig sich oft unterstützenden, allein auch in anderen Fällen entgegenkämpfenden Gesetze. Das eine ist ein bloss organisches, aus den Sprachwerkzeugen und ihrem Zusammenwirken entstehend, von der Leichtigkeit und Schwierigkeit der Aussprache abhängig, und daher der natürlichen Verwandtschaft der Laute folgend. Das andere wird durch das geistige Princip der Sprache gegeben, hindert die Organe, sich ihrer blossen Neigung oder Trägheit zu überlassen und hält sie bei Lautverbindungen fest, die ihnen an sich nicht natürlich sein würden. Bis auf einen gewissen Grad stehen beide Gesetze in Harmonie mit einander. Das geistige muss zur Beförderung leichter und fließender Aussprache dem andern, soviel es möglich ist, nachgebend huldigen, ja bisweilen, um von einem Laute zum andern, wenn eine solche Verbindung durch die Bezeichnung als nothwendig erachtet wird, zu gelangen, andere bloss organische Uebergänge ins Werk richten. In gewisser Absicht aber stehen beide Gesetze einander entgegen, dass wenn das geistige in der Kraft seiner Einwirkung nachlässt, das organische das Uebergewicht gewinnt, so wie im thierischen Körper beim Erlöschen des Lebensprincips die chemischen Affinitäten die Herrschaft erhalten.“

Противъ положенія, что вся звуковая смѣна (Lautwandel) происходитъ изъ стремленія къ облегченію произношенія, къ упрощенію артикуляціи; что, другими словами, звуковая смѣна постоянно будто бы заключается въ звуковомъ ослабленіи, но никогда не въ усиленіи, — возстаетъ Sievers¹⁾. „Допустимъ“, говоритъ онъ, „что многія явленія въ исторіи языка могутъ быть подведены подъ эту рубрику, но, высказанная въ качествѣ общаго правила, эта мысль рѣшительно ложна“²⁾. Далѣе Sievers настаиваетъ на томъ, что сами по себѣ различія въ трудности производства звуковъ рѣчи чрезвычайно малы, и что настоящія затрудненія наступаютъ только при репродукціи чуждыхъ звуковъ. Подобно тому какъ вообще каждая часть человѣческаго тѣла, при одностороннемъ упражненіи, особенно развивается для той работы, которую она ежедневно совершаетъ, для другихъ же примѣненій дѣлается менѣе пригодной, если не совершенно негодной, такъ и человѣческой органъ рѣчи, вслѣдствіе продолжающагося съ молодости непрерывнаго упражненія въ производствѣ звуковъ родного языка, достигаетъ безусловной власти надъ всей артикуляціонной работой, которой требуетъ родной языкъ.

Разъ органы рѣчи, благодаря односторонности своей дѣятельности, а также и въ цѣляхъ ея, получили одностороннее развитіе, то все, что выходитъ изъ рамокъ обычной артикуляціонной работы, вызываетъ затрудненіе. Это оправдывается, безъ сомнѣнія, относительно звуковыхъ элементовъ любого языка: то же затрудненіе, которое испытываетъ нѣмецъ при репродукціи англійскаго *th* или церебральныхъ *r*, *d*, *t*, представляется и англичанину, положимъ, при произношеніи нѣмецкаго *ch* или алвеолярнаго resp. увулярнаго *r* (*gerolltes r*) или

1) Sievers, Grundzüge der Phonetik, pag. 224.

2) „Man kann zugeben, dass viele sprachgeschichtliche Erscheinungen unter diese Rubrik gebracht werden dürfen, aber in der Allgemeinheit, mit der der Satz ausgesprochen wird, ist er entschieden falsch“.

дорсальных *d, t*. Короче говоря, настоящіа затрудненія при произношеніи въ области извѣстнаго языка почти никогда не представляются членамъ данной языковой области, а иностранцу.

При изученіи романскихъ языковъ не слѣдовало бы упускать изъ виду этнографическаго момента и оставлять безъ вниманія того обстоятельства, что романскіе народы не прямые потомки латиновъ, и что языковыя особенности ихъ языковыхъ предковъ навѣрно оказывали довольно сильное вліяніе на ихъ языкъ. Когда берутъ латинскія формы и рядомъ съ ними выставляютъ соотвѣтствующія французскія, какъ ихъ разложившіеся обломки, то забываютъ подъ вліяніемъ идеи о „родословномъ древѣ“, что романскіе языки представляютъ изъ себя не распавшуюся латынь, а результатъ языкового творчества, гдѣ латинскій языкъ служилъ матеріаломъ. „Это новые отростки“, говоритъ Muller¹⁾, „которые развились изъ корня умершаго латинскаго языка.“²⁾ Здѣсь „разрушенная форма совершенно инымъ образомъ вновь воздвигнута“, говоритъ W. v. Humboldt³⁾.

Экономическій принципъ сбереженія труда — стремленіе достигнуть возможно меньшими средствами возможно большихъ результатовъ — находитъ свое примѣненіе и въ области языка. Принципъ этотъ выразился въ исчезновеніи фонемъ и морфемъ, когда онѣ становились излишними. Если сокращенный звуковой комплексъ удовлетворялъ семасіологически, соотвѣтствуя способу выраженія мыслей извѣстнаго періода въ развитіи языка (языкъ прежде всего стремится къ ясности содержанія), то артикуляціонная работа могла быть сберегаема.

Уже Curtius называетъ стремленіе сохранять важные (*bedeutungsvollen*) звуки или слоги — силой, препятствующей нормальному ходу звуковой смѣны (*eine dem normalen Verlauf des*

1) Muller, *Historische Grammatik der Hellenischen Sprache*, p. 70.

2) „Es sind neue Sprossen, welche aus der Wurzel der abgestorbenen Lateinischen Sprache sich neu entwickelt haben.“

3) W. v. Humboldt, *Einleitung*, p. 306: „Die zertrümmerte Form ist in ganz verschiedener Weise wieder aufgebaut.“

Lautwandels hemmend in den Weg tretende Kraft)¹⁾. Такъ, въ греческомъ исчезаетъ интервокальное S, но сохраняется въ качествѣ показателя синтаксическихъ отношеній въ будущемъ времени и въ аористѣ. На это явленіе указываетъ и Friedrich Müller во второй части III-го тома „Grundriss der Sprachwissenschaft.“ „Dans quelques cas, cependant, S est maintenu entre deux voyelles dans le corps des mots: *δύνασαι, ἔλυσσας, λύσω*: „Ces formes montrent, dit l'auteur (Fr. Müller), que dans le langage humain l'aperception de la forme l'emporte souvent sur l'aperception phonique et s'oppose à l'action décisive des règles phonétiques purement mécaniques.“²⁾

Объясненіе Gustav Meyer'a, что S въ данномъ случаѣ сохранилось оттого, что оно образовалось будто бы изъ SS, чисто механическое.

Въ нѣкоторыхъ славянскихъ языкахъ исчезло *i* въ окончаніи неопредѣленнаго наклоненія *ti*, и суффиксы *t'* или *t* семасіологически вполнѣ удовлетворяли форму. Съ *t'* или *t* значеніе неопредѣленнаго наклоненія соединилось такъ тѣсно, что въ формахъ, которыя оканчивались еще на *ti* и сохранили свой старый видъ въ качествѣ рудиментовъ, сверхъ того присоединилось *t'* или *t*. Это видно въ резьянскомъ и великорусскомъ. Въ сербскомъ же неопредѣленное наклоненіе оканчивается почти безъ исключенія на *ti*, такъ какъ сокращенный звуковой комплексъ пока не удовлетворяетъ семасіологически.

Baudouin de Courtenay говоритъ объ этомъ слѣдующее:³⁾

„Окончаніе (суффикс) *infinitiv'a* — *ti*, стсл. — *ТИ*, является первоначально во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ или удареннымъ или же неудареннымъ. То же самое слѣдуетъ предположить и для резьянскихъ говоровъ. Названное окончаніе было здѣсь неудареннымъ въ громадномъ большинствѣ глаголовъ, удареннымъ же въ такихъ напр. глаголахъ, какъ* *jit'ì* и. т. п., *nist'ì* и. т. п. (нести) . . .

1) Delbrück, Einleitung, pag. 114. Curtius, Bemerk., pag. 6, 10, 25.

2) Hovelacque, La grammaire Indo-Européenne d'après Fr. Müller, pag. 36.

3) Опыт фонетики Резьянскихъ говоровъ § 279.

Но затѣм, вѣроятно вслѣдствіе смѣшенія съ *supinum*, *i* неудареннаго *ti* совершенно исчезло, и одно только *t* осталось здѣсь окончаніем *infinitiv'a*. А так как подобных *infinitiv'ов* было гораздо больше, нежели *infinitiv'ов* съ ударенным *i* окончанія, то мало по малу выработалось чутье необходимости оканчивать каждый *infinitivus* простым согласным *t*. А такъ как, съ другой стороны, не было никакого достаточнаго повода для передвижки ударенія въ *infinitiv'ах* с ударенным конечным *i*, и так как даже подобная передвижка не влечет еще за собою исчезновенія гласнаго *i*, мѣшающаго предшествующему *t* очутиться въ концѣ слова, то, для удовлетворенія вновь развившейся потребности, оканчивать *infinitivus* простым согласным *t*, оставалось только считать (конечно безсознательно) уже готовую, унаслѣдованную форму *infinitiv'a* с конечным ударенным *i* лишенною окончанія темой (основой) *infinitiv'a* и къ этой вновь образованной темѣ прибавить общее окончаніе *t*. Таким образом произошли: *jitit* = *jtit* = *tit* и т. п., *prijtit* и т. п. (пройти), *rumistit* и т. п. (вымести), *nistit* и т. п. (нести) . . .“

Въ великорусскомъ языкѣ суффиксъ **ок** теряетъ **о** безъ ударенія, какъ напр. кусокъ | куса́ и т. д. Однако существуютъ слова, какъ:

знато́к | знатока́

игро́к | игрока́

ходо́к | ходока́

ѣздо́к | ѣздока́,

гдѣ **о** при наличности указанныхъ условій, все-таки не перешло въ звуковой нуль (*o*). Причина лежитъ въ томъ, что съ суффиксомъ **ок** связано извѣстное значеніе. Всѣ эти слова — отглагольные корни, которые съ присоединеніемъ суффикса **ок** получаютъ значеніе дѣйствующаго лица, дѣятельность котораго выражена въ отглагольномъ корнѣ. Если бы это **о** исчезло, то форма оказалась бы недостаточной для извѣстнаго языкового періода.

Количество такого рода словесныхъ формъ въ новомъ періодѣ небольшое, и, благодаря морфологической ассимиляціи,

обнаруживается стремление приноровлять эти формы къ бѣльшей группѣ словесныхъ формъ, обладающихъ тѣмъ же отѣнкомъ значенія, а именно къ словамъ на **ак**. Напр. употребляется рядомъ съ формой „ходѣк“ и форма „ходѣк“ (это явленіе указываетъ на стремленіе къ сбереженію труда для церебраціонной¹⁾ дѣятельности). Суффиксъ **ок** вслѣдствіе этого теряетъ мало-по-малу то значеніе, которое онъ имѣетъ въ вышеупомянутыхъ словахъ. Отъ слова стрѣлокъ является форма стрѣлка. Суффиксъ **ок** въ данномъ случаѣ потерялъ свою спеціальную функцію, а слово стрѣлокъ приноровлено къ остальнымъ словамъ (большинству) на **ок**.

Часто изъ одного значенія путемъ постепенной нюансировки развивается нѣсколько значеній. Эти значенія въ концѣ концовъ расходятся, и тогда въ интересахъ различенія является необходимость нюансировать самую звуковую форму, такъ какъ одно изъ главныхъ стремленій языка есть стремленіе къ ясности; ясность же можетъ быть достигнута только точнымъ установленіемъ значенія, связаннаго съ звуковымъ комплексомъ. Такимъ образомъ изъ великорусскаго „обязать“ образовалось значеніе нравственной связи, долга. Представилась необходимость измѣнить звуковое выраженіе примѣнительно къ этому новому значенію. Новая форма могла быть достигнута при сбереженіи труда. Звуковой формой для новаго значенія стало „обязать“. Этотъ измѣненный звуковой комплексъ (обязать) — семасіологически вполне достаточенъ, чтобы выразить нравственную связь, но недостаточенъ, какъ форма для

1) При производствѣ каждаго языка и пользованіи имъ играютъ роль три фактора:

1. Фокація — способность производить членораздѣльные звуки (работа звуковыхъ органовъ).
2. Аудиція — способность слышать звуки (работа слуховыхъ органовъ)
3. Церебрація — способность вызывать членораздѣльные звуки, связывать ихъ въ звуковые комплексы, разбирать ихъ, способность мыслить и думать (работа мозга).

первоначальнаго понятія — физическаго обвязыванія. (Впрочемъ, при производствѣ новой формы могъ участвовать также фонетическій процессъ $bw \rightarrow b$, напр. обвлаго — облако).

Путемъ нефонетическаго преобразованія, двѣ разныя функціонныя формы могутъ въ звуковомъ отношеніи сдѣлаться одинаковыми. Различительная способность требуетъ снова дифференцированія, которое можетъ быть и въ данномъ случаѣ установлено путемъ сбереженія труда.

Въ греческихъ глаголахъ на μ второе лицо оканчивается на σ , третье на τ . Въ дорическомъ нарѣчій эта форма на ti еще сохранилась. Въ аттическомъ $ti \rightarrow t'i \dots \rightarrow si$; t передъ i стало палятальнымъ (i дѣйствовало палятализирующимъ образомъ на t) и дало рядомъ посредственныхъ звеньевъ s .

Примѣчаніе 1. Палятализація $t \rightarrow s$ обнаруживается въ греческомъ языкѣ еще и въ другихъ случаяхъ.

Напр.:

1) $\pi\lambda\omicron\upsilon\tau\omicron\varsigma \parallel \pi\lambda\omicron\upsilon\sigma\omicron\varsigma$

$\text{'}\alpha\mu\beta\rho\tau\omicron\varsigma \parallel \text{'}\alpha\mu\beta\rho\sigma\omicron\varsigma$

2) Окончаніе III-го лица pl. praes. $\sigma\sigma\iota \leftarrow \sigma\sigma\tau\iota$.

3) Abstracta на $\sigma\varsigma \leftarrow \tau\varsigma$.

Примѣчаніе 2 Въ латинскомъ языкѣ стремленіе къ палятализаціи t передъ i замѣчается въ такихъ словахъ, какъ *patio* etc. Въ романскихъ языкахъ, напр., въ французскомъ $t'i \rightarrow s$; *aristocratie* (*aristocrassie*), *nation* (*nassion*) и т. д. Въ германск.: $t' \rightarrow s$ (или z); напр. *messen* (ср. лат. *metiri* ¹⁾, *taihun* $\rightarrow$ *zehn* и т. д. ²⁾.

1) Ср. др.-сакс. *mētan*; ндрл. *meten*; англ. *metan*; гот. *mitan* (взмѣрять); присоед. гот. *mitōn* (обдумывать, обсуждать)

Kluge вполне справедливо замѣчаетъ, что германская основа *met* не можетъ быть приведена въ связь съ латинскимъ *metiri*, чѣмъ вызвана была бы парализація звукового передвиженія (*stockende Lautverschiebung*), а съ догерманскимъ *med*. Ср. лат. *modus*, греч. $\mu\acute{\epsilon}\delta\omicron\mu\alpha\iota$, $\mu\eta\delta\omicron\mu\alpha\iota$ (я взвѣшиваю, соображаю).

2) Въ данномъ случаѣ явленіе, называемое „Lautverschiebung“ — палятализація.

Благодаря этому стремленію къ палатализаціи, формы II-го и III-го лица единственнаго числа настоящаго времени въ аттическомъ языкѣ совпали. Для предупрежденія путаницы, во второмъ лицѣ исчезло *i*, и форма получила видъ $\delta\acute{\iota}\delta\omega\varsigma$. (Для созданія этой новой формы, конечно, могла послужить прототипомъ готовая форма второго лица историческихъ временъ на *s*, которая могла быть приноровлена ко второму лицу *sing. praes.*) Эта форма была такимъ образомъ семасіологически болѣе совершенна.

Выше было указано, что въ языкѣ извѣстный звуковой комплексъ связанъ съ извѣстнымъ значеніемъ; но какъ только онъ перестаетъ соответствовать этому значенію [вслѣдствіе ли звуковой смѣны (*Lautwandel*) (какъ выше), или же вслѣдствіе перемѣны самого значенія] и такимъ образомъ вноситъ въ языкъ неясность, то онъ иногда можетъ быть модифицированъ путемъ сокращенія.

Совершенно другое происходитъ у индивида или народа, которому чуждъ извѣстный языкъ. Его органъ слуха не въ состояніи воспринимать непривычнаго чужого звукового комплекса; съ другой стороны онъ не въ состояніи воспроизводить извѣстныхъ, чуждыхъ для него артикуляціи въ виду непривычности его органовъ рѣчи къ подобной дѣятельности.

Sievers (*Grundzüge d. Phon.*, pag. 7 ai) говоритъ объ этомъ слѣдующее ¹⁾: „Съ одной стороны ухо обыкновенно бываетъ до

1) „Denn einerseits pflegt das Ohr für ihm fremdartige Laute oder deren Unterschiede von den ihm geläufigen stets bis zu einem gewissen Grade taub zu sein, oder wo wirklich ein Unterschied wahrgenommen wird, pflegen wir oft Mitteldinge zwischen den fremden und den eignen Lauten zu hören, die nur dadurch entstehen, dass die Vorstellung der eignen Laute mit den entsprechenden gehörten fremden zusammenschmilzt. Andererseits laufen wir bei der nun einmal erworbenen Unempfindlichkeit des Gehörs für kleinere Verschiedenheiten im Klange der Laute oft Gefahr, fremden Lauten, die man nur mit dem Gehör erfassen kann, solche Articulationen zuzuschreiben, mit denen man bei dem Versuche der Nachbildung dem akustischen Effect derselben einigermaßen nahe kommt, obwohl oft genug diese eigenen Articulationen den fremden nicht entsprechen.“

извѣстной степени глухо для чуждыхъ ему звуковъ или для того, чтобы уловить различіе ихъ отъ тѣхъ звуковъ, съ которыми оно свыклось. Если же мы и замѣчаемъ различіе, то обыкновенно часто слышимъ нѣчто среднее между чужими и собственными звуками. Этотъ медіумъ происходитъ оттого, что представленіе о собственныхъ звукахъ сливается съ представленіемъ о соотвѣтствующихъ услышанныхъ нами чуждыхъ звукахъ. Съ другой стороны, при нечувствительности слуха къ небольшимъ различіямъ въ звуковыхъ оттѣнкахъ, мы рискуемъ приписывать чужимъ звукамъ, уловимымъ исключительно слуховыми воспріятіями, такія артикуляціи, съ помощью которыхъ, при попыткѣ къ подражанію, можно достигнуть акустическаго эффекта, приблизительно соотвѣтствующаго чуждому звуку. Однако довольно часто подобнаго рода собственные артикуляціи не соотвѣтствуютъ чужимъ.“

Языкъ заимствуетъ чужіе артикуляціонные комплексы, измененные въ звуковомъ отношеніи (причина измененія изложена выше), и затѣмъ приноровляетъ ихъ, часто наивнымъ образомъ, благодаря народной этимологіи, къ собственнымъ звуковымъ комплексамъ, преимущественно же къ такимъ, которые, часто столь же наивно, могутъ быть поставлены въ связь по значенію.

Все это слѣдовало бы принимать въ соображеніе при этимологизаціи словъ, принадлежащихъ романскимъ языкамъ. Вульгарная латынь, которая считается, такъ сказать, исходной стадіей романскихъ языковъ, часто предъявляетъ болѣе полныя формы, чѣмъ классическая латынь; въ виду этого любой представитель романской группы народовъ долженъ былъ бы обладать (по теоріи разложенія языковъ) ужасающимъ инстинктомъ лѣности, имѣя въ виду современное состояніе романскихъ языковъ. Его можно было бы обвинить въ чисто вандальскомъ отношеніи къ звуковымъ комплексамъ того языка, которому обязана своимъ существованіемъ его родная рѣчь.

Когда извѣстный языкъ принимаетъ въ свой составъ чужой артикуляціонный комплексъ, то фонація и аудиція не

въ состояніи вполне удовлетворить внѣшнюю (звуковую) форму заимствованнаго понятія; однако для церебраціи заимствующаго языка этотъ несовершенный (по отношенію къ языку, у котораго заимствуютъ) звуковой образъ достаточенъ, такъ какъ языкъ связываетъ извѣстное значеніе съ воспринятой, своеобразно модифицированной формой. Вслѣдствіе этого полученный звуковой комплексъ, будучи удовлетворительнымъ въ звуковомъ отношеніи для заимствующаго языка, недостаточенъ для языка, у котораго заимствуютъ.

Здѣсь мы опять, конечно, имѣемъ дѣло не съ разложеніемъ, а съ творчествомъ заимствующаго языка, воспринимающаго въ своеобразной формѣ извѣстный чужой звуковой комплексъ.

Глава Ш.

Трата постпозиціональнаго элемента въ пользу препозиціональнаго.

Замѣна постпозиціональныхъ, суффиксальныхъ элементовъ ¹⁾ препозиціональными, префиксальными.

Болѣе всего замѣтно въ языкѣ постепенное исчезновеніе полныхъ суффиксальныхъ элементовъ, таѣхъ называемыхъ окончаній. Уже W. v. Humboldt ²⁾ указываетъ на это явленіе, говоря, что языкъ богаче всего флексіями въ самомъ юномъ возрастѣ. Со временемъ же число этихъ флексій уменьшается. „Усѣченіе флексій — фактъ, не подлежащій никакому сомнѣнію“, говоритъ гениальный мыслитель. „Способность, дающая форму языку, то равнодушно устраняетъ ихъ по разнымъ причинамъ и въ разныя стадіи, то умышленно отъ нихъ отдѣлывается; и даже вѣрнѣе объяснять себѣ это явленіе такимъ образомъ, чѣмъ приписывать вину исключительно только времени. Уже въ формаціяхъ склоненія и спряженія, очевидно, характерные звуки тѣмъ свободнѣе отбрасываются, чѣмъ больше устанавливается понятіе о всей схемѣ, сама собою указывающей каждому отдѣльному

---

1) Подъ суффиксальными элементами подразумѣваю я то, что принято называть „окончаніемъ“. Префиксальные элементы суть тѣ представочныя формы (слова), которыя замѣняютъ въ языкахъ новой структуры прежнія окончания.

2) W. v. Humboldt, Einleitung p. 298.

случаю соотвѣтствующее мѣсто 1).“ На одной изъ слѣдующихъ страницъ Humboldt продолжаетъ: „Являющіяся такимъ образомъ меньшее богатство формъ и болѣе простая структура не лишаютъ языковъ, какъ мы это видимъ въ англійскомъ и въ нашемъ (нѣмецкомъ) языкахъ, способности къ высокимъ преимуществамъ и даютъ имъ только своеобразный характеръ“ 2).

Исчезновеніе „окончаній“ такъ поразительно при сравненіи древняго и новаго періодовъ языка, что неудивительно, если выдающіеся изслѣдователи, какъ Ворр, Schleicher, Whitney и др., стояли за разложеніе языка; несмотря на то, что этотъ взглядъ теперь открыто уже не высказывается, все-таки импульсъ къ разложенію — стремленіе къ удобству, инстинктъ лѣности — не потерялъ права гражданства и донинѣ.

Уже въ болѣе древнихъ языковыхъ стадіяхъ обнаруживается, что суффиксы, несмотря на большое количество ихъ, въ качествѣ показателей синтаксическихъ отношеній, не удовлетворяли стремленія къ ясности въ языкѣ. Такъ, напр., санскритъ и греческій языкъ, при всемъ обиліи глагольных окончаній, нуждаются въ префиксальномъ элементѣ. Въ Ригведѣ и у Гомера нѣтъ еще постояннаго присутствія аугмента въ историческихъ временахъ, между тѣмъ какъ въ санскритѣ и въ греческомъ языкѣ слѣдующихъ эпохъ, помимо многочислен-

1) *ibid.* p. 299: Das Abschleifen der Flexionen ist eine unläugbare Thatsache. Der die Sprache formende Sinn lässt sie aus verschiedenen Ursachen und in verschiedenen Stadien bald gleichgültig wegfallen, bald macht er sich absichtlich von ihnen los; und es ist sogar richtiger, die Erscheinung auf diese Weise auszudrücken, als die Schuld allein und ausschliesslich der Zeit beizumessen. Schon in den Formationen der Declination und Conjugation werden sichtbar charakteristische Laute immer sorgloser weggeworfen, je mehr sich der Begriff des ganzen, jedem einzelnen Fall seine Stelle von selbst anweisenden Schemas festsetzt“.

2) *ibid.*, p. 302: „Ein auf diese Weise entstehender geringerer Formenreichtum und einfacherer Bau macht daher die Sprachen, wie wir eben an der Englischen und der unsrigen sehen, keineswegs hoher Vorzüge unfähig, sondern ertheilt ihnen nur einen verschiedenen Charakter“.

ныхъ суффиксальныхъ элементовъ, необходимый представитель функции — приращение (*augmentum*).

По Курциусу (*Gr. Verb.* p. 132 и 133) формы съ приращениемъ (*augmentum*) самыя древнія; изъ этихъ болѣе полныхъ первоначальныхъ формъ образовались болѣе позднія безъ приращенія (неаугментированныя). Эти послѣдующія не могли вытѣснить первоначальныхъ, которыя въ свою очередь одерживаютъ верхъ надъ ними. Таковъ былъ ходъ развитія въ санскритскомъ и греческомъ, по мнѣнію Курциуса. Оба языка приходятъ такимъ образомъ, на пути неорганическаго развитія, къ тому же виду, отъ котораго они исходили. Такое круговращеніе въ языкѣ все-таки слишкомъ странно и невѣроятно, несмотря на слѣдующее объясненіе Курциуса (*Gr. Verb.* pag. 133), данное имъ по поводу этого явленія ¹⁾: „Можетъ быть, мы даже имѣемъ право утверждать, что одна изъ особенностей древнихъ языковыхъ періодовъ заключается въ томъ, что, несмотря на всѣ сокровища, сберегаемыя ими для насъ отъ прежнихъ временъ, эти періоды представляютъ отдѣльные слѣды извѣстнаго разложенія, которые затѣмъ при болѣе ясномъ сознаніи правила снова восполнялись“.

На самомъ дѣлѣ мнѣніе Курциуса относительно давности формъ для прошедшихъ временъ съ приращениемъ не выдерживаетъ критики, потому что нѣтъ фактическихъ данныхъ для этого. Больше вѣроятности, что формы безъ приращенія древнѣе и первоначальнѣе; по крайней мѣрѣ онѣ встрѣчаются въ древнѣйшихъ источникахъ. У Гомера формы безъ приращенія почти общеприняты, но въ аттическомъ нарѣчій онѣ уже совсѣмъ не встрѣчаются.

1) „Vielleicht dürfen wir sogar behaupten, es gehöre zur Eigenthümlichkeit alter Sprachperioden trotz allen Schätzen, die sie aus der Vorzeit uns aufbewahren, stets einzelne Zeichen eines gewissen Verfalles darzubieten, die sich später in dem bestimmtern Bewusstsein der Regel wieder auswachsen“. Curtius, *Das Verbum der griechischen Sprache.* Leipzig 1873–76. I.

Точно такое же явленіе мы замѣчаемъ въ санскритскомъ языкѣ. И здѣсь формы безъ приращенія встрѣчаются только въ языкѣ болѣе древняго періода. Обыкновенно встрѣчаются такія формы въ Ригведѣ, въ эпосѣ онѣ уже рѣдкость, а въ классическомъ санскритѣ формы съ приращеніемъ стали нормой. Въ обоихъ языкахъ мы можемъ изслѣдовать ходъ органическаго развитія, при которомъ старыя формы — таковыми мы можемъ считать встрѣчающіяся въ самыхъ древнихъ намъ извѣстныхъ памятникахъ формы безъ приращенія — посредствомъ постоянно впослѣдствіи выступающаго элемента развиваются и такимъ образомъ производятъ новыя формы, болѣе соответствующія главному стремленію языка — стремленію къ ясности и удобопонятности¹⁾. Эти новыя формы постепенно совсѣмъ устраняютъ старыя.

Падежи должны были, послѣ устраненія прежней флексіи, получить другой внѣшній отпечатокъ. Это достигалось при помощи вспомогательныхъ словъ, способныхъ замѣстить прежніе знаки отличія. Такъ какъ падежныя соотношенія принадлежатъ къ тончайшимъ въ грамматикѣ, то это замѣщеніе сначала могло быть только приблизительное. Введеніе этихъ вспомогательныхъ словъ слѣдуетъ считать явленіемъ, предшествующимъ исчезновенію флексіи, такъ какъ нельзя допустить такого періода, когда бы падежныхъ обозначеній не было. Какъ только эти новые элементы стали на твердую почву, можно было обходиться безъ падежныхъ суффиксовъ, утратившихъ свое значеніе. Насколько прежняя флексія утратила свое значеніе уже въ послѣднія столѣтія существованія Западной имперіи въ народномъ говорѣ, видно изъ языка надписей: такая путаница въ употребленіи падежей не могла остаться безъ послѣдствія, а именно — паденія прежней системы склоненія. При этомъ замѣтно, что именительный и винительный, какъ главные падежи, занимаютъ мѣсто прочихъ.

1) Регулярно употребляемый префиксальный элементъ — приращеніе явно указываетъ на прошедшее время.

Обильное разнообразіе окончаній требуетъ болѣе усиленной работы отъ различительной способности.

Много примѣровъ для этого у Грутера¹⁾ и Ореллія²⁾. Напр. преимущество окончаній именительнаго или вишительнаго падежей:

a latus
 a census
 a pontifices
 in senu mare
 pro salutem
 ab Isem
 ab aedem
 af (ab) balnearium lacum
 af Capuam
 cum quem
 cum conjugem suam
 cum partem.

Рѣже встрѣчаются примѣры, гдѣ отдается преимущество dativ'у или ablativ'у:

ante fronte
 in suis (-os)
 nomine (nomen)
 ob perpetuo amore
 per quo
 in vinculis missus³⁾.

Пока еще избѣгали такъ называемыхъ противограмматическихъ окончаній, но нельзя сказать, чтобы они не встрѣчались. Напр.:

1) Jani Gruteri corpus inscriptionum. . . Amstelaedami 1707.

2) Orellius, Inscriptionum latinarum selectarum amplissima collectio. . . Turici 1828—56.

3) Подобнаго рода примѣрами изобилуютъ „leges barbarorum“, напр.:

Lex Salica, Tit. L: de fides factas

” LII: de rem pristitam

” XIV § 6: si quis villa aliena adsalierit etc.

” XXVIII, 3: si quis pedica ad caballo imbulaverit etc.

” ” 10: si quis prato alieno secaverit . .

aliquis (-ibus)
 lugubris (-ibus)
 dibus (diis)
 Senati (-us)
 decembro (-i).

Возрастающее смѣшеніе падежныхъ формъ потребовало наконецъ другого отличительнаго внѣшняго признака для ясности и удобопонятности рѣчи. Предлоги, при помощи которыхъ это достигается, были для родительнаго *de*, для дательнаго *ad*. Оба они принимаютъ на себя всѣ особенности нефункционирующей флексіи, сохраняя при этомъ и свою первоначальную дѣятельность ¹⁾. Склонность къ такому рода описательнымъ формамъ, видимо, имѣлъ уже римскій народный говоръ. Въ надписяхъ встрѣчаются формы:

de natione Bessus
miles de stipendiis
curator de sacra via (См. Gruter).
oppida de Samnitibus
natus de Tusdro (См. Orellius).

Въ послѣдующихъ памятникахъ это употребленіе встрѣчается еще чаще.

Примѣчаніе 1. У Плавта: *hunc ad carnificem dabo*; у Теренція: *pauperem ad ditem dari*; у Варрона: *quod apparet ad agricolas*.

Примѣчаніе 2. Точно такое употребленіе въ нидерландскомъ. Здѣсь вмѣсто *de* и *ad* — *van* и *aan*; въ англійскомъ *of* и *to*, тоже вполне соответствующіе *de*

1) Вслѣдствіе „вымирания“ падежныхъ окончаній на почвѣ греческаго языка, родительный падежъ унаслѣдовалъ отправления аблятива, выражаемыя при помощи предлоговъ ἄπό, ἐξ, ὑπό (Curtius, Erläuterungen zu meiner griech. Schulgr. Prag 1870, pag. 165; Gerland, Kuhns Z., IX, pag. 136). Падежи, выполняющіе роль другихъ „вымершихъ“ падежей, одарены даже названіями. Pott (Etym. Forsch. I, 16) называетъ ихъ „syncretistische Casus“, Curtius (Erläuter. pag. 166) „Mischcasus“.

и *ad*; въ новогреческомъ утраченный дательный падежь замѣняется винительнымъ падежомъ съ предлогомъ *εις* = *ad*.

Примѣчаніе 3. Рядомъ съ *de* употребляли и предлогъ *a* для выраженія родительнаго падежа, но онъ скоро уступаетъ свою роль предлогу *de*. Можетъ быть причиною было звуковое сходство съ *ad*. (*ab* → *af*; *ad* → *af*).

При изслѣдованіи новыхъ языковъ нельзя не притти къ заключенію, что суффиксальные элементы постепенно исчезаютъ и функціи ихъ переходятъ къ префиксамъ.

На этотъ процессъ въ новыхъ языкахъ указываетъ уже W. v. Humboldt. Онъ видитъ въ языкахъ новыхъ практическое направленіе, стремленіе къ удобопониманію¹⁾. Удобство ума замѣняетъ склонность фантазіи къ примѣтамъ съ полными и звучными слогами, разлагаетъ формы на вспомогательные глаголы и предлоги. Примѣняя эти грамматическія вспомогательныя слова, языкъ не нуждается болѣе въ флексіяхъ. По мнѣнію Humboldt'a этотъ аналитическій методъ стоитъ меньшаго усилія для пониманія, чѣмъ синтетическій²⁾.

1) W. v. Humboldt, Einleitung, p. 300: „Gleichergestalt kann die vorwaltende praktische Richtung der Sprache Abkürzungen, Auslassungen von Beziehungswörtern, Ellipsen aller Art aufdringen, weil man, nur das Verständniss bezweckend, alles dazu nicht unmittelbar Nothwendige verschmäh't“.

2) *ibid.*, p. 300, 301: „An die Stelle der Freude der Phantasie an sinnreicher Vereinerung der Kennzeichen mit volltönendem Sylbenfall tritt Bequemlichkeit des Verstandes und löst die Formen in Hülfsverba und Präpositionen auf. Er erhebt dadurch zugleich den Zweck leichter Deutlichkeit über die übrigen Vorzüge der Sprache, da allerdings diese analytische Methode die Anstrengung des Verständnisses vermindert, ja in einzelnen Fällen die Bestimmtheit da vermehrt, wo die synthetische dieselbe schwieriger erreicht. Bei dem Gebrauch dieser grammatischen Hülfsörter aber werden die Flexionen entbehrlich, und verlieren allmählig ihr Gewicht in der Achtsamkeit des Sprachsinnes“.

Объ этомъ явленіи упоминаетъ и Claudius ¹⁾. Имѣя въ виду членъ (Artikel), онъ говоритъ слѣдующее ²⁾: „Въ данномъ случаѣ является лишнее слово, но за то необыкновенно важное. Членъ прежде всего даетъ понятіе о смыслѣ рѣчи, который мы нашли бы только путемъ размышленія, если бы члена не было. Далѣе, онъ даже необходимъ, въ виду недостаточности формъ нашего склоненія, особенно, если формы такъ искажены, какъ въ итальянскомъ языкѣ“.

Весьма интересенъ далѣе взглядъ Rönisch'a ³⁾. Онъ заканчиваетъ свое краткое изложеніе особенностей народнаго языка „Италы“, между прочимъ, слѣдующими словами ⁴⁾: „Очевидно, въ ней (въ Италѣ) замѣтно стремленіе выдвинуть, взаимно употреблявшихся въ римскомъ литературномъ языкѣ падежныхъ, степенныхъ и глагольныхъ образованій, какъ можно больше „формовыхъ словъ“ [Formwörter (предлоги, нарѣчія, мѣстоименія)], которыя, безъ сомнѣнія, способствуютъ тому, что выраженіе мысли становится проще и удобопонятнѣе, яснѣе и прозрачнѣе“.

Интересный pendant къ вышеизложенному взгляду и въ то же самое время прямое указаніе на несовершенство окончаній (суффиксальныхъ элементовъ) заключается въ словахъ

1) Claudius, Das Leben der Sprache, p. 18. (Небольшая, но въ высшей степени интересная и содержательная работа извѣстнаго Марбургскаго анатома. Особенно превосходно изложено описаніе говорильнаго аппарата).

2) „Wir haben hier eine Vermehrung der Sprache, aber um ein bedeutendes Wort. Der Artikel giebt von vornherein ein Verständniss des Sinnes der Rede, welches wir erst durch Nachdenken finden müssten, wenn er fehlt. Ferner ist er der bei uns so mangelhaften Declination geradezu nothwendig, selbst wenn die Formen so defect sind wie im Italienischen“.

3) Hermann Rönisch, Itala und Vulgata.

4) „Denn augenfällig zeigt sich in ihr (in der Itala) das Bestreben, an die Stelle der in der römischen Schriftsprache angewendeten Casus-Comparations- und Motionsbildungen so viel als möglich Formwörter (Praepositionen, Adverbien, Fürwörter) treten zu lassen, welche unbezweifelt dazu beitragen, den Gedankenausdruck einfacher und fasslicher, klarer und durchsichtiger zu machen“.

академика Ивана Давыдова¹⁾: „Слова понятій, или знаменательныя, иногда обращаются въ окончанія, или служебныя слова; но въ такомъ случаѣ они перестаютъ быть словами знаменательными. Такой переходъ тогда только бываетъ, когда въ языкѣ отѣнки отношеній требуютъ столь разнообразнаго различенія, что этому не могутъ удовлетворить первоначальныя окончанія. Такъ въ Англійскомъ языкѣ окончанія падежей замѣнены предлогами *of, to*“.

Итакъ вышеуказанное явленіе въ языкѣ, къ разсмотрѣнію котораго я приступаю, не есть разложеніе, а новообразование, способствующее тому, что выраженіе мысли становится проще и удобопонятнѣе, яснѣе и прозачнѣе.

Жестоко ошибается поэтому Wedewer²⁾, признавая въ ново-верхненѣмецкомъ языкѣ значительное ограниченіе прежняго обилія формъ на томъ основаніи, что въ готскомъ склоненіи именъ существительныхъ 40 окончаній флексіи, въ древне-верхненѣмецкомъ 25, а въ ново-верхненѣмецкомъ только 6.

Функція номинальнаго суффикса перешла на членъ. Спутникомъ существительнаго является членъ, впрочемъ всегда безъ ударенія. Римлянину онъ былъ чуждъ, въ романскихъ же языкахъ онъ повсюду установился передъ существительнымъ, за исключеніемъ валахскаго, въ которомъ членъ занимаетъ постпозиціональное положеніе. Примѣры употребленія члена въ романской области можно найти уже въ VI столѣтіи³⁾.

Членъ развился изъ мѣстоименія. У Гомера онъ еще — указательное мѣстоименіе. Въ греческомъ языкѣ послѣдующихъ эпохъ онъ уже на лицо и употребляется рядомъ съ множествомъ падежныхъ суффиксовъ. Въ исполненіе своихъ обязанностей

1) Иванъ Давыдовъ, Опытъ общесравнительной грамматики русскаго языка. Стр. 15.

2) Н. Wedewer, Ueber die Wichtigkeit und Bedeutung der Sprache, pag. 13.

3) Ср. М. Raynouard, Choix des poésies originales des troubadours. Paris 1816—21. I, 39, 40, 47—49.

вступает членъ вполне уже въ новогреческомъ, принимая на себя функцію падежныхъ суффиксовъ. Падежные суффиксы, замѣненные такимъ образомъ этимъ новымъ элементомъ, начинаютъ постепенно исчезать.

Въ славянскихъ языкахъ членъ занялъ функцію суффикса въ ново-болгарскомъ; этимъ и объясняется небольшое количество суффиксовъ (суффиксальныхъ элементовъ) въ ново-болгарскомъ сравнительно съ остальными славянскими языками и особенно съ древне-болгарскимъ (древне-церковно-славянскимъ). Въ великорусскомъ замѣтны нѣкоторые зачатки члена, но онъ еще не достигъ функціи, и разнообразіе и обиліе суффиксальныхъ падежныхъ элементовъ въ великорусскомъ не уступаетъ численностью древнимъ языкамъ.

Въ грамматикахъ тѣхъ языковъ, въ которыхъ развилось префиксальное обозначеніе падежныхъ функцій, обыкновенно обозначаются четыре падежа. Вывести изъ этого заключеніе о разложеніи или разрушеніи языка — опрометчиво. Формы для выраженія синтаксическихъ отношеній, принятія въ грамматикахъ древнихъ языковъ, не исчезли. Онѣ все могутъ быть выражаемы и въ новыхъ языкахъ, при этомъ даже съ болѣе тонкой нюансировкой. Для выраженія этихъ отношеній къ члену присоединились предлоги (*Ablativus, instrumentalis, locativus* въ новыхъ языкахъ выражены при помощи прибавленія предлоговъ).

Уже въ древнихъ языкахъ предлоги играли большую роль рядомъ съ падежными суффиксами для болѣе совершеннаго опредѣленія функціи послѣднихъ, напр. въ греческомъ и латинскомъ языкахъ¹⁾. (Въ латинскомъ языкѣ: *ablativus* съ *cum*,

1) Что эти новые дѣятели, предлоги, способны къ самой тонкой нюансировкѣ падежныхъ отправленій, сознаетъ и Pott. Говоря о винительномъ падежѣ, выражающемъ вообще точку направленія „куда“ или, по крайней мѣрѣ, „идеальнаго движенія“, Pott допускаетъ, что предлоги, какъ *πρός, εἰς*, управляющіе винительнымъ падежомъ, соединенными силами выражаютъ различные виды этого движенія (Pott, *Etym. Forsch.* I, 19—22). Для объяс-

ab, in — въ инструментальномъ, соціативномъ, сепаративномъ и локативномъ смыслахъ).

Разсмотрѣнный нами фактъ опять доказываетъ, что суффиксальные элементы не вполне удовлетворяли различительную способность, т. е., что они не вполне ясно выражали функцію, которая въ данномъ случаѣ отъ нихъ требовалась.

Въ славянскихъ языкахъ (за исключеніемъ ново-болгарскаго) образовался особенный падежь, такъ называемый предложный, который только употребляется съ предлогами и безъ ихъ помощи не можетъ выразить никакой функціи. Онъ обладаетъ суффиксальной формой Locativ'a и въ древне-церковно-славянской грамматикѣ извѣстенъ подъ названіемъ „мѣстный падежь“.

Четыре падежныя формы, обозначаемыя обыкновенно въ грамматикахъ новыхъ языковъ, различаются въ нѣмецкомъ новогреческомъ языкахъ соответствующими суффиксальными падежными формами члена (мѣстоименія). Въ ново-верхненѣмецкомъ, какъ и въ новогреческомъ сохранились еще нѣкоторыя суффиксальныя падежныя формы рядомъ съ префиксальными элементами; но эти суффиксальныя формы морфологически все больше и больше ассимилируются, не будучи болѣе показателями синтаксическихъ отношеній въ полномъ смыслѣ слова, и исчезаютъ. Во французскомъ языкѣ сохранился только одинъ особенный суффиксъ такого рода нюансировки, именно суффиксъ для обозначенія множественнаго числа въ словахъ на *al*¹⁾, во множественномъ *aux*. (Кромѣ того еще *x*; этотъ особый суф-

ненія первоначальнаго отношенія мѣстнаго падежа къ дательному, Pott, привѣдши въ нѣмецкомъ языкѣ къ новымъ показателямъ падежныхъ отклоненій, прибѣгаетъ уже къ предлогамъ. Онъ весьма кстати замѣчаетъ, что отношеніе мѣстнаго падежа къ дательному первоначально такое, какое существуетъ между нѣмецкими предлогами „in“ и „bei“ (Pott, Etym. Forsch. II, 330).

1) Остальные случаи (какъ нѣкоторыя слова на *aîl*, слова: *aîl*, *ciel*, *oeil*, *aîeul*, etc.) — единичныя явленія, или же колеблются при образованіи множественнаго числа. Впрочемъ и въ словахъ на *al* замѣтна склонность къ образованію множественнаго числа по общей схемѣ, т. е. прибавляя *s*.

фиесь существуетъ только въ письмѣ. Большинство же словъ во множественномъ числѣ имѣеть суффиксъ *s*, который удержался только передъ словами, начинающимися гласнымъ звукомъ или *h muette*, въ остальныхъ же случаяхъ не артикулируется).

Въ романскихъ языкахъ, въ новоболгарскомъ, въ англійскомъ членъ функционируетъ не въ формѣ суффиксальной, а тоже обладаетъ префиксальной формаціей. Форма его не измѣняется, и падежные нюансы выражаются присоединеніемъ къ члену предлоговъ.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда префиксальные падежные образования по формѣ совпадаютъ, т.е., благодаря нивелирующему процессу въ языкѣ — аналогіи, приноровились другъ къ другу, напр. въ нѣмецкомъ и новогреческомъ языкахъ, различительная способность требуетъ звукового дифференцированія. Происходитъ это въ единственномъ числѣ женскаго рода, а именно въ родительномъ и дательномъ падежахъ. Въ новогреческомъ народномъ говорѣ *gen. et dat. feminini, masculini et neutr. обоихъ чиселъ совпали, напр.:*

τῆς καρδιᾶς (*gen. et dat. sing.*)

τῶν καρδιῶν (*gen. et dat. plur.*)

τοῦ ἀνθρώπου (*gen. et dat. sing.*)

τῶν ἀνθρώπων (*gen. et dat. plur.*)

τοῦ δόρου (*gen. et dat. sing.*)

τῶν δόρων (*gen. et dat. plur.*¹⁾.

Въ нѣмецкомъ языкѣ дифференцированіе достигается для дательнаго падежа присоединеніемъ предлога „für“ или „an“ къ формѣ винительнаго падежа. (Рядомъ съ этимъ сохранилась прежняя функція предлога „für“ (*pro*). По „Behaghel“ въ нынѣшнемъ баварскомъ дательный падежь отступилъ передъ винительнымъ. Въ ново-нижненѣмецкомъ обнаруживаются зачатки замѣненія дательнаго падежа описательной формой съ „an“²⁾.

1) Muller, *Historische Grammatik der Hellenischen Sprache*, pag. 76, 78.

2) Otto Behaghel, *Geschichte der Deutschen Sprache* (H. Paul's *Grundriss der Germanischen Philologie*. I Band, pag. 609 § 132, 3.

Въ повогреческомъ дательный надежъ чаще выражается винительнымъ въ связи съ предлогами *εις* или *πρός* ¹⁾.

И въ склоненіи личныхъ мѣстоименій усматривается явленіе подобнаго рода замѣны. Здѣсь уподобленіе разныхъ надежей особенно обнаруживается въ многочисленныхъ сближеніяхъ между дательнымъ и винительнымъ надежами. Уже въ древне-нижне-нѣмецкомъ форма винительнаго надежа множественнаго числа замѣнена формой дательнаго надежа; только изрѣдка встрѣчаемъ мы въ средне-нижне-нѣмецкомъ примѣры формъ *usik* и *juk*. Точно также въ древне-нижне-франкскомъ *iu* примѣняется для дательнаго и винительнаго, между тѣмъ какъ въ первомъ лицѣ *uns* и *unsig* употребляются какъ для дательнаго, такъ и для винительнаго; *uns* затѣмъ въ болѣе поздній періодъ одерживаетъ верхъ надъ *unsich*. Въ древне-верхне-нѣмецкомъ смѣшеніе рѣже, но опять чаще во второмъ, чѣмъ въ первомъ лицѣ; въ франкскомъ „*Ludwiglied*“ винительный надежъ = *iu*; въ средне-верхне-нѣмецкомъ *unsich* исчезаетъ; *uns* употребляется для обоихъ надежей, между тѣмъ какъ *iu* и *iuch* до 14 столѣтія (включительно) еще довольно рѣзко различаются между собою; съ этого времени *iuch* — особенно въ средненѣмецкомъ — начинаетъ вытѣснять *iu*. Вслѣдъ за уподобленіемъ во множественномъ числѣ послѣдовало то же явленіе и въ единственномъ. Уже въ М.-Геліанда ²⁾ дательный *mi*, *di* замѣнилъ и винительный; въ С.-винительный *mi*, *di* употребляется чаще, но встрѣчаются и формы *mik*, *thik*. Наоборотъ нынѣ встрѣчаются въ значительной части ниже-франческаго и ниже-нѣмецкаго *mich*, *mik* для винительнаго и дательнаго надежей (Ср. Behaghel, *Geschichte der Deutschen Spr.*, pag. 628 § 184). Указываю при этомъ на извѣстное явленіе — смѣшеніе формъ *mir* и *mich* — въ нынѣшнемъ нѣмецкомъ языкѣ.

1) Muller, *Historische Grammatik der Hellen. Spr.*, pag. 78.

2) Геліандъ (*Heliand*) — древнесаксонская поэма IX в., неизвѣстнаго автора; имѣется въ двухъ полныхъ рукописяхъ: С.-Cod. Cottonianus, въ британскомъ музеѣ, въ Лондонѣ, X—XI в.; и М.-Monacensis, въ Мюнхенѣ, IX вѣка.

Стремленіе къ ясности вызвало новую форму для дательнаго падежа мѣстоименій такимъ же образомъ, какъ для существительныхъ, т. е. предлогъ „für“, „an“ cum accusativo. Эта вновь образовавшаяся префиксальная форма въ нѣмецкомъ языкѣ переносится на дательный падежъ всѣхъ родовъ и чиселъ существительнаго, прилагательнаго и мѣстоименія.

Неопредѣленный членъ, не существующій еще въ классическомъ греческомъ языкѣ, образовался въ новогреческомъ въ той же формѣ, какъ въ германск. и романск. Неопредѣленный членъ въ новогреческомъ *ἐνας* (Ср. un, ein) образовался изъ имени числительнаго.

Формы для степеней сравненія именъ прилагательныхъ различались въ древнемъ періодѣ языковъ при помощи разныхъ суффиксальныхъ элементовъ. Однако уже въ латинскомъ замѣчается переходъ къ префиксальной формаци, напр. *pius* въ классической латыни по большей части только *magis pius*, *maxime pius*. Рядомъ съ формой *maxime pius* встрѣчается и форма *piissimus*; *idoneus* образуетъ формы степеней сравненія тоже посредствомъ *magis* и *maxime*. Neue (Formenlehre, II Theil, pag. 112 § 62) говоритъ объ этомъ 1): „Имена прилагательныя на *ius*, *eus* и *uus* избѣгаютъ обыкновенно образованія сравнительной и превосходной степени и предпочитаютъ описательныя формы посредствомъ *magis* и *maxime*“.

Ниже тотъ же авторъ прибавляетъ: Однако и отъ именъ прилагательныхъ на *ius*, *eus* и *uus* иногда образуются сравнительныя и превосходныя степени. *Piissimus* сооставляется у Харизія (Charis, 1, 16 p. 90) съ *strenuissimus*. Cic. Phil. 13, 19, 43 упрекаетъ М. Антонія въ употребленіи такой нелатинской формы, но кажется самъ употреблялъ ее въ своихъ письмахъ, какъ по крайней мѣрѣ утверждаетъ грамматикъ Помпей [Pompej. commentum artis Donati p. 132 (154)], ссылаясь на Флавія Капра

1) „Die Adjectiva auf **ius**, **eus** und **uus** vermeiden in der Regel die Bildung eines Comparativ und Superlativ, und ziehen die Umschreibung durch *magis* und *maxime* vor“.

(Caper). Находимъ *piissimus* также у *Sen. Contr. 9, 27, 14 etc.* Во всякомъ случаѣ форма *maxime pius* преобладаетъ.

Разсматриваемый нами процессъ доставляетъ различной способности сбереженіе труда. Многочисленные суффиксы дѣйствовали заблуждающимъ образомъ. Языкъ въ новой стадіи вышелъ изъ этого лабиринта, пользуясь формой положительной степени и выражая степенные нюансы посредствомъ нарѣчій въ формѣ сравнительной и превосходной степеней, поставленныхъ передъ формой положительной степени прилагательнаго. Въ латинскомъ языкѣ, гдѣ замѣтны уже зачатки новаго образованія, примѣняются *magis, maxime*; въ французскомъ — *plus, le plus* (образованія посредствомъ особыхъ сравнительныхъ суффиксовъ нѣтъ). Въ новогреческомъ, говоритъ Muller (*Hist. Gramm. pag. 91*), часто является описаніе, напр. *πλούσιος, πλιὸν πλούσιος, ὁ πλιὸν πλούσιος*. Въ ново-верхненѣмецкомъ — суффиксальное образованіе и префиксальное съ *mehr, am meisten*. Въ великорусскомъ суффиксальное образованіе и рядомъ съ нимъ возникающее префиксальное съ „болѣе“, „болѣе всего.“ (Ср. префиксальное образованіе превосходной степени съ *най, пре, самый . . .*). Великорусскій языкъ выставляетъ при этомъ и суффиксальныя новообразованія, какъ напр.:

большуцій

большицій

большинскій

большанскій

большеганскій

большенный.

Превосходная степень можетъ употребляться и въ томъ смыслѣ, что извѣстное качество приписывается кому-либо или чему-либо вообще въ большой степени, не выражая при этомъ сравнительнаго подъема (*Steigerung*). Эта превосходная степень всегда образуется въ новыхъ языкахъ префиксально. Въ ново-верхненѣмецкомъ *sehr*, въ великорусскомъ „очень“, въ французскомъ *très* и т. д. съ формой положительной степени соотвѣт-

ствующаго прилагательнаго имени. Въ новогреческомъ выражаютъ высокую степень (не высшую), особенно въ разговорной рѣчи, всегда посредствомъ *πολύ* (или *πολλά*) *cum positivo*, напр. *πολύ καλός*, очень хорошій [Ср. итальянское *molto buono etc.* (Ср. Muller, *Histor. Gramm.* pag. 91)].

Что касается до формъ спряженія, то уже въ греческомъ и латинскомъ встрѣчаются формы, которыя образуются при помощи вспомогательнаго глагола. Это образованіе въ новыхъ языкахъ все болѣе и болѣе распространялось и развивалось. Функціи суффиксальныхъ элементовъ въ германскомъ, романскомъ, славянскомъ перешли на личное мѣстоименіе и вспомогательный глаголь. Суффиксальные элементы существуютъ еще, но они взаимно уподобляются, совпадаютъ и исчезаютъ. Ср. французское: *je parl(e), tu parl(es), il parl(e); il aim(e), ils aim(ent)*; нѣмецкое: *wir binden, sie binden* — лицо и число отличаются только по префиксальному элементу. Далѣе, *j'ai parlé, j'avais parlé, nous avons parlé, nous avions parlé etc.*; нѣмецкое: *ich habe gesehen, ich hatte gesehen, wir haben gesehen, wir hatten gesehen etc.* — время, число, лицо выражаются только префиксальными элементами. Въ великорусскомъ въ формѣ „я говорилъ“ лицо выражено только благодаря личному мѣстоименію; въ формѣ „я буду читать“ показателями времени, числа, лица являются префиксальные элементы. Слѣдовательно и въ спряженіи функція прежняго суффикса переходитъ къ префиксу (префиксальному элементу).

Многіе изслѣдователи языка, оплакивающіе исчезновеніе полныхъ формъ, какъ напр. Ворт¹⁾, должны утѣшаться разсмотрѣнными нами новыми падежными, степенными и глагольными образованіями въ качествѣ показателей синтаксическихъ отношеній. Вѣдь эти длинныя сложныя формы не уступаютъ количественно старымъ „полнымъ, пышнымъ“, а по

1) Ворт, говоря о женскомъ родѣ, любящемъ въ санскритѣ какъ въ основѣ, такъ и въ падежныхъ окончаніяхъ пышную полноту формъ (*ueppige Fülle der Form*). видитъ въ новыхъ языкахъ утрату этихъ „прелестей“. (Ср. *Vgl. Gr.* § 113).

качеству онѣ ихъ превосходятъ. Приспособляясь все болѣе и болѣе къ одному типу, эти формы избавляютъ различительную способность отъ сложной психической работы, на которую она обречена вслѣдствіе большого количества самыхъ разнообразныхъ суффиксальныхъ элементовъ.

Эти новыя, префиксальныя формы много способствуютъ ясности въ языкѣ. Въ глаголахъ, напр., лицо и число сейчасъ можетъ быть узнано по употребительному въ языкѣ личному мѣстоименію. Въ языкахъ съ суффиксальнымъ образованіемъ суффиксъ, или такъ называемое окончаніе, ничего подобнаго наглядно не выражалъ.

Изъ всего разсмотрѣннаго нами вытекаетъ, что суффиксальные элементы все болѣе и болѣе уступаютъ свою функцію болѣе соотвѣтствующимъ новому языковому періоду префиксальнымъ элементамъ. Какъ только эти префиксы становятся показателями синтаксическихъ отношеній, начинается исчезновеніе такъ называемаго окончанія. „Инстинктъ лѣности“ при этомъ совершенно не имѣетъ мѣста. Это подтверждаютъ многочисленныя формы новыхъ языковъ, еще болѣе длинныя въ сравненіи съ соотвѣтствующими формами ведаическаго санскрита, греческаго и латинскаго языковъ.

Напрасно поэтому говорить объ „окаменѣлыхъ падежахъ“ (Канскій, Сравнительный разборъ греческаго склоненія ¹⁾, стр. 85), о надежномъ „разрушеніи“ и „вымираніи“. Невѣрно и то, что „англійскій и романскіе языки, за исключеніемъ мѣстоименій, утратили почти всѣ надежныя формы“. (Канскій, стр. 7). Потенія (Изъ записокъ по русск. грам. Воронежъ, I, 72—73; Харьковъ, II, 411) совершенно справедливо говоритъ, что не слѣдуетъ упускать изъ виду, что утрата падежа, разсматриваемаго, съ одной стороны, какъ окончаніе, съ другой же — какъ значеніе, двѣ совершенно различныя вещи, нисколько не состоящія въ прямомъ другъ къ другу отношеніи.

1) Весьма дѣльная, богатая источниками магистерская диссертація.

Судя по даннымъ, приводимымъ W. v. Humboldt'омъ¹⁾ и Buschmann'омъ²⁾, явление, похожее на изложенное выше, встрѣчается и въ языкахъ острововъ Южнаго моря. И тамъ показателями синтаксическихъ отношеній служатъ префиксальные элементы.

Примѣры:

Языкъ острова Таити:

e — неопредѣленный членъ. Эта форма одна для единственнаго и множественнаго числа, напр.:

e taata, человекъ.

e gaau, деревья³⁾.

te (ново-зеландское **te**, на островѣ Тонга **he**) — употребляется передъ именами существительными въ качествѣ опредѣленнаго члена какъ единственнаго, такъ и множественнаго числа, напр.:

te mahana (Ev. Joh. 6, 54), день.

te mau mea (Ev. Joh. 4, 45), многія вещи.

te стоитъ всегда передъ порядковыми числительными, напр.:

te ono (Ev. Joh. 4, 6), шестой⁴⁾.

o (ново-зеландское **ko**, на островѣ Тонга **ko**) — членъ, употребляемый главнымъ образомъ передъ личными мѣстоименіями и именами собственными (съ послѣдними часто пишется вмѣстѣ), напр.:

o waa, я.

o oe, ты.

Otahiti, Таити⁵⁾.

1) Humboldt, W. von, Ueber die Kawi-Sprache. III Band, p. 527—568.

2) Buschmann, Joh. Carl Eduard, Vergleichende Grammatik der Südsee-Sprachen.

3) Humboldt, p. 527.

4) Humboldt, p. 530.

5) *ibid.*, p. 531.

При именахъ собственныхъ лицъ членъ **o**, по мнѣнію Buschmann'a, пропускается, если лицо знакомо тому, съ кѣмъ говорятъ о немъ ¹⁾.

По мнѣнію Шамиссо, **o** употребляется и при именахъ нарицательныхъ, когда говорится объ извѣстной породѣ вообще: о канака, человѣкъ (въ различіи отъ животныхъ ²⁾).

маа — что-то въ родѣ французскаго раздѣлительнаго члена, напр.:

маа rare, воды (нѣсколько воды ³⁾).

маи — членъ, выражающій опредѣленное или неопредѣленное множество, напр.:

fetia, звѣзда; **маи fetia**, звѣзды.

таи — членъ, употребляемый въ томъ же значеніи ⁴⁾.

руе — членъ собирательный, напр.:

руе arii, высшіе вожди — царская фамилія ⁵⁾.

Въ ново-зеландскомъ употребляется членъ **нга**, придающій существительному значеніе множественнаго числа, напр.: **нга matua**, родители. Этотъ префиксальный элементъ имѣетъ и суффиксальное примѣненіе (для образованія именъ существительныхъ изъ глаголовъ), напр.:

око, торговать; **оконга**, торговля ⁶⁾.

Buschmann указываетъ на интересное явленіе въ языкѣ Сандвичевыхъ острововъ. Указательное мѣстоименіе **ia** играетъ тамъ роль опредѣленнаго члена. (Ср. нѣм. *der, die, das*; франц. *le* ← *ille*; и т. д.), напр.:

ia канака ia канака, человѣкъ человѣка.

1) Buschmann, p. 716.

2) *ibid.*, p. 716.

3) Humboldt, p. 534.

4) *ibid.*, p. 535.

5) *ibid.*, p. 535.

6) *ibid.*, p. 556.

Въ ново-зеландскомъ неопредѣленный членъ выражается числительнымъ „одинъ“ (tahi) съ предшествующими членами *te* или *e*, напр.: *te tahi*, *e tahi* (ср. нѣм. *ein*; франц. *un*)¹⁾.

Эти явленія подтверждаютъ слова того же Humboldt'a, сказанныя имъ въ его увлекательномъ введеніи къ безсмертному сочиненію, изъ котораго взяты вышеприведенные примѣры. „И мнимо грубые и необразованные языки“, говоритъ онъ, „могутъ обладать выдающимися превосходствами въ своемъ строѣ и обладаютъ ими въ самомъ дѣлѣ, и есть возможность, что они въ этомъ превосходятъ языки, выше ихъ стоящіе по образованію“²⁾.

Замѣна постпозиціональной артикуляціонной дѣятельности препозиціональной.

Въ предыдущемъ разсматривалось стремленіе въ языкѣ замѣнять неясные постпозиціональные, суффиксальные элементы болѣе ясными препозиціональными, префиксальными. Какъ въ морфологіи, такъ и въ фонетикѣ замѣчается трата постпозиціональнаго въ пользу препозиціональнаго. „Обнаруживается стремленіе образовать звуки рѣчи не въ углубленіи рта, а въ передней части его, оконечностью языка или губами“. „Замѣтно въ языкахъ передвиженіе впередъ изъ заднихъ частей рта къ губамъ и оконечности языка“. (Claudius, *Das Leben der Spr.*, pag. 15 et 18)³⁾. Главной причиной подоб-

1) Buschmann, p. 717.

2) Humboldt, W. v., *Einleitung*, p. 34: „Auch angeblich rohe und ungebildete Sprachen können hervorstehende Trefflichkeiten in ihrem Baue besitzen und besitzen dieselben wirklich, und es wäre nicht unmöglich, dass sie darin höher gebildete überträfen“.

3) „Es macht sich die Tendenz geltend, die Sprachlaute nicht im Hintergrunde des Mundes zu bilden, sondern vorn in demselben mit der Zungenspitze od. den Lippen“. „Es ist ein Vorrücken von den hintern Mundtheilen nach vorn gegen die Lippen und die Spitze der Zunge an den Sprachen bemerkbar“.

наго явленія называетъ Claudius склонность къ удобству (Bequemlichkeit). Одинаковаго съ нимъ мнѣнія и Curtius: „Менѣе удобное мѣсто для артикуляціи охотно замѣняютъ болѣе удобнымъ, и такъ какъ мѣсто, лежащее дальше и позади, менѣе удобно, то можно установить, какъ общее направленіе звукового передвиженія, направленіе сзади впередъ“. (См. Delbrück, Einleitung, pag. 113) ¹⁾.

Мнѣніе, что удобство могло дать импульсъ къ этой звуковой смѣнѣ, не выдерживаетъ критики. Что индивиды, у которыхъ преобладала артикуляціонная работа заднихъ артикуляціонныхъ мѣстъ и оттого была самой привычной, могли находить удобство въ замѣщеніи заднеязычной артикуляціи переднеязычной — болѣе или менѣе непривычной — по моему — заключеніе, слѣпо выведенное подъ вліяніемъ теоріи разложенія и удобства (инстинктъ лѣности!).

Въ новѣйшее время Brugmann (Zeitschrift für Vergl. Sprachf. V. XIV, pag. 4) высказалъ слѣдующее мнѣніе: „Побужденіе (къ звуковой смѣнѣ) начинается въ самихъ органахъ рѣчи“ ²⁾. Osthoff (Das physiol. und psychol. Moment, pag. 15) старается подробнѣе обосновать этотъ взглядъ и, опровергая теорію удобства, приходитъ къ слѣдующему результату (см. стр. 16): „Измѣненіе органовъ рѣчи есть въ общемъ настоящая причина исторической звуковой смѣны (des historischen Lautwandels) въ языкахъ“ ³⁾. Формацию органовъ рѣчи Osthoff, между прочимъ, ставитъ преимущественно въ зависимость отъ тѣхъ елимаическихъ и культурныхъ условій (klimatische und Culturverhältnisse), въ которыхъ люди живутъ. „Какъ формація всѣхъ физическихъ

1) „Man vertauscht die unbequemere Articulationsstelle gern mit der bequemeren und demnach lässt sich, da die weiter nach hinten gelegene Stelle die unbequemere ist, als allgemeine Richtung der Lautbewegung die Richtung von hinten nach vorn feststellen“.

2) „Die Bewegung (zum Lautwandel) beginnt bei den Sprachorganen selbst“.

3) „Veränderung der Sprachorgane ist im Allgemeinen die eigentliche Ursache des historischen Lautwandels der Sprachen“.

органовъ чловѣка“, говоритъ онъ, „такъ и формація его органовъ рѣчи преимущественно зависитъ отъ климатическихъ и культурныхъ условій, въ которыхъ онъ живетъ¹⁾“.

Brugmann, какъ и Osthoff въ данномъ случаѣ ничего новаго по этому вопросу не даютъ. Ихъ взгляды не что иное, какъ дальнѣйшее развитіе теоріи Schleicher'a. Въ брошюрѣ „Ueber die Bedeutung der Sprache für die Naturgeschichte des Menschen“ (pag. 7) August Schleicher говоритъ: „Работа, функція органовъ есть, такъ сказать, только одно изъ явленій самого органа, хотя ножу и микроскопу испытателя и не всегда удастся обнаружить матеріальную причину всякаго явленія²⁾. Тотъ же авторъ на страницѣ 8-ой продолжаетъ такъ: „Конечно, матеріальное основаніе языка и его разнообразій пока еще анатомически не доказано, но, сколько мнѣ извѣстно, сравнительное изслѣдованіе органовъ рѣчи разноязычныхъ народовъ еще не принималось. Возможно и вѣроятно, что такого рода изслѣдованіе не дастъ никакихъ сколько-нибудь удовлетворительныхъ результатовъ; всетаки это не могло бы поколебать убѣжденія въ существованіи матеріальныхъ, тѣлесныхъ основаній языка“.

„Ибо кто могъ бы отрицать существованіе такихъ матеріальныхъ состояній, которыя пока еще ускользаютъ отъ непосредственнаго воспріятія и которыя, можетъ быть, никогда не могутъ сдѣлаться объектами прямого созерцанія.“ „Можетъ быть языковыя различія суть послѣдствія минимальныхъ различій въ устройствѣ мозга и органовъ рѣчи³⁾“.

1) „Wie die Gestaltung aller physischen Organe des Menschen, so hängt auch die Gestaltung seiner Sprachorgane vorzugsweise von den klimatischen und Culturverhältnissen ab, unter denen er lebt“.

(pag. 19).

2) „Die Thätigkeit, die Function der Organe ist so zu sagen nur eine Art der Erscheinung des Organes selbst, wenn es auch dem Messer und dem Mikroskope des Forschers nicht immer gelingt die materielle Ursache für jede Erscheinung aufzuzeigen“.

3) „Allerdings ist die materielle Grundlage der Sprache und ihrer Verschiedenheiten noch nicht anatomisch nachgewiesen, meines

На страницѣ 26-ой Schleicher продолжаетъ 1): „Происхождение языковыхъ формъ на землѣ, т. е. развитіе обуславливающихъ языкъ органовъ, кажется, зависѣло отъ извѣстныхъ опредѣленныхъ условій“. „Чѣмъ разнообразнѣе были внѣшнія условія, при которыхъ изъ людей развивались люди, тѣмъ разнообразнѣе формировались и ихъ языки“. (См. стр. 24²).

35 лѣтъ тому назадъ Schleicher высказалъ эту гипотезу. Анатомія съ тѣхъ поръ сильно подвинулась впередъ; усовер-

Wissens ist aber auch eine comparative Untersuchung der Sprachorgane verschiedensprachiger Völker noch garnicht unternommen worden. — Es ist möglich, vielleicht auch wahrscheinlich, dass eine solche Untersuchung zu keinen irgendwie genügenden Ergebnissen führt; dennoch würde dies keineswegs die Ueberzeugung von dem Vorhandensein materiell-körperlicher Bedingungen der Sprache zu erschüttern vermögen.“ „Denn wer wollte das Dasein solcher materieller Verhältnisse läugnen, die sich zur Zeit noch der unmittelbaren Wahrnehmung entziehen und die vielleicht auch nie zu Objekten direkter Beobachtung gemacht werden können“. „Möglicherweise sind die sprachlichen Unterschiede die Wirkungen von dergleichen minimalen Unterschieden in der Beschaffenheit des Gehirns und der Sprachorgane“.

1) Die Entstehung der sprachlichen Formen auf der Erde, d. h. die Entwickelung der die Sprache bedingenden Organe, scheint demnach von gewissen bestimmten Verhältnissen abhängig gewesen zu sein“. Pag 24: „Je verschiedener die äusseren Verhältnisse waren unter denen sich die Menschen zu Menschen entwickelten, desto verschiedener mögen auch ihre Sprachen sich gestaltet haben“.

2) Въ появившемся въ 1818 году въ Франкфуртѣ произведенія Arndt'a „Ueber den Ursprung der Europ. Sprachen“ я нашелъ интересное мѣсто, касающееся этого вопроса. Судя по приводимой ниже цитатѣ первымъ представителемъ гипотезы, высказанной Schleicher'омъ и развитой Brugmann'омъ, Osthoff'омъ, насколько мнѣ по крайней мѣрѣ возможно было прослѣдить этотъ вопросъ, былъ Arndt. На стр. 13 сказано: „Всѣ языки во многомъ различаются другъ отъ друга и должны различаться разнымъ образомъ другъ отъ друга, такъ какъ люди и ихъ органы не вездѣ одинаково похожи другъ на друга, такъ какъ поверхность земли и находящіяся на ней предметы въ разныхъ поясахъ представляютъ многія смѣны и различія“. („Alle Sprachen sind in mehreren Stücken von einander verschieden, und müssen auf verschiedene Art von einander verschieden sein, weil die Menschen und ihre Organe sich nicht überall auf gleiche Art gleichen; weil die Oberfläche der Erde und die darauf befindlichen Gegenstände in verschiedenen Erdstreichen mancherlei Abwechslung und Verschiedenheit zeigen.“)

шенствованные микроскопы открывают новых микробовъ и бациллъ, но такихъ минимальныхъ различій въ устройствѣ органовъ рѣчи никто не замѣтилъ.

Виновникомъ замѣщенія задней, глубокой артикуляціи передней, виѣшной, по моему мнѣнію, является не инстинктъ лѣности (стремленіе къ удобству), не органы рѣчи и не виѣшнія условія, какъ климатъ, мѣсто, а стремленіе къ ясности рѣчи.

Уже Claudius (*Das Leben d. Spr.*, pag. 15) указываетъ на иной моментъ, вліяющій на образованіе звуковъ (*Lautbildung*¹⁾: „Чѣмъ больше звуки производятся губами, тѣмъ точнѣе и яснѣе могутъ быть они произносимы; при этомъ окрестность рта приходитъ въ движеніе, и лицо* такимъ образомъ становится живымъ. Такъ, напр., мы видимъ, что жители большихъ городовъ изъ высшихъ сословій говорятъ изящнѣе и точнѣе, чѣмъ низшее сословіе, особенно прибрежные жители, мало обращающіе вниманія на виѣшность. При этомъ лицо образованныхъ людей при разговорѣ оживленнѣе, чѣмъ у необразованныхъ; такимъ образомъ становится замѣтнымъ различіе языковъ въ этомъ отношеніи. Французскій языкъ, напр., успѣвшій въ этомъ смыслѣ развиться болѣе всего, артикулируетъ гораздо выразительнѣе, чѣмъ англійскій или нижне-нѣмецкій (*plattdeutsch*), и

1) „Jemehr die Laute mit den Lippen gebildet sind, um so schärfer können sie ausgesprochen werden, und zugleich kommt die Umgegend des Mundes in Bewegung und das Gesicht wird auf diese Weise lebendig. — So sehen wir Bewohner grösserer Städte aus höheren Ständen eleganter und markirter sprechen, als die niedere Bevölkerung, zumal an Küsten, wo sehr wenig auf das Aeussere gegeben wird. Zugleich ist das Gesicht von gebildeten Leuten beim Reden belebter, als von weniger Gebildeten, so ist eine Verschiedenheit der Sprachen in dieser Beziehung bemerkbar. Die französische z. B. die in dieser Hinsicht am weitesten vorgeschritten ist, lautirt viel bestimmter als die englische oder die plattdeutsche, und man sieht beim Sprechen den Mund des eleganten Franzosen mehr in Bewegung, als bei englischen, holländischen oder deutschen Fischern.“

замѣчается, что при разговорѣ ротъ элегантнаго француза движется оживленнѣе, чѣмъ у англійскихъ, голландскихъ или нѣмецкихъ рыбаковъ.“

Переднія артикуляціи опредѣленнѣе и яснѣе. Ихъ можно, такъ сказать, читать на лицѣ говорящаго. Глухонѣмой, который учится говорить только при помощи органа зрѣнія, усваиваетъ губную и переднеязычную артикуляцію сравнительно скоро, между тѣмъ какъ неопредѣленная задняя артикуляція достигается долговременнымъ трудомъ. Дѣти, у которыхъ, какъ извѣстно, слуховой центръ не сразу вполне развитъ, т. е. не вполне привыкъ различать окружающіе звуки (вслѣдствіе этого дѣти не въ состояніи воспринимать все) усваиваютъ переднюю артикуляцію прежде всего, потому что слуху пособляетъ зрѣніе¹⁾.

Разъ заднеязычная артикуляція будетъ замѣнена переднеязычной и губной, то, кромѣ ясности, можно говорить и о сбереженіи труда. вмѣсто цѣлаго языка можно двигать только переднимъ кончикомъ его. „Такимъ образомъ двигаютъ меньшей массой и вслѣдствіе этого затрачивается меньше силъ.“

1) Весьма интересны слова императрицы Екатерины II, касающіяся этого явленія въ языкѣ дѣтей: „О первыхъ звукахъ дѣтей нужно замѣтить, что дѣти сперва издають только гласные (Selbstlaute), затѣмъ прежде всего губные звуки; вслѣдствіе этого сами собою образуются слоги и слова Ма, Па и Мама, Папа. Вмѣстѣ съ зубами являются зубные звуки, и можно слышать, какъ малютки часто и охотно лепечуть свое „Tätä“ и „Dädä“. По мѣрѣ постепеннаго развитія органовъ рѣчи являются наконецъ и гортанные и шипящіе согласные звуки“. („Ueber die ersten Laute der Kinder ist zu bemerken, dass sie anfangs bloss die Selbstlaute, hierauf zuerst die Lippenlaute hören lassen, wodurch dann die Silben und Wörter Ma, Pa und Mama, Papa von selbst entstehen. Mit den Zähnen kommen die Zahnlaute und man hört die Kleinen oft und gern ihr Tätä und Dädä lallen. Mit der immer mehreren und mehreren Vervollkommnung der Sprach-Organen finden sich endlich auch die Gutturalen und zischenenden Mitlaute ein.“) Cp. Chr. G. von Arndt, Ueber den Ursprung und die verschiedenartige Verwandtschaft der europ. Spr. (pag. 11 u. 211). (Anmerkung des Herausg.: „Eigenhändig von der Kaiserin Catharina mitgetheilt.“)

(„Auf diese Weise wird eine geringere Masse bewegt und es werden deshalb weniger Kräfte verwandt.“ Claudius, Das Leben d. Spr., pag. 15).

Въ высшей степени интересно наблюдение, сделанное Александровымъ въ Дерптской психиатрической клиникѣ. Въ брошюрѣ „Ueber die Bedeutung der Sprachstörungen für die Sprachwissenschaft“ на стр. 9-ой Александровъ говоритъ¹⁾: „Съ фонетической точки зрѣнія мы наблюдаемъ у афатиковъ ясно и выразительно звуковую смѣну (Lautwandel) и замѣщеніе звуковъ. Во всѣхъ языкахъ мы замѣчаемъ стремление замѣнять работу задней части языка работой передней части, такъ какъ кончикъ языка подвижнѣе, чѣмъ корень его. Наблюдение это было сделано и надъ больными.

Въ здѣшней психиатрической клиникѣ больная эстонка выговаривала постоянно „kukk“ (пѣтухъ) какъ „tut“, „siga“ (свинья) какъ „tida“²⁾.

1) „Vom phonetischen Standpunkte aus beobachten wir bei den Apatikern klar und deutlich Lautwandel und Substitution der Laute. In allen Sprachen nehmen wir das Streben wahr, die Thätigkeit des hinteren Zungentheils durch diejenige des vorderen zu ersetzen, weil die Zungenspitze beweglicher ist, als die Zungenwurzel.

Das hat man auch bei Kranken beobachtet: In der hiesigen psychiatrischen Klinik sprach eine kranke Estin immer „kukk“ (Hahn) wie „tut“, „siga“ (Schwein) wie „tida.“ Жаль, что Александровъ не изслѣдовалъ ближе, не вызвана ли эта „звуковая смѣна“ расслабленіемъ извѣстныхъ язычныхъ мускуловъ.

2) Въ угро-финскихъ языкахъ констатируетъ фактъ замѣны заднеязычной артикуляціи переднеязычной, между прочимъ, Anderson въ своемъ подробномъ изслѣдованіи о родствѣ угро-финскихъ языковъ съ индо-германскими. См Nikolai Anderson, Studien zur Vergleichung der ugrofinnischen und indogermanischen Sprachen I, Dorpat 1891, pag. 136 und 137: „Die gutturale tenuis nämlich ist in den ugrofinnischen sprachen gleichwie in den indoeuropäischen mannigfachen veränderungen unterworfen und geht auch ganz ebenso nicht selten in t und cz über. Das geschieht namentlich vor hochlautigen vocalen, und z. b. im votischen ist ein solches k regelmässig zu cz geworden, aber auch in den übrigen verwandten sprachen lässt sich ein derartiger wechsel von k, t und cz mehrfach constatiren. Besonders interessant ist in dieser hinsicht das

livische, weil sich der fragliche lautwandel hier gleichsam 'vor unsern augen vollzieht, indem die beiden dialekte dieser sprache an den nämlichen wörtern die verschiedenen stufen des überganges zeigen. So z. b. heisst der kuckuck in Kurland k'eg oder gek, in Livland aber kieg, k'egg und t'egg, und ebenso die hand: käiž, kăž, kesz etc. und in Livland k'es und t'es; bunt: k'erabi und k'irabi od. t'irabi; die seite: kulg und kulg, t'ulg; die kälte, der frost: kŭlma und t'ŭlm, t'ulm; zehn: kum und t'um etc. Im votischen lauten die betreffenden wörter gegenwärtig: czäko, czäsi, czirjawa, czŭlci (= finn. kylki), czŭlmä und czŭmmê, während die sogenannten Krēvinen, d. h. die um das jahr 1445 nach Kurland gebrachten kriegsgefangenen Voten, noch käzi (aber im infinit. wohl schon kättä hand), kirjau oder kirjaw (bunt), kŭlm oder k'ŭlme (kalt) und kŭmme (zehn) gesprochen haben, so dass das votische cz erst im verlaufe der letzten vier jahrhunderte aus einem früheren k entstanden sein kann. Ebenso ist im lappischen ein ursprüngliches k nicht selten zu cz geworden, und vielleicht dürfte dieses cz auch hier erst in neuerer zeit für ein älteres t' oder tj eingetreten sein, wenigstens giebt das wörterbuch von Lindahl und Oehrling (Stockholm 1780) den betreffenden laut durch tj wieder (vgl. z. b. „tjälk, tjälka traha“ = finn. kelkka und schwed. kälke), was doch wohl seinen guten grund haben wird. Auch im magyarischen, im czeremissischen und ebenso in den permischen sprachen lassen sich für den fraglichen lautwechsel mehrere vollkommen sichere beispiele nachweisen, und Budenz selbst hat ein paar derselben in sein vergleichendes wörterbuch aufgenommen und ausdrücklich bemerkt, dass ihr cz aller wahrscheinlichkeit nach zunächst aus t, welches einerseits wiederum für ein älteres k stehe, hervorgegangen sei.“

Въ юрѣвскомѣ говорѣ эстонскаго языка замѣчается замѣна k звукомъ t передъ s, какъ, напр.: ũts вм. ũks; kats вм. kaks; läts вм. läks и т. п.

Глава IV.

Исчезновение (Schwund) въ языкѣ.

Въ языкѣ вездѣ обнаруживается стремленіе оставлять невысказаннымъ то, что само собой разумѣется, что легко можетъ быть подразумѣваемо, такъ какъ оно указано данной ситуацией. напр., „окончить гимназію“, „университетъ“ (нѣм. die Schule durchmachen, absolviren) вмѣсто „окончить курсъ гимназіи“ (нѣм. den Cursus der Schule durchmachen¹⁾). Это опять не разложеніе или разрушеніе, а сбереженіе труда. Сберегается то, что не необходимо для ясности рѣчи, потому что легко можетъ быть подразумѣваемо. Подобное явленіе можно изучать также и на отдѣльныхъ (единичныхъ) наименованіяхъ, въ которыхъ произносятся только части звуковыхъ комплексовъ. Такое сокращеніе формы мы видимъ въ словахъ, какъ, напр.:

Bahn = Eisenbahn,

Lager = Lagerbier,

Soda = Sodawasser,

Kilo = Kilogramm;

---

1) Циркуляръ г. Министра народнаго просвѣщенія отъ 30 ноября 1893 г. предписываетъ преподавателямъ среднихъ учебныхъ заведеній, между прочимъ, заботиться о томъ, чтобы „стилистическія ошибки,“ какъ „окончить гимназію“ вмѣсто „окончить курсъ гимназіи“, встрѣчающіяся зъ прошеніяхъ и бумагахъ учащихся не только среднихъ, но и высшихъ учебныхъ заведеній, впредь не повторялись. При строгомъ надзорѣ подобнаго рода обороты, вполне соответствующіе духу языка, могутъ быть устраняемы изъ прошеній, но изъ языка ни въ какомъ случаѣ.

въ лондонизмахъ: Zoo = Zoological garden,
pops = popular concerts,
bus = omnibus.

Или же вмѣсто цѣлаго выраженія произносится только часть. Сюда относится почти все то, что школьная грамматика обыкновенно называетъ эллипсисомъ. Напр.:

Mahlzeit = gesegnete Mahlzeit;
ein Viertel Neuen = ein Viertel neuen Weines,
er muss fort = er muss fortgehen,
hinaus = geh' hinaus;

русск: мировой = мировой судья, судъ,
ломовой = ломовой извозчикъ,
крестный = крестный отецъ,
крестная = крестная мать,
домовой = домовый духъ,
рядовой = рядовой солдатъ;
вонъ = иди вонъ,
всего лучшаго = желаю всего лучшаго и т. п.

Краткія имена.

Наименованія образовались и образуются, большею частью, благодаря качествамъ и особенностямъ, присущимъ или приписываемымъ требующему наименованія объекту. Composita всѣхъ классовъ употреблялись въ качествѣ наименованій для лицъ уже съ давнихъ поръ, и Brugmann, какъ и Fick, придерживается мнѣнія, что такого рода наименованіе лицъ примѣнялось съ „urindg. Zeit.“ Оно и осталось живымъ у всѣхъ аріоевропейскихъ народовъ, за исключеніемъ италиковъ и по Hübschmann'у, можетъ быть, армянъ. (Однако для географическихъ именъ древнюю систему наименованій слѣдуетъ считать вполне господствующей).

Примѣры:

др.-инд. Aṣva-mēdha (aṣva — конь; mēdha — жертва)

Dur-mitra (dus — нѣмецк. префиксъ miss, греч. *δου*,
напр., *Δουσίχητος*; mitra — другъ)

Divo-dâsa (divi, divas — къ div, dyu — небо, день,
богъ неба; dâsa — рабъ).

греч. *Ἰππό-μαχος*

Ἰπό-δικος

Ἀρητί-λουκος.

кельтск. (гальск.) *Dêvo-gnâta* (*Dêvo-*, *Dîvo-* — богъ; *gnâta* —
ср. *Διό-γενητος*

Su-carius (*Su* — санскр. *su-*, *εῦ*; *carus*,

carius — ср. санскр. *Su-câru*)

готск. *Austro-valdus* (латинск. окончаніе). *Austro* — востокъ;
vald = слав. *vlad*.

др.-верхненѣм. *Wolf-boto*. (*Wolf* — волкъ; *boto* — *Bote*,
вѣстникъ)

литовск. *Nor-butas* (*nôras*, желаніе; *bûtas*, домъ).

сербск. *Vuko-mir*

Ljubo-mir

русск. Володи-мир (Володи-мер)

Свято-слав.

ново-верхненѣм. *Schmerzen-reich*

Gott-lieb.

(Ср. въ особенности *A. Fick, Die griech. Personennamen*).

У грековъ и германцевъ былъ обычай принимать для дѣтскихъ
именъ одно изъ звеньевъ сложныхъ словъ, служившихъ име-
немъ для отца или матери ¹⁾. Напр.:

1) *Εὐ-κράτης*, сынъ *Εὐρου-κράτης*.

2) *Δεινο-κράτης*, сынъ *Δεινο-κλήτης*.

1) *Wald-bert* и *Wolf-bert*, сыновья *Hram-bert*.

1) Теперь еще принято, особенно у протестантовъ, тамъ, гдѣ ребенку
даютъ нѣсколько именъ, брать обыкновенно для перваго имени сына пер-
вое имя крестнаго или отца. У римлянъ былъ обычай, что старшій сынъ въ
семьѣ получалъ *praenomen* отца. Напр., въ цѣломъ рядѣ поколѣній встрѣ-
чается „*Tiberius Sempronius Gracchus*“.

Hadu-brant, сынъ Hilde-brand 1).

2) Walt-bert, сынъ Wald-ram.

Wine-gaudus, сынъ Wine-burgis (женск. имя).

Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что при этомъ конечное звено полного имени отца могло стать конечнымъ звеномъ полного имени сына, напр.: Εὐρυ-κράτης, сынъ его Εὐ-κράτης; Gram-bert, сыновья его Wolf-bert и Wald-bert. Или же начальное звено полного имени отца служило начальнымъ звеномъ полного имени сына, какъ, напр.: Δεινο-κλῆς, сынъ его Δεινο-κράτης; Wald-ram, сынъ его Walt-bert. Но бывали и случаи, что первое звено имени отца стало послѣднимъ звеномъ для имени сына, напр., Νικο-κλῆς, сынъ его Ἀνδρό-νικος. Не подлежитъ сомнѣнiю, что, въ свою очередь, послѣднее звено имени отца могло примѣняться въ качествѣ перваго звена въ имени сына.

Разсматривая ближе весь уцѣлѣвшiй составъ славянской номенклатуры, я пришелъ къ убѣжденiю, что такой обычай былъ и у славянъ. Это подтверждается:

Во I-ыхъ, множествомъ полныхъ именъ лицъ съ тождественнымъ конечнымъ звеномъ. Приведу здѣсь самыя употребительныя имена, а именно на slav, [Ср. греческiя имена на κλῆς (κλέος). Fick, Die griech. Personennamen, въ I изд. насчитываетъ ихъ въ греческомъ 155, а во II-омъ изд. 225. Ср. и индiйскiя на çravas, напр.:

Urama — çravas

Satya — çravas

Su — çravas],

mir, mil, rad, voj, bor.

1) Славянскiя полныя имена лицъ на slav:

[slav отъ slava (по Miklosich'у, gloria, nomen) встрѣчается въ качествѣ перваго или втораго звена имени. Miklosich пред-

1) Пѣснь о Гильдебрандѣ (Hildebrandslied) — фрагментъ героической поэмы о Гильдебрандѣ и сынѣ его Гадубрантѣ, конца VIII в. (W. Grimm, „De Hildebrando, antiquissimi carminis teutonici fragmentum“, Göttingen 1830). Рукопись начала IX в. на др.-верхненѣмецкомъ языкѣ подъ сильнымъ влiянiемъ ниже-нѣмецкаго находится въ библиотекѣ Кассельскаго музея.

полагаетъ, что *slava* въ именахъ лицъ имѣетъ значеніе *nomen*, а не *gloria*. *Dobro-slav* переводить онъ „*a bono nomen habens*“, а не „*bonam gloriam habens*“. См. Miklosich, *Die Bildung der slav. Personennamen*, стр. 310. Въ греческомъ, говоритъ онъ, ἁγαθοκλῆς, ἄριστοκλῆς, εὐκλῆς и т. д. тождественны по значенію съ ἁγαθώνυμος, ἄριστώνυμος, εὐώνυμος etc. Fick въ I и II изд. понимаетъ подъ κλέος (въ составѣ полныхъ именъ лицъ) исключительно „*Ruhm*“. Указывая на преобладаніе греческихъ именъ, составленныхъ съ κλέος, онъ цитируетъ во II изд., стр. 13 (*Die griech. Personennamen*): „*Von des Lebens Gütern allen ist der Ruhm das höchste doch*“.

Baudouin de Courtenay (О древне-польскомъ языкѣ, стр. 92) говоритъ: „Чаще всего встрѣчаются *slâv* и *mir*, которыя, по всей вѣроятности, въ древнюю эпоху были синонимами и означали: званый, именованный, величаемый такъ-то и такъ-то, извѣстный тѣмъ-то и тѣмъ-то“].

Beni-slav (ben- и bon- — *occisio*?)

Beri-slav s. (berü — *ferre, rapere*)

Bogu-slav r. Bogo-slava s. (bogü — *deus*)

Boži-slav cz. Boži-slava cz. (bogü — *deus*)

Boj-slav cz. (boj — *pugna*)

Bole-slav r. (bolje — *majus, melius*)

Bori-slav s. (borü — *pugna*)

Bra-slav cz. (brati)

Brani-slav s. Brani-slava s. Broni и Brony-slav p. (brani — *pugna*)

Brato-slav s. Bratro-slava cz. (bratrü, bratü — *frater*)

Břeti-slav cz. Brjaczi-slav r. (brêt вмѣсто obrêt — *inventio, acquisitio*)

Budi-slav s. (budi- къ *bljuda* — *πεύθομαι*; по Mikl., *büd- — vigilare*)

Bêlo-slav s. Bêlo-slava s. (bêlü — *lucidus, albus*)

Vadi-slav cz. (vad- — *contentio*)

Veli-slav cz. Velo-slav s. (velü, velij, velikü — *magnus*)

Vido-slav. Vido-slava s. (vidū — visus)

Viti¹⁾-slav cz. Vito-slava s. (vitī ep. vūzviti — lucrum)

Vladi-slav. Vladi-slava s. (vlad- — dominium, possessio. Ср. ротск. waldan. По Kluge, слав. vlad- рано заимствовано изъ германскаго.)

Vlasti-slav cz. (vlastī — dominium, possessio)

Vlko-slav s. Vuko-slava s. (vlūkū — lupus)

Vogi-slav (Vogizlaus)

Voj-slav s. Woj-sław p. (voj — miles, vir)

Wirbo-sław p. (vrūbo къ vrūba — salix, по Miklosich'y, сомнительно)

Vrati-slav s. (vratū — vertere)

Vrcho-slav cz. (vrūchū — apex)

Vse-slav r. (visī, по Miklosich'y, omnis. По моему мнѣнію, visī — vicus — Weich въ Weichbild)

Vêko-slav (vêkū — вѣкъ)

Věři-slav cz. (věra — fides)

Vysze-slav r. (выше)

Vjacze-slav r. Więce-sław p. (wєszte — plus)

Goj-slav s. (goj — рах. Ср. гої дръжати — pacem manutenere)

Gori-slav. Gori-slava r. (gor- — incendium)

Gradi-slav s. (gradū — aedificatio, aedes, castrum)

1) Vit. См. тоже объясненія „vit“ у Т. Maretic'a, Zu den Götternamen der baltischen Slaven, Archiv f. slav. Philol. X B., стр. 133.

Мнѣніе Maretic'a, что имена божествъ, въ родѣ Святовить, Рогевитъ, Яровитъ, Руевитъ, суть имена людей, перенесенныя на божество, едва ли допустимо. Скорѣе можно допустить предположеніе, что въ отдѣльныхъ звеньяхъ именъ людей скрываются элементы имени божества. Ср. греческія имена:

(Ἀπόλλων) Ἀπολλων-ικέτης, Ἀπολλο-φάνης.

(Ἄρτεμις) Ἀρτεμ-αγόρας, Ἀρτεμο-κλέα.

(Ζεὺς) Δι-εύχης, Δίο-γυς, Διο-μήδης.

- Grimislaus, Grzymi-sław p. Grzymi-sława (grimŭ, ср. grī-mati — strepere)
- Gier-sław p. (grŭdŭ — гордый)
- Da-slav kroat. (da — dare)
- Dani-slav r. (danŭ — datus; ср. дань)
- Daro-slav s. (darŭ — donum)
- Desi-slav s. (desi, desiti — invenire, acquirere)
- Dobi-slav cz. Dobie-sław p. (dob- — bonus; ср. dobi, dobli, доблесть)
- Dobro-slav s. Dobro-slava cz. (dobrŭ — bonus)
- Doma-slav s. (domŭ — domus)
- Drago-slav s. (dragŭ — carus)
- Dr-slav
- Drži-slav cz. (drŭg- — tenere, possidere)
- Djuri-s(l)av s.
- Židi-slav r. (žida — exspectare, desiderare)
- Žiro-slav r. (цѣсл. žirŭ, vita; кимр. gwyr, свѣжій; санскр. jira, पृथ्वी)
- Za-sław p.
- Zby-sław p. Sby-slav r. (sŭby, zby — evenire)
- Z-bro-sław p. (izbr — eximere, eligere)
- Z-woli-sław p. (volŭ — voluntas, alacritas animi)
- Zde-slav cz.
- Zdi-slav. cz. Zdi-slava (sŭd, zd — componere, condere)
- Zemi-slav cz. (zemlja — terra)
- Zlato-slav cz. (zlatŭ — aureus)
- Imi-sław p. (ima — sumere, habere)
- Ino-s(l)av s. (inŭ — alius)
- Isti-slav. Isti-slava cz. (istŭ-verus)
- Izja-slav r. (izŭm — eximere)
- Kraj-slav s. (kraj — margo, regio)
- Krasi-slav s. (krasa — pulchritudo)
- Křesi-slav cz. (krĕs?)
- Ljepo-s(l)av. Ljepo-s(l)ava s. (lĕpŭ — decens)

- Ljubo-s(l)av s. (ljubŭ — amatus)
- Ludi-slav cz. (ljudŭ — populus; ljudije — homines)
- Ma-sław p.
- Mani-slav s. (mani || mĭn — мнѣть; только не нѣмецкое „ман“, какъ полагаетъ Förstemann)
- Maja-slav s.
- Milo-slav s. (milŭ — misericors. Ср. помиловать)
- Miro-slav b. (mirŭ — см. имена на mir)
- Mni-slav cz. (mĭn- — cogitatio)
- Moј-slav r. (moј — только не meus, какъ полагаетъ Miklosich. Fick тоже отрицаетъ возможность такой этимологіи)
- Msti-slav cz. (mĭstĭ — vindicta)
- Mieczy-sław p. (mĭczĭ — gladius)
- Nad-slav cz. Na-sław p.
- Nacze-sław p. (nacze — incipere)
- Niko-s(l)ava s. (nik- — germinatio)
- Nino-slav s. (nin — по Miklosich'у, тождественъ съ inŭ. Сомнительно!)
- Nosi-slav cz. (nosŭ — ferre)
- Nĕgo-slav s. (nĕga — hilaritas, curatio; по Mikl., curatio infantis)
- Ota-slav cz. (ota — ср. Ottik, Otto II, filius Ottonis, ducis Moraviae)
- Ozri-slav s. (Ozr- — splendor)
- Pako-slav cz. (pakŭ — validus; pacze — potius)
- Pere-slav (Pereslavec) r.
- Peti-slav s. (По Mikl. — pĕtyj. Сомнительно!)
- Pobi-sław p.
- Po-bra-slav cz. (berŭ — ferre)
- Pravo-slav (pravŭ — rectus)
- Pribi-slav kroat. (priby — augeri)
- Prizno-(s)lawus, dux Sclavorum (prisinŭ — propinquus)
- Prvo-slav s. (prŭvŭ, prŭvyj — primus)
- Pro-slav cz.
- Prĕdi-slav s. (prĕdŭ — anterior pars; по Mikl., antica pars)

- Puzi-slav. Puzi-slava
 Peġo-slav p. (paġ?)
 Radi-slav cz.
 Rado-slav s. (radŭ — alacer, cura, promptus; по Fick'у, „Rath“)
 Rati-slav r. (ratŭ — bellum)
 Ra-slav s.
 Rodi-slav cz. (rodŭ — generatio)
 Rodo-slav. Rodo-slava
 Ru-slav s.
 Rosti-slav r. Rosti-slava. Rasi-slav s. (rastŭ — crescere)
 Svě-slav cz.
 Sveto-slav s. Svjato-slav r. (svěntŭ — validus. Ср. ротск.
 swinths, δονατός; др.-верхненѣм. swind въ Amalswind,
 Adalswind; ср.-верхненѣм. swinde (swint), violentus)
 Svoj-slav cz. (svoj — suus, по Miklosich'у. Сомнительно!)
 Seli-slav p. (selo — sedes)
 Semi-slav
 Siro-slav p. (sirŭ — orbis)
 Skoro-s(l)av s. (skorŭ — citus)
 Sobro-slav p.
 Sobě-slav cz. (sobŭ — adjumentum, ср. пособие)
 Spi-slav
 Spyci-slav p. (spyt- — citus. Сомнительно!)
 Stani-slav s. (stanŭ — stare; См. Baudouin de Courtenay, О
 древне-польскомъ языкѣ, словарь, стр. 42:1) станъ —
 „Lager, Herberge, Verpflichtung der Bauern für Nacht-
 lager und Unterhalt des Fürsten und seiner Diener auf
 deren Reisen zu sorgen“).
 Sti-slav.
 Stoj-slav cz. (stoj — stare)

1) Изъ Galla Kronika: „Hoc etenim vocabulum Stanislaus, in sacro baptisinate sibi collatum divinitus, ex Latino sermone etymolozatum, et Polonico, stanslaus, vel instans laudi, sive etiam stacio laudis potest dici et congrue imputari.“

- Strani-slav cz. (strana — regio)
- Strati-slav cz. (strati — sternere. По Микл., strat- — perdere)
- Stroji-slav s. (stroj — ordo)
- Strêzi-slav. Strêzi-slava. s. (strêg- — custodia)
- Sudi-slav cz. (sądü — iudicium)
- Suli-slav cz. Suli-slaw p. (sulêj — potior)
- Siecie-slaw p. (sêti — meminisse. Ср. сербск. sjetiti se)
- Siero-slaw p. (sêrû — cinerei coloris)
- Tverdi-slav r. Tvrđi-slav s. (tvrđü — firmus)
- Tiho-slav s. (tichü — tranquillus, hilaris)
- Tomi-slav kroat. Tomi-slaw p. (tomiti — vexare)
- Trziebie-slaw p. (trêba — negotium; по Miklosich'y, trêb- — idoneum esse)
- Ubi-slaw p. (ubiti — occidere)
- Uně-slav, Uni-slav cz. Unie-slaw p. (unêj — melior)
- Chwali-slaw p. (chvala — laus)
- Hodi-slav cz. Hod-slav (god- — habilitas, pulchritudo)
- Hosti-slav cz. (gosti — hospes)
- Choti-slav cz. (chotĭ — voluntas, alacritas animi)
- Hrani-slav s. (chrana — servatio)
- Cti-slav cz. (czistĭ — honor)
- Ciecho-slaw p. (têcha — consolatio)
- Cza-slav b. (czajati, cza — expectare)
- Czasto-slav.
- Cze-slaw p. (По Ягичу, Чеславъ = Чаславъ; че-, ча- отъ чаяти, чекати. См. Archiv, Xт., стр. 219.)
- Siro-slav cz. (szirü — latus)
- Szcze-slaw p. (süczestĭ — fortuna)
- Jani-slaw p. (Jani — по Miklosich'y, Joanü — Joannes. Сомнительно!)
- Jaro-slav s. Jaro-slava (jarü — austerus)
- Slav — какъ начальное звено: Slavi-bor,
- Slavo-bor cz.; Slavo-ljub s.; Slavi-mír cz.; Slavo-têch cz.

2) Славянскія полныя имена лицъ на *mir*:

[*mir* — по Miklosich'у, является въ качествѣ конечнаго звена полныхъ именъ. Этому противорѣчатъ имена: *Miro-gniew p. Miro-dar s. Miro-lub cz. Miro-něha cz. Miro-slav b.*, въ которыхъ, по моему мнѣнію, тотъ же элементъ фигурируетъ въ началѣ. Miklosich (См. *Die Bildung der slav. Personennamen*, стр. 289) приводитъ 4 темы, которыя можно имѣть въ виду при разборѣ значенія *mir*:

- a) *mêr-* — *humilitas* (ср. *sümêriti* — *humiliare*).
- b) *mirü* — *mundus*.
- c) *mirü* — *рах*.
- d) *mêr-* — одного значенія съ *slava κλέος* *nomen*.

Возможность допущенія первой темы Miklosich отрицаетъ; *mirü* — *mundus* находили въ *Vladi-mir*. Чаще всего полагали, что слѣдуетъ придерживаться третьей темы: *mirü* — *рах*. *Jarimirus* (*Jari-mir*) уже въ древнія времена переводили „*firma* *рах*“. Miklosich предпочитаетъ четвертую тему, приведенную подъ *lit. d*. Основаніемъ его взгляда служить однозвучность съ готскимъ *mêr* и аллеманскимъ *mar*. Второй поводъ, заставляющій великаго ученаго дать преимущество этой темѣ, по моему мнѣнію, встрѣчаетъ противорѣчіе въ цѣнномъ и богатомъ, имъ же накопленномъ, матеріалѣ. Miklosich полагаетъ, что одинаковое значеніе *mirü* и *slava* вытекаетъ изъ того, что много именъ съ одинаковымъ первымъ звеномъ оканчиваются на приведенныя темы *mirü* и *slava*. Однако очень много именъ съ тождественнымъ первымъ звеномъ имѣютъ и другія вторыя звенья, которыхъ никакъ невозможно привести въ связь по значенію.

Съ Miklosich'емъ соглашается отчасти и Fick, сопоставляя *mir* съ др.-нѣм. *mâr* въ *Waldo-mâr* и т. п. Онъ переводитъ *mirü* — „*berühmt*“.]

Balo-mir b. (*ba* — *magicas artes exercere*; отсюда *balü*)

Blaho-mír cz. (*blagü* — *bonus*)

- Bole-mír s. (bolje — majus, melius)
- Bohu-mír cz. (bogü — deus)
- Brani-mír cz. (brani — pugna)
- Brato-mír s. (bratrü, bratü — frater)
- Budi-mír s. (budi въ блjуда — πούδομα)
- Bêli-mír s. (bêlü — lucidus, albus)
- Veli-mír s. (velü, velij, velikü — magnus)
- Vito-mír s. (vitĭ ср. vúzvitĭ — lucrum. По Maretic'у, vit — laetus, и vit = rad. Ср. Archiv, X т., стр. 135.)
- Vladi-mír s. (vlad — dominium, possessio) Ср. др.-нѣм. Waldo — mâr
- Voj-mír s. (voj — miles, vir)
- Voli-mír cz. (volü — voluntas, alacritas animi. Ср. про-изволь) Ср. др.-нѣм. Willi — mâr.
- Vrati-mír cz. (vrat — vertere)
- Vse-mír s. —
- Vuko-mír s. (vlükü — lupus) Ср. др.-нѣм. Wolf — mâr.
- Vyše-mír cz. (выше)
- Gniewo-mír p. (gnêvü — гнѣвъ)
- Godo-mír s. (god- — habilitas, pulchritudo)
- Goj-mír s. (goj — pax)
- Gosti-mír s. (gostĭ — hospes)
- Da-mír cz. (da — dare)
- Desi-mír s. (desi, desiti — invenire)
- Dluho-mír cz. (dlügü — longus)
- Dobro-mír b. (dobrü — bonus)
- Dok-mír s. (dok-?)
- Doma-mír cz. (domü — domus)
- Drago-mír s. (dragü — carus)
- Drži-mír s. (drüg — tenere, possidere)
- Dêdo-mír s. (dêdü — avus)
- Židi-mír r.
- Z-bra-mír. S-bra-mír cz. (izbr — eximere, eligere)
- Zdani-mír cz.

- Zdi-mír cz. (sùd, zd — componere, condere)
- Kazi-mir s. (kaza — docere)
- Kraj-mir s. (kraj — margo, regio)
- Krasi-mir s. (krasa — pulchritudo)
- Kresi-mir kroat.
- Lanko-mir (laḱ-?)
- Lsti-mír cz. (listi — dolus. Ср. др.-верхненѣм. list — ars)
- Lugo-mira (laḱü — nemus)
- Ludo-mír cz. (ljudü — populus) Ср. др.-нѣм. Leudo — mâr
- Luto-mír cz. (ljutü — saevus)
- Ljubo-mir s. (ljubü — amatus)
- Milo-mir (milü — misericors)
- Moje-mír cz.
- Mo-mir s.
- Myšli-mir p. (mysli — cogitatio, mens)
- Maṭi-mêr, Montemerus dux Slavoniae (maṭü — turbatio)
- Na-mír cz.
- Neda-mír cz. (da — dare)
- Nět-mír cz. (nêt- — accendere)
- Nosi-mêr (nosü — ferre)
- Nêgo-mir s. (nêga — hilaritas, curatio)
- Ostro-mir r. (ostrü — acutus; др.-верхненѣм. scarf)
- Prosi-mír cz. (prosü — petitio)
- Prêdi-mir s. (prêdü — anterior pars)
- Rado-mir s. (radü — alacer) Ср. др.-нѣм. Râd — mâr
- Rasti-mir s. (rasti — crescere)
- Rati-mir r. (ratü — bellum, pugna; milites)
- Rus-mir, Rus-mira s. (rusü — rufus)
- Svoj-mír cz.
- Sveto-mir s. (См. Svetoslav)
- Skoro-mir s. (skorü — citus)
- Skrbi-mír cz. (skrübü — moeror)
- Slavi-mír cz. (slava — κλέος. См. стр. 58)
- Spiti-mír cz. (sptyi — citus; Ср. др.-верхненѣм. spuotôn)

- Stani-mir s. (Cm. Stanislav)
- Stoj-mir s. (stoj — stare)
- Strati-mir s. (strati — sternere. По Mikl., strat- — perdere)
- Strêzi-mir s. (strêg- — custodia)
- Sudi-mír cz. (sądü — iudicium)
- Sudo-mir.
- Tato-mir s. (tata ср. тятя)
- Tvori-mir r. (tvori- — facere; tvorü — opus)
- Tiho-mir s. (tichü — tranquillus, hilaris)
- Toli-mir b. (toliti — placare)
- Tugu-mir dux Hevellorum (tagü — fortis; ср. тугой)
- Têsze-mir s. (têcha — consolatio; têsziti — тѣшить)
- Unje-mir s. (unij, unêj — melior)
- Нлапо-mir s. (chlapü — servus)
- Hodi-mir s. (chodü, choditi ср. ходить)
- Choti-mír cz. (choti — voluntas; chotiti — хотѣть)
- Hrani-mir s. (chrana — servatio; chraniti — хранить)
- Cviti-mir s. (cvêtü — flos)
- Cti-mír cz. (czĩstĩ — честь)
- Čest-mír cz. (częstĩ — pars, fortuna)
- Czrno-mir s. (czrĩnũ — niger)
- Jazdi-mir. Lazdi-mir slov (jazdũ — equitatio)
- Jači-mír cz. (jakũ — fortis)
- Iaro-mír cz. (jarũ — austerus; Ср. ярый)
- mir — каѣъ начальное звено: Miro-gniew p. Miro-dar s.
- Miro-lub cz. Miro-neha cz. Miro-slav b.

3) Славянскія полныя имена лицъ на mil¹⁾:

- [mil—milũ—misericors (рѣже carus). Ср. милость, миловать]
- Blaho-mil cz. (blagũ — bonus)

1) Значеніе первыхъ звеньевъ именъ на mil, rad, voj, bor не приведено въ тѣхъ случаяхъ, когда оно объяснено уже въ перечисленныхъ именахъ, оканчивающихся на slav и mir.

- Bogu-mil p.
 Bole-mil cz.
 Brato-mil s.
 Budi-mil s.
 Vlasti-mil cz.
 Vuk-milj s.
 Vše-mil. Vše-mila cz.
 Věce-mil cz.
 Vyše-mil. Vyše-mila cz.
 Grdo-mil s. (гордый)
 Dali-mil cz. (dalů — datus)
 Dluho-mil cz.
 Dobře-mil. Dobře-mila cz.
 Drago-mil s.
 Dědu-mil cz.
 Zde-mil cz.
 Ljud-mil? Ljud-mila (Lid-mila cz)
 Pacze-mil s.
 Pravo-mil. Pravo-mila.
 Pri-mil. Pri-mila cz.
 Rado-mil. Rado-mila s.
 Rodo-mil cz.
 Slavo-mil.
 Tetu-mil s. (teta — amita)
 Těho-mil s.
 Harido-mil s.
 Host-mil cz.
 Čjudo-mil s. (чудо)
 mil — каѣъ начальное звено: Milo-brat s.
 Mili-voj s. Milo-vuk s. Milj-gost s. Milo-drag s.
 Mil-mir s. Milo-něg r. Milo-rad s. Milo-slav s.

4) Славянскія полныя имена лицъ на rad :

[rad — radŭ, по Miklosich'у — alacer, promptus или radŭ — cura. Fick переводить radŭ — „Rath“. Онъ сопоставляетъ его съ древне-нѣм. „râd“, „rât“. Такимъ образомъ древне-нѣм. Gast-rât, Râd-gast соотвѣтствуетъ Hosti-rad cz. и Rado-gost slov. Fick приводитъ и санскр. Su-râdhas, Pra-râdhas. Впрочемъ и Miklosich указываетъ на „die mit rât zusammenhängenden ahd. Namen“, допуская возможность значенія radŭ — cura.]

По Maretić'у, вить и радъ — синонимы. Онъ переводитъ Витославъ и Радославъ „laetam gloriam habens“.]

Bohu-rad cz.

Vse-rad cz.

Desi-rad s.

Doma-rad.

Zde-rad. Sde-rad cz.

Ziemi-rad p.

Kon-rad? (kona-, kon — perficere)

Milo-rad s.

Ne-rad s.

Ob-rad s.

Ot-rad cz.

Pre-rad b.

Své-rad cz.

Tiho-rad s.

Têho-rad s.

Hosti-rad cz.

Čti-rad cz.

rad — какъ первое звено: Rado-bud s.

Rado-vít cz. Radi-voj s. Rado-gost slov. Rado-man s.

Rado-mil s. Rado-mér, Rad-mir s. Rado-mysl s.

Rado-slav s.

5) Славянскія полныя имена лицъ на voj:

[voj, vojinnŭ — miles, vir.]

Beri-voj s.

Bori-voj cz.

Brani-voj s.

Budi-voj cz.

Vladi-voj cz.

Vrati-voj cz.

Vuko-voj s.

Dluho-voj cz.

Dobro-voj s.

Draži-voj s.

Ljubi-voj s.

Mili-voj s.

Mšci-voj p. (Mistuvoj dux Obodritorum)

Ná-voj cz.

Przyby-voj p.

Prosti-voj cz. (prostŭ — simplex, liber)

Proti-voj cz. (proti — πρός; protivŭ — contrarius).

Prêdi-voj s.

Radi-voj s.

Ředi-voj cz. (ředŭ — ordo)

Sadi-voj s.

Skoro-voj s.

Soczy-voj p. (sokŭ — ср. старо-слав. soczi — indicare; руск. sakan = rixari)

Strezi-voj cz.

Sudi-voj cz.

Suli-voj cz.

Tesi-voj cz.

Hodi-voj s.

Hoři-voj cz. (gor- — incendium)

Choti-voj cz.

Často-voj cz.

voj — какъ начальное звено: voj-bor r. voj-gost r.
 Voj-drag s. Voj-mir s. Voj-nêg s. Voj-slav s. Voj-tech cz.

6) Славянскія полныя имена лицъ на bor:

(borû — pugna).

Bliz-bor p. (ср. греч. Ἀγγέμαχος)

Bole-bor cz.

Vlasti-bor cz.

Voj-bor r.

Wsze-bor p

Dali-bor cz. (ср. греч. Τηλέμαχος)

Doma-bor cz.

Žide-bor cz.

Zemi-bor cz.

Li-bor.

Lito-bor cz.

Luti-bor cz.

Lju-bor.

Modli-bor p. (modli- — moliti — precari)

Mšci-bor p.

Mysli-bor cz

Nad-bor p.

Po-bor s.

Prisno-bor cz.

Prosti-bor cz. (prostû — simplex, liber)

Před-bor cz.

Prí-bor cz.

Rati-bor r.

Sam-bor p. (samû — ipse)

Své-bor cz.

Święto-bor p.

Seli-bor cz.

Sławo-bor p.

Sobe-bor cz.

Spiti-bor cz.

Sci-bor p.

Hrde-bor cz.

Chote-bor cz.

Cti-bor cz.

Często-bor p. (części — pars, fortuna)

Iesit-bor cz. (jaszutü — frustra)

bor — какъ начальное звено: Bori-voj cz.

Bori-hnev cz. Bori-slav s.

Во II-ыхъ, на этотъ обычай указываетъ многочисленность славянскихъ именъ съ одинаковымъ начальнымъ звеномъ. Приведу здѣсь примѣры изъ выше-перечисленныхъ именъ:

1) Полныя имена лицъ съ одинаковымъ начальнымъ звеномъ, оканчивающіяся на — slav. — mir:

Bêlo-slav s. Bêli-mir s.

Veli-slav cz. Veli-mir s.

Viti-slav cz. Vito-mir s.

Goj-slav s. Goj-mir s.

Hodi-slav cz. Godo-mir s.

Da-slav kroat. Da-mír cz.

Drži-slav cz. Drži-mir s.

Zbro-sław p. Sbra-mír cz.

Zdi-slav cz. Zdi-mír cz.

Kraj-slav s. Kraj-mir s.

Kresi-slav cz. Kresi-mir kroat.

Moj-slav r. Moje-mír cz.

Na-sław p. Na-mír cz.

Nosi-slav cz. Nosi-mir.

Nêgo-slav s. Nêgo-mir s.

Rosti-slav r. Rasti-mir s.

Stani-slav s. Stani-mir s.

Stoj-slav cz. Stoj-mir s.

Strati-slav cz. Strati-mir s.

Uni-slav cz. Unje-mir s.

Hrani-slav s. Hrani-mir s.

Iaro-slav s. Iaro-mír cz

2) — slav. — mil:

Więce-sław p. Věce-mil cz.

Pako-slav cz. Pacze-mil s.

Rodi-slav cz. Rodo-mil cz.

3) — slav. — voj.:

Beri-slav s. Beri-voj s.

Bori-slav s. Bori-voj cz.

Gori-slav r. Hori-voj cz.

Misti-slav r. Mistu-voj.

Suli-slav cz. Suli-voj cz.

4) — slav. — bor.

Prizno-(s)lawus. Prisno-bor cz.

Seli-sław p. Seli-bor cz.

Sobě-slav cz. Sobě-bor cz.

5) — mir. — mil:

Blaho-mír cz. Blaho-mil cz.

Dědo-mir s. Dědu-mil cz.

6) — mir. — voj:

Hodi-mir s. Hodi-voj s.

7) — mir. — bor:

Luto-mír cz. Luti-bor cz.

Myśli-mir p. Mysli-bor cz.

Slavi-mír cz. Slavo-bor cz.

8) — voj. — bor:

Prosti-voj cz. Prosti-bor cz.

Často-voj cz. Często-bor p.

9) — slav. — mir. — mil:

Brato-slav s. Brato-mir s. Brato-mil s.
 Vysze-slav r. Vyše-mír cz. Vyše-mil cz.
 Ludi-slav cz. Ludo-mír cz. Lid-mila cz.

10) — slav. — mir. — rad.

Desi-slav s. Desi-mir s. Desi-rad s.
 Tiho-slav s. Tiho-mir s. Tiho-rad s.

11) — slav. — mir. — voj:

Brani-slav s. Brani-mír cz. Brani-voj s.
 Vladi-slav s. Vladi-mir s. Vladi-voj cz.
 Vrati-slav s. Vrati-mír cz. Vrati-voj cz.
 Dobro-slav s. Dobro-mir b. Dobro-voj s.
 Ljubo-slav s. Ljubo-mir s. Ljubi-voj s.
 Skoro-slav s. Skoro-mir s. Skoro-voj s.
 Strêzi-slav s. Strêzi-mir s. Střezi-voj cz.
 Sudi-slav cz. Sudi-mír cz. Sudi-voj cz.

12) — slav. — mir. — bor:

Voj-slav s. Voj-mir s. Voj-bor r.
 Doma-slav s. Doma-mír cz. Doma-bor cz.
 Židi-slav r. Židi-mir r. Žide-bor cz.
 Rati-slav r. Rati-mir r. Rati-bor r.
 Sveto-slav s. Sveto-mir s. Święto-bor p.
 Spyci-slaw p. Spiti-mír cz. Spiti-bor cz.

13) — slav. — mil. — bor:

Vlasti-slav cz. Vlasti-mil cz. Vlasti-bor cz.
 Gier-slaw p. Grdo-mil s. Hrde-bor cz.

14) — slav. — rad. — voj:

Milo-slav s. Milo-rad s. Mili-voj s.

15) — slav. — rad. — bor:

Zemi-slav cz. Ziem-rad p. Zemi-bor cz.

16) — mir. — mil. voj:

Dluho-mír cz. Dluho-mil cz. Dluho-voj cz.

17) — slav. — mir. — mil. — rad:

Bogu-slav r. Bohu-mír cz. Bogu-mil p. Bohu-rad cz.
Hosti-slav cz. Gosti-mir s. Host-mil cz. Hosti-rad cz.

18) — slav. — mir. — mil. — voj:

Budi-slav s. Budi-mir s. Budi-mil s. Budi-voj cz.
Vlko-slav s. Vuko-mir s. Vuk-milj s. Vuko-voj s.
Drago-slav s. Drago-mir s. Drago-mil s. Draži-voj s.
Rado-slav s. Rado-mir s. Rado-mil s. Radi-voj s.

19) — slav. — mir. — mil. — bor:

Bole-slav s. Bole-mir s. Bole-mil cz. Bole-bor cz.

20) — slav. — mir. — rad. — bor:

Svoj-slav cz. Svoj-mír cz. Své-rad cz. Své-bor cz.
Cti-slav cz. Cti-mír cz. Cti-rad cz. Cti-bor cz.

21) — slav. — mir. voj. — bor:

Prédi-slav s. Prédi-mir s. Prédi-voj s. Pred-bor cz.
Choti-slav cz. Choti-mír cz. Choti-voj cz. Chote-bor cz.

22) — slav. — mir. — mil. — rad. — voj:

Ciecho-slav p. Tésze-mir s. Tého-mil s. Tého-rad s.
Tési-voj cz.

23) — slav. — mir. — mil. — rad. — bor:

Vse-slav r. Vse-mir s. Vse-mil cz. Vse-rad cz. Wsze-bor p.

Группы именъ, разсматриваемыхъ подъ № II-ымъ, и всѣ перечисленные имена, въ которыхъ slav, mir, mil, rad, voj, bor служатъ какъ первымъ, такъ и вторымъ звеномъ, очевидно, указываютъ на примѣненіе вышеизложеннаго греческаго и германскаго обычая при наименованіи дѣтей и у славянъ. Объяснить переворачиваніе именъ, въ родѣ

Bogu-chwał p. Chwali-bog p.

Bori-voj cz. Voj-bor r.

Brato-ljub s. Ljubo-brat s.

Brato-mil s. Milo-brat s.

Vuk-milj s. Milo-vuk s.

Hnevo-mír cz. Miro-gniew p.

Host-mil cz. Mili-gost s.

Drago-mil s. Milo-drag s.

Draži-voj s. Voj-drag s.

Milo-slav s. Slavo-mil.

Négo-mir s. Miro-néha cz.

Rado-mil s. Milo-rad s.

Slawo-bor p. Bori-slav s.

Slavo-ljub s. Ljubo-s(1)av s.

Tesi-voj cz. Voj-téch cz.

Ciecho-slaw p. Slavo-téch cz.,

и совпаденіе первыхъ или вторыхъ звеньевъ одной только искусственной и умышенной перестановкой съ цѣлью разнообразить существующій запасъ именъ, состоящихъ изъ двухъ основъ, было бы слишкомъ натянуто. Гораздо больше вѣроятія, что большая часть уцѣлѣвшаго драгоценнаго матеріала греческихъ, германскихъ и славянскихъ именъ есть случайный результатъ бессознательнаго творчества, вызваннаго примѣненіемъ обычая брать для одного изъ звеньевъ имени ребенка одно изъ звеньевъ имени отца или матери. Нынѣ примѣняемое у славянъ рядомъ съ именемъ отчество есть ясный слѣдъ того обычая съдой старины.

III) Осталось, насколько мнѣ извѣстно, одно данное, прямо указывающее на примѣненіе этого обычая у славянъ при нареченіи дѣтей¹⁾. Въ лѣтописи Нестора встрѣчается князь

1) Baudouin de Courtenay (О древне-польскомъ языкѣ, стр. 93) говорить: „Имена, сообщаемая и получаемыя по преданію, развились отчасти изъ прозвищъ и отчествовъ.“

Полоцкій Рог-володъ (Ср. Roho-vlad cz. rogü — cornu; vlad — dominium, possessio), дочь его Рог-нѣда (rogü — cornu; nêda s. — женское имя, которое Miklosich ставитъ въ связь съ nedêlja — dies dominica. Ср. и roz-nêta cz.?)¹⁾

Скудость такихъ данныхъ объясняется, по моему мнѣнью, тѣмъ, что у славянъ рано развился другой обычай. Въ то время какъ греки и германцы продолжали пользоваться однимъ изъ звеньевъ (начальнымъ или конечнымъ) полного имени отца или матери для полного имени дитяти, у славянъ явились patronymica и matronymica²⁾.

Вышеизложеннымъ обычаемъ у грековъ, германцевъ и славянъ объясняется образование наименованій, сложенныхъ изъ словъ самаго разнороднаго значенія³⁾, какъ, напр.:

1) Лѣтопись по Лаврентіевскому списку. С.-Петербургъ 1872. Рогъ-володъ (Роговолодъ), см. стр. 74, 284, 285. Рогънѣдъ, см. стр. 74, 78, 126.

Карамзинъ (Исторія государства Россійскаго. С.-Петербургъ 1892. I т., стр. 132 и прим. 420), основываясь на словахъ лѣтописца, считаетъ Рогволода варягомъ, который „самъ прибылъ изъ-за моря“. Онъ оспариваетъ мнѣніе Татищева, написавшаго „отъ себя, что Рогволодъ былъ изъ варяжскихъ князей, пришедшихъ съ Рюрикомъ“.

Надо полагать, что Татищева поразили имена Полоцкаго князя и княжны. Эти чисто славянскія имена не допускаютъ и мысли о прибывшихъ изъ-за моря варягахъ.

2) Въ V томѣ „Archiv für slav. Philol.“ есть интересная статья Jan'a Karłowicz'a: „Matronymica als polnische Eigennamen“. Въ самомъ началѣ Karłowicz говоритъ: „Es giebt eine gewisse Anzahl polnischer Eigennamen, die meines Erachtens nicht anders erklärt werden können, denn als Ableitungen von Frauennamen, und zwar vermuthlich Mutternamen, welche den Urahnen ihrer Träger aus nahe liegenden Gründen einst beigegeben wurden.“

3) Я думаю, что это противорѣчитъ слѣдующему мнѣнью Miklosich'a: „Ich glaube einen zusammengesetzten Personennamen als Zusammensetzung nicht blos in seinen Theilen erklären zu sollen.“ См. Franz Miklosich: „Die Bildung der slav. Personennamen“, стр. 290. Ср. стр. 233.

Ibid., на стр. 233 приводится мнѣніе E. Förstemann'a, что значеніе не служитъ помѣхой при соединеніи одного часто употребляемаго въ именахъ звена съ другимъ часто употребляемымъ въ др.-верхненѣмецкомъ. Этимъ и объясняется въ этомъ языкѣ множество именъ, не имѣющихъ смысла.

греческ. Ῥόδ-ιππος

др.-верхненѣм. Wolf-dag

сербск. Vuko-mir (mir — mundus, рах)

При подобномъ образованіи полныхъ именъ этимологическое содержаніе ихъ, конечно, стало неяснымъ. Звуковые комплексы подобнаго происхожденія употреблялись только какъ имена, клички, не заключая въ себѣ особаго значенія, характеризующаго носителя имени, какъ раньше, при самомъ появленіи первыхъ полныхъ именъ.

Эти длинныя и сложныя имена впоследствии, понятно, не примѣнялись въ обиходѣ. Ихъ сокращали, и этому, конечно, способствовало сложеніе ихъ изъ самыхъ разнородныхъ по значенію словъ. Въмѣсто цѣлаго сложнаго наименованія (полнаго имени) употребляли одно изъ его звеньевъ (такъ называемыя краткія имена — „Kurznamen“ или ласкательныя имена — „Kosenamen“.); къ этому краткому имени, состоявшему изъ одной основы (одного слова), прибавляли часто суффиксы. Напр.:

др.-инд. Deva = Deva-datta¹⁾

греческ. Ζεῦξίς = Ζεῦξ-ιππος (Sauppe zu Platons Protagoras 318, В. С.)

славянск. Brat, Brato, Bratoj, Bratilo, Brajilo, Bratan, Brajan, Bratrusz = Brato-ljub²⁾

великорусск. Володя = Володи-мир

ново-верхненѣм. Willy = Wil-helm³⁾.

1) Индійскіе грамматикѣ (Pānini) учатъ, что изъ полнаго имени Deva-datta можно образовать не только Deva, Devaka, Devika, Deviya и Devila, но и Datta, Dattaka, Dattika, Dattiya и Dattila.

2) Ср. и Baudouin de Courtenay, „О древне-польскомъ языкѣ“, стр. 92, § 110.

3) Образованіе краткихъ именъ на i resp. y (собственно ja) въ нѣмецкомъ — явленіе часто повторяющееся. Въ англійскомъ ср.: Dicky, Billy, Richy. У швейцарцевъ: Ruodi (= Rud-olf), Werni (= Wern-her), Uli (= Ul-rich) etc. Въ греческомъ этому суффиксу соотвѣтствуетъ ι-ς, ια-ς, напр.: Τέλλις и Τελλίας (= Τελέ-νικος); Φάλις, Φαλίς (= Φάλ-ακρος);

Нѣмецкія краткія имена съ суффиксомъ *tz* и *z*: Fritz, Kunz, Matz, Metze¹⁾.

Сокращеніе²⁾ происходило и путемъ устраненія перваго звена:

греческ. Κλήτος = Ἀνάκλητος

германск. (готск.) Vulfus = Hun-ulfus.

(древнесѣверн.) Steinn = Thor-steinn.

Hildir = Svan-hildir.

Fitela въ Beovulfѣ = древнесѣверн. Sin-fjötli.

(др.-верхненѣм.) Faro = Burgundo-faro.

Brand = Her-brand.

славянск. (польск.) Pelko = Święto-pelk, Przed-pelk etc.

(русск.) Polko = Svjato-polk, Jaro-polk etc.

Ср. современные сокращенія именъ заимствованныхъ:

Hans = Hannes = Johannes (евр. Johanan — Gotthold — Bogumil); Ваня = Иван; Toni = Antonie; Lex = Alex = Alexander.

Такъ какъ при подобныхъ сокращеніяхъ сознаніе этимологическаго состава сложнаго слова не всегда оставалось жи-

Χαῖρις, Χαίρις (= Χαῖρέ-δημος). Рядомъ съ *ις*, *ιας* употребляется *ιος*. (Краткія или ласкательныя имена на *ιος* въ классическомъ греческомъ рѣдкѣ. Древность ихъ вытекаетъ изъ того, что они у Гомера встрѣчаются часто) Рядомъ съ Φάλις, Φαλίς — Φάλιος; Φᾶνις, Φανίας — Φάνιος (= Φανό-στρατος); Χίονις — Χιόνιος (= Χιόν-ιππος).

Санскритскія краткія или ласкательныя имена, образуемая (см. Pānini) прибавленіемъ къ первой основѣ полного имени суффикса *iya*, въ родѣ Deviya (= Deva-datta), Aryamiya (= Aryama-datta), Upiya (Ura-diça), очевидно напоминаютъ вышеуказанное производство.

Сокращеніе полныхъ именъ въ великорусскомъ на подобіе Володи (= Володи-мір) прибавленіемъ къ началу полного имени суффикса „я“ — процессъ тождественный съ вышеупомянутымъ. Ср. современные сокращенія въ великорусскомъ: Ваня, Катя, Маня, Петя, Саня, Таня и т. д.

1) Средне-верхненѣм Metze, краткое имя для Mecht-hild, стало нарицательнымъ со значеніемъ: „дѣвочка низшаго сословія“, часто съ отбѣнкомъ легкаго поведенія. Ср. въ франц. Catin — краткое имя отъ Catherine.

2) Сокращеніе, разумѣется, не фонетическое, а словообразовательное.

ВЫМЪ, ТО ОТЪ ВТОРОГО ЗВЕНА ОСТАВЛЯЛИ ТОЛЬКО НАЧАЛЬНУЮ СОГЛАСНУЮ ГРУППУ.

Δημο-σθᾶς = Δημο-σθένης

Εὔ-χρις = Εὔ-χρηστος.

Ἐπ-αφρώ = Ἐπ-αφρόδιτος.

Si-bo = Sibold Sigi-bald, Si-bert, Si-brand (Sig-brand)

Rat-po = Rat-poto.

Adal-bo = Adal-bero.

Очень часто отъ одного полного имени образуется нѣсколько краткихъ. Приведу нѣсколько примѣровъ изъ чешскаго:

1) Краткія имена отъ полныхъ именъ славянскаго происхожденія:

a) имена на slav:

Bohu-slav = Bohuša, Bohuš, Bohuta, Bohuněk, Bušek, Božek.

Budi-slav = Budiš, Budek, Buden, Bun, Buz.

Drži-slav = Držata, Držek.

Miro-slav = Míra, Mířeta, Mirek.

Stani-slav = Stach, Stěch, Stich, Stašek, Stan, Staněk.

Vác-(s)lav = Vacek, Van, Věnek, Věněk, Věnas.

Veli-slav = Veliš, Velen.

Zde-slav, Zdi-slav = Zden, Zdich, Zdes, Zdeněk.

b) на voj:

Bori-voj = Bores, Borita, Borek.

2) Краткія имена отъ сложныхъ (полныхъ) именъ заимствованныхъ:

Alexander (Alexius) = Olex, Holaks, Holach, Holak, Holas, Holes, Ales, Alsik.

Benedikt = Ben, Benata, Beneda, Beneš, Benek¹⁾.

1) Сл. Hulákovský: O původu a proměnách jmen rodních, стр. 155. (Časopis Musea království Českého 1860). Я полагаю, что краткое или ласкательное имя, представляющее (конечно за вычетомъ ласкательныхъ суффиксовъ) одно изъ звеньевъ полного двухъ-основнаго имени, могло примѣняться въ качествѣ краткаго или ласкательнаго имени для всѣхъ тѣхъ полныхъ именъ, въ которыхъ оно примѣнялось въ качествѣ перваго или втораго звена.

Во всѣхъ разсмотрѣнныхъ примѣрахъ обнаруживается та же самая черта языковой бережливости, какъ въ приведенныхъ въ началѣ главы примѣрахъ: Bahn — Eisenbahn etc.

„Въ то время какъ въ нѣмецкомъ сложныя имена численностью далеко превосходятъ простыя, у славянъ, повидимому, простыя имена многочисленнѣе сложныхъ“, говоритъ Miklosich (Die Bildung der slav. Personennamen, стр. 233). Этотъ фактъ, по-моему, не исключаетъ предположенія, что процессъ наименованія у славянъ былъ тотъ же, какъ у всѣхъ почти остальныхъ аrioевропейцевъ. Я не могу сомнѣваться въ томъ, что славянскія полныя имена лицъ, за немногими исключеніями, состояли изъ двухъ основъ, и что большинство такъ называемыхъ простыхъ именъ — не что иное, какъ краткія имена, составлявшія нѣкогда часть полныхъ сложныхъ.¹⁾ Изъ этихъ полныхъ сложныхъ именъ дошла до насъ только часть. Славяне приняли христіанство отъ иноплеменныхъ миссіонеровъ, которые смотрѣли на славянскія имена какъ на нѣчто связанное съ язычествомъ, и, при крещеніи, иноязычныя имена святыхъ христіанскихъ угодниковъ вытѣснили имена туземныя. [Великій князь Владиміръ Святославичъ при крещеніи получилъ греческое имя (Василій)]. Но это не помѣшало славянамъ примѣнять въ обиходѣ весь свой богатый запасъ краткихъ и ласкательныхъ именъ, которыя, благодаря тому, и сохранились. [Ben, Venata, Veneda, Beneš, Venek — краткія и ласкательныя имена

1) То же мнѣніе высказалъ Strackerjan относительно германскихъ именъ. Ср. Strackerjan, „Die jeverländischen Personennamen“, Programm des Gymnasiums in Jever, 1864. Pag. 6: „Mit wenigen Ausnahmen sind die altheutschen Namen aus zwei Stämmen zusammengesetzt. Die vollen Namen waren aber für den täglichen Gebrauch zu schwerfällig; es entstanden Abkürzungen, die man Koseformen (hypokoristische Formen) nennt. Diese Koseformen wurden neben den vollen Namen gebraucht, traten auch oft ganz an deren Stelle.“

Достоверность мнѣнія Strackerjan'a множествомъ примѣровъ блестяще доказалъ Fr. Stark въ своемъ прекрасномъ сочиненіи: „Die Kosenamen der Germanen.“ Wien 1868.

славянскаго происхожденія (ср. *Beni-slav* см. стр. 59) фигурируютъ въ той же роли для иноязычнаго имени „*Benedikt*“ (см. стр. 81)]. Эти краткія и ласкательныя имена получаютъ право гражданства, и любимые герои и героини народной поэзіи, какъ Добрыня (ср. краткое имя иностраннаго происхожденія „Алеша“), Любуша, Людиша, являются носителями ихъ. Нѣкоторые изъ краткихъ именъ, въ родѣ: Борисъ, Янъ, Вуѣъ, фигурируютъ уже въ качествѣ полныхъ именъ и указываютъ на новое творчество славянъ съ цѣлью наименованія лицъ.

Итакъ, двухъ-основную номенклатуру, по-моему, слѣдуетъ считать первичной и у славянъ. Трудно себѣ представить полныя имена первичнаго образованія, какъ *Bal*, *Bao s.* (см. *Balimir*); *Baba r.* (*vetula, avia*; ср. *Babka: Jacobus dictus Babka* см. *Codex diplomaticus Poloniae, studio et opera L. Ryszczewski et A. Muczkowski. Varsaviae I. II. 1. 2. 3. III. 1847—1858. 4. стр. 2. 750.*); *Ben cz.* (см. *Beni-slav*); *Blah cz.* (см. *Blaho-mil*); *Bliczek cz.* (*bliżukū—propinquus*); *Bobr r.* (*fiber*; ср. *Henricus dictus Bobr* см. *Codex dipl. 2. 645*); *Boj cz.* (см. *Boj-slav*); *Bor cz.* (см. стр. 72 с.); *Bran s.* (см. *Brani-slav*); *Brat b.* (см. *Brato-slav*); *Brz s.* (*brüzū—citus*); *Bda cz.* *Buda b.* (см. *Budi-slav*); *Bun s.* (*bun-?*); *Bêl r.* (см. *Bêlo-slav*); *Vad cz.* (см. *Vadi-slav*); *Vela b.* (см. *Veli-slav*); *Veprĭ r.* (*aper*); *Vesna s.* (*ver*); *Vid s.* (см. *Vido-slav*); *Vit p.* (см. *Viti-slav*); *Vlad b.* (см. *Vladi-slav*); *Vlast cz.* (см. *Vlastislav*); *Vlah s.* [*vlahŭ—romanus*, по-моему, сомнительно. Едва ли и др.-нѣм. имена *Walah-mar*, *Walah-frid*, приводимыя *Förstemann*’омъ (*Ernst Förstemann, Altdeutsches namenbuch, Nordhausen 1854—1859 I B. Personennamen, pag. 1229*), находятся въ связи съ др.-верхненѣм. *walh—romanus.*]; *Vlk s.* (см. *Vlko-slav*); *Vol cz.* (см. *Zwoli-slaw*); *Voron, Vorona r.* (*niger, corvus*; ср. *Ivanko Vorona* см. Акты юридическіе, изданные археографической комиссіей. С.-Петербургъ 1838. 4. стр. 270.); *Vrat cz.* (см. *Vratislav*); *Wrch cz.* (см. *Vrcho-slav*); *Gal s.* (*curatio infantis*); *Gan s.* (*gan-?*); *Hlupa cz.* (*glupŭ—stultus*); *Gniew p.* (см. *Gniewo-mir*); *Gon s.* (*pulsio*); *Gyn* (*gyn-?*); *Doj s.* (*lactatio*); *Doma cz.* (см.

Doma-slav); Dum s. (domnus); Dêd s. (см. Dêdo-mir); Ziemia, Zema p. (см. Zemi-slav); Zmêj r. (serpens); Kava cz. (corvus monedula); Kol, Koo s. (kol — pungere); Mach cz. (vibratio); Med s. (medü—mel); Mil s. (см. стр. 68 bh.); Mír cz. (см. стр. 65); Mrk s. (mrükü—ater); Mut cz. (см. Mați-mêr; cp. Mațosz: Petrus dictus Manthosz см. Codex dipl. 2 166); Niko, Nika s. (см. Niko-s(l)ava); Osel cz. (asinus); Rad b. (см. стр. 70); Roh cz. (rogü — cornu); Slav b. (см. стр. 58 bg.); Stoj cz. (см. Stoj-slav); Stroj p. (см. Stroji-slav); Sul cz. (см. Suli-slav); Sađ p. Suda cz. (см. Sudi-slav); Tom s. (см. Tomi-slav); Hlap s. (см. Hlapo-mir). Уже по смыслу ихъ можно считать только краткими именами, нѣкогда составлявшими одно изъ звеньевъ полныхъ двухъ-основныхъ именъ, большею частью не дошедшихъ до насъ.

Полныя имена, въ самомъ началѣ ихъ примѣненія, заключали въ себѣ значительную долю міровоззрѣнія: они заключали въ себѣ взглядъ на природу и человѣка, отношеніе къ божеству, и обнаруживаютъ философію и поэзію древнихъ сочинителей именъ. (См. поэтическое объясненіе элементовъ, входившихъ въ составъ славянскихъ полныхъ именъ, у Miklosich'a, „Die Bildung der slav. Personennamen,“ стр. 242 и слѣд.) Едва ли допустимо поэтому объясненіе, что появленіе краткихъ именъ вызвано лѣнностью, стремленіемъ къ удобству человѣка. Надо быть крайнимъ пессимистомъ, чтобы согласиться съ подобнымъ мнѣніемъ Fick'a (Die griech. Personennamen. I изд., стр. 14). Имя, даваемое индивиду, при первомъ появленіи полныхъ наименованій, заключало въ себѣ значеніе, характеризующее его носителя, или благія пожеланія для его будущей жизни. Оно было дорого и свято, и слава и имя у грековъ и славянъ были тождественныя понятія. Строго преслѣдуетъ законъ и нынѣ все то, что порочить доброе имя, и перевираніе, искаженіе или сокращеніе фамиліи, тяжкое оскорбленіе и въ наше время, едва ли могло бы оправдываться „естественнымъ инстинктомъ“ человѣка, вытекающимъ изъ природенной ему лѣности.“

Родитель удѣляетъ, что ему дороже всего, своему дитяти. И отецъ или мать у грековъ, германцевъ и, судя по приводимымъ мною даннымъ, у славянъ передаетъ часть своего имени своему ребенку. Этотъ обычай имѣетъ глубокое психологическое значеніе.

Но при подобномъ процессѣ сложенія, полныя имена, состоящія изъ двухъ основъ, совершенно разнородныхъ по значенію, становятся бессмысленными, а этимологическій составъ и содержаніе ихъ — неясными. Звуковые комплексы подобнаго происхожденія употребляются только какъ имена, клички, не заключая въ себѣ значенія, касающагося носителя имени, какъ раньше, при появленіи первыхъ полныхъ именъ. Вся образовавшаяся номенклатура становится достояніемъ потомковъ. Этимологическое содержаніе сильно измѣненныхъ со временемъ звуковыхъ комплексовъ окончательно поблекло и ничто не мѣшаетъ ихъ сокращенію въ продолженіе вѣковъ для сбереженія труда и, быть можетъ, новаго творчества.

Извѣстныя качества или свойства, которыми пользовались при наименованіи объекта, чтобы дать ему имя, въ другихъ языковыхъ періодахъ не ощущались психически или уступали мѣсто другимъ подмѣченнымъ особенностямъ. Наименованіе фигурировало только для того, чтобы вызвать извѣстное представленіе или понятіе; при этомъ совершенно не думали объ этимологическомъ содержаніи самаго наименованія. Слово „электричество“ (*ἤλεκτρον* — янтарь) употребляются механически, не входя въ объясненіе его этимологическаго содержанія, какъ обозначеніе извѣстнаго явленія природы. Нѣмецкое слово „Elend“ примѣняютъ, не думая объ его этимологическомъ составѣ и не зная его. (Слово „Elend“, бѣдствіе, происходитъ отъ „ei-lenti“, чужая страна)¹⁾. Такимъ образомъ звуковой комплексъ теряетъ свое этимологическое содержаніе, и въ продолженіе вѣковъ ничто не мѣшаетъ его сокращенію въ цѣляхъ

1) Ср. готск. *aljis*, другой и *land*, страна.

сбереженія труда. Эллипсисы, краткія имена и всѣ тѣ явленія языковой бережливости, разсмотрѣнныя нами въ этой главѣ, конечно тѣмъ и объясняются.

Итакъ, если Esaias Tegnér называетъ сущность языка галлереей поблекнувшихъ картинъ, то это слѣдуетъ понимать только въ томъ смыслѣ, что извѣстныя слова (обозначенія) получаютъ звуковое выраженіе соотвѣтственно опредѣленнымъ особенностямъ объекта, для котораго подыскивается названіе, но въ позднѣйшія эпохи языкового развитія эти особенности упускаются изъ виду, а обозначенія, фигурируя только въ качествѣ „mots vides“ (по выраженію Grasserie) связаны только съ извѣстнымъ представленіемъ, между тѣмъ какъ значеніе ихъ а priori поблекло.

Возможность появленія подобныхъ несовершенныхъ звуковыхъ образовъ станетъ понятной, если мы примемъ въ соображеніе психическіе процессы, сопровождающіе звуковую и умственную перцепцію словъ.

Если въ одной комнатѣ находятся два струнныхъ инструмента, и если струна одного изъ нихъ будетъ приведена въ колебательно звучащее движеніе, то одновременно издадутъ звукъ также и тѣ струны второго инструмента, которыя обладаютъ одинаковой съ ней высотой тона, или же колебанія которыхъ находятся въ извѣстныхъ гармоническихъ соотношеніяхъ къ колебаніямъ струны, приведенной нами сначала въ движеніе. Нѣчто подобное имѣетъ мѣсто въ процессѣ рѣчи. Произведенный звуковой образъ не вызываетъ въ душѣ слушателя одно только механическое впечатлѣніе, но одновременно резонируютъ сходные или подобные звуковые образы, существующіе уже въ смутной глубинѣ сознанія, и притомъ прежде всего отзывается одинаковая форма одинаковаго слова или выраженія, раньше уже слышаннаго. Это явленіе необыкновенно важно для пониманія рѣчи другого лица. Было бы въ высшей степени ошибочно думать, что мы при обыкновен-

номъ способѣ обмѣна рѣчи воспринимаемъ каждое отдѣльное слово въ полномъ его объемѣ. Напротивъ, мы слышимъ только главные элементы словъ, предложенія, звучаніе которыхъ заставляеть резонировать полные звуковые образы, живущіе въ нашей памяти, при чемъ отрывочность слуховыхъ воспріятій даже не проникаеть въ наше сознаніе. Съ этимъ процессомъ находится въ связи то обстоятельство, что мы труднѣе понимаемъ произнесенныя слова и чаще ошибаемся въ смыслѣ ихъ, чѣмъ написанныя или напечатанныя, особенно, когда имѣемъ дѣло съ иностранной рѣчью, и что мы довольно продолжительное время вращаемъ въ разныя стороны въ нашемъ сознаніи услышанныя звуки, прежде чѣмъ поймемъ ихъ смыслъ, т. е. прежде чѣмъ откликнется звуковой образъ, прежде чѣмъ будетъ найдено соотвѣтствующее дополненіе.

Не слѣдовало бы поэтому никогда забывать, что языкъ не заключается только въ производствѣ звуковъ; напротивъ, производство звуковъ является только средствомъ для достиженія цѣли, т. е. для звукового воспроизведенія психическихъ функцій въ интересахъ общественности.

Съ прогрессирующимъ развитіемъ человѣка развивается и его внутренній органъ рѣчи и вмѣстѣ съ нимъ и его языкъ. Это развитіе обнаруживается въ точности и краткости его рѣчи. Коротка и ясна рѣчь образованнаго, интеллигентнаго человѣка въ сравненіи съ туманной болтовней необразованнаго. Если неразвитому человѣку приходится безъ устали говорить часъ, тогда какъ развитой то же самое выразить яснѣе нѣсколькими словами, то это не лѣнь. Сбереженіе труда для внѣшняго органа рѣчи возмѣщается тѣмъ что внутренній органъ рѣчи у интеллигентнаго человѣка работаетъ интенсивнѣе. Мозгъ образованнаго, развитого человѣка, при всемъ лаконизмѣ рѣчи, работаетъ сравнительно сильнѣе, чѣмъ язычекъ необразованнаго болтуна. Коротко и ясно — девизъ языкового развитія.

Въ развитіи языка видѣли его разрушеніе, разложеніе оттого, что старая школа лингвистовъ смотрѣла на языкъ какъ на сумму буквенныхъ комплексовъ, а слѣдующее поколѣніе лингвистовъ замѣнило понятіе „буква“ понятіемъ „звукъ“.

Между тѣмъ языкъ прежде всего есть выразитель психическихъ функцій.

Если часто употребляемые слова являются въ сокращенной формѣ, то не нужно сравнивать ихъ съ монетами, потертыми отъ частаго употребленія. Это было бы то же самое, что и отшлифованные камни Schleicher'a. Нѣтъ, въ данномъ случаѣ бережется звуковая работа, потому что можно обойти ее безъ ущерба ясности, а то, что не высказывается звуками, легко можетъ быть подразумѣваемо. Можно было бы сравнивать такіа сокращенныя слова и выраженія въ языкѣ со стенографическими знаками въ письмѣ.

Средствомъ, охраняющимъ звуковую сторону языка, выставили акцентъ, полагая, что звуки, на которые падаетъ удареніе, менѣе подвержены исчезновенію; звуки же безъ ударенія произносятся менѣе ясно, больше подвержены модуляціи, ослабѣваютъ и могутъ исчезать. Богородицкій установилъ относительно модифицировки въ великорусскомъ вокализмѣ въ зависимости отъ ударенія извѣстную теорію трехъ уровней¹⁾. Sievers²⁾ говоритъ на стр. 233: „Недостатокъ сильнаго акцента часто приводитъ къ искаженію гласныхъ. Какъ при невыразительномъ произношеніи экспирація исполняется бессильно,

1) Бодуэн-де-Куртенэ, И., Отрывки изъ лекцій по фонетикѣ и морфологіи русскаго языка. Выпускъ I-й. (Отд. отт. изъ „Филолог. Запис.“). Воронежъ 1882. См. стр. 59—86.

Богородицкій, В., Гласные безъ ударенія въ русскомъ языкѣ. (Отд. отт. изъ Р. Ф. Вѣстника). Варшава 1880.

2) Sievers, Grundzüge der Phonetik.

такъ иногда и артибуляція производится небрежно въ гортани и надставной трубѣ. Невыразительно произносимые гласные вслѣдствіе того рѣдко имѣютъ сильную язычную или губную артибуляцію, если они не защищены сосѣдными звуками. Мѣсто полнозвучныхъ гласныхъ занимаютъ часто простые переходные звуки безъ ясно опредѣленнаго артибуляціоннаго положенія (Stimmgleitlaut, Sweet'a простой voice-glide, Sievers, стр. 173; нѣмецкое неударяемое *e*, неударяемые англійскіе гласные и т. д.) и въ концѣ концовъ гласный можетъ совсѣмъ выпасть ¹⁾“.

Въ данномъ случаѣ въ широкомъ смыслѣ примѣняется правило: насколько одной части (ударяемой) прибавляютъ силы и прочности, настолько отнимаютъ ее у остальныхъ.

Въ предѣлахъ одного и того же языкового общенія языкъ одной генерациі перенимается слѣдующей, какъ показываетъ опытъ, безъ особенно большой перемѣны въ звуковой наружности (Habitus). Перемѣны, которыя вводятся говорящими въ предѣлахъ одной и той же генерациі, могутъ осуществляться, разумѣется, только медленно и постепенно. Слѣдовательно, неударяемыя фонемы могутъ постепенно подвергаться все болѣе слабой артибуляціи, до извѣстнаго предѣла, когда первоначальная артибуляціонная работа за вычетомъ суммы этихъ минимальныхъ различій даетъ звуковой нуль ²⁾. Мысленное выра-

1) „Mangel an emphatischem Accent führt vielfach zur Verstümmelung von Vocalen. Wie bei nachdruckloser Aussprache die Expiration kraftlos gehandhabt wird, so wird unter Umständen auch die Articulation im Kehlkopf und Ansatzrohr lässig ausgeführt. Unemphatische Vocale haben daher selten starke Zungen- oder Lippenarticulationen, wenn sie nicht durch Nachbarlaute geschützt sind. An die Stelle volltönender Vocale treten häufig einfache Stimmübergangslaute ohne prägnante Articulationsstellung. (Stimmgleitlaut, Sweet's einfacher voice-glide, das deutsche unbetonte *e*, die unbetonten englischen Vocale etc. Sievers pag. 173) und schliesslich kann der Vocal ganz ausfallen“.

2) Переходъ одной фонемы въ другую, или въ звуковой нуль, есть результатъ цѣлаго ряда вариаций. Между обѣими фонемами или фонемой и звуковымъ нулемъ лежитъ цѣль, состоящая изъ неопредѣленнаго числа переходныхъ звеньевъ, настолько минимальныхъ, что отдѣльные ихъ нюансы не доступны нашему органу слуха.

женіе, связанное съ извѣстнымъ звуковымъ комплексомъ, принуждено постепенно привыкать довольствоваться звуковымъ комплексомъ безъ этой исчезающей и, затѣмъ, исчезнувшей фонемы, при чемъ ясность языка не терпитъ ущерба.

Если, благодаря постепенному сложенію этихъ минимальныхъ различій въ произношеніи, первоначальный звуковой комплекс модифицируется до неузнаваемости, то ясность рѣчи при этомъ нисколько не страдаетъ. Постараюсь поближе объяснить сказанное. Выше было упомянуто, что извѣстныя наименованія получаютъ свое начало отъ извѣстныхъ качествъ, свойствъ или явленій, приписываемыхъ объекту, требующему наименованія, подмѣченныхъ въ немъ или вызываемыхъ имъ. Со временемъ эти качества или свойства упускаются изъ виду или устраниаются другими, новыми, болѣе существенными. Наименованіе объекта можетъ быть модифицировано въ звуковомъ отношеніи, такъ какъ подъ даннымъ звуковымъ комплексомъ понимается самъ объектъ, а не качества или свойства, которыя дали основаніе для наименованія¹⁾. Если, напр., нѣмецкое слово

1) Особенно въ словахъ, заимствованныхъ изъ чужихъ языковъ и модифицированныхъ часто до неузнаваемости, особенно подъ влияніемъ народной этимологіи. Примѣры см. Andresen, „Ueber Deutsche Volksetymologie“

Приведу еще слѣдующіе свои примѣры народной этимологіи: Въ Ревелѣ слышалъ я слово „Messerschwede.“ Оказывается, что это дословный переводъ эстонскаго „noa-rootslane“ (ноа отъ nuga — ножъ). „Noa-rootslane“ образовалось по народной этимологіи отъ „Nukku-rootslane“, — обитатели острова Нуккэ (Nukku-saar) въ Финскомъ заливѣ. (Они шведскаго происхожденія).

Французское „joubarbe“, испанск. jusbarba, прованс. barbajol, итальянск. barba di Giove — очитокъ, дикій чеснокъ (sempervivum tectorum) — образовалось отъ гальск. *ioubarboi* (Dioscorides IV, 16) (въ древне-французск. jombarbe, jumbarbe) подъ влияніемъ „Jovis barba“. (Какъ сильно должно было быть влияние Рима и его языка!)

Французск. maladrerie (больница для прокаженныхъ) образовалось отъ maladerie съ уподобленіемъ слову „ladrerie“ (лэпра, проказа).

Французск. vert-de-gris: въ XIII ст. verte-grez, въ XIV ст. vert de grice; первоначальная форма, по Littré, vert aigret (le vert produit par l'aigre).

„Erbe“ (наслѣдникъ) произведено отъ корня arb¹⁾ (arbeiten — работать), потому что „Erbe“ именно былъ исполняющій работу для pater familias и такимъ образомъ получилъ свое наименованіе отъ своего свойства a priori, то, употребляя слово это въ языкѣ, никто уже не имѣетъ въ виду первоначальнаго качества или свойства объекта, которое дало звуковой комплексъ для наименованія, а понимаетъ подъ звуковымъ комплексомъ самый объектъ.

Употребляя слово „городъ“, всякій нынѣ представляетъ себѣ заселенное мѣсто, состоящее изъ общественныхъ и частныхъ домовъ, расположенныхъ улицами. Никто уже не понимаетъ подъ этимъ словомъ того основного значенія, на которое указываютъ цитаты въ родѣ: „Есть же монастырь той городомъ одѣланъ весь около“²⁾. „Сталь бѣ на горѣ надъ рѣкою надъ Калкомъ: бѣ бо мѣсто то камянисто, и ту угоши городъ около себе въ колѣхъ“³⁾. „Городъ учиниша въ Копорьи

Нѣмецъ. Kartoffel [въ нѣкоторыхъ нарѣчійхъ tartoffel; въ исландск. tartuflur. Въ романскихъ языкахъ: въ итальянск. tartufo, въ Миланѣ tartuffol, въ Пьемонтѣ tartifla, въ французскомъ tartufe. Tartufe Molière'a (употребляемое теперь почти нарицательно) отъ итальянск. tartufo „homme de petit esprit“. Итальянская комедія давала это имя личностямъ „niais ou vilis“.] вмѣсто Tartoffel — подъ влияніемъ „Karre“, на которомъ ихъ возили и продавали

Команда на русскихъ корабляхъ: Рынду бей = ring the bell — ударъ въ колоколь!

1) По Kluge (Etymolog. Wörterb. d. Deutsch. Spr.), родство основы слова „arbeiten“ съ основой „Erbe“ — невѣроятно. Kluge сопоставляетъ также слово „Erbe“ съ греч. ορρανός, лат. orbis, осиротѣлый. Erbe, слѣдовательно, сирота (Verwaister). Это сопоставленіе, по-моему, менѣе удачно, чѣмъ упомянутое выше.

Что же касается до слова „Arbeit“, то Kluge полагаетъ, что основное его значеніе „Mühsal“ (тяжкій трудъ). Kluge приводит русск. „работа“, но сомнѣвается въ возможности такого сопоставленія.

2) Путеш. Рус. люд. I, 53. (городъ — стѣна, которою обносятся церкви, монастыри и другія зданія или мѣста, ограда).

3) Карамзинъ, Исл. Госуд. Росс. III, пр. 303. (Изъ харатейной Новгород., городъ — временное военное укрѣпленіе).

погостѣ¹⁾). „Нѣмцы придоша ко Изборску съ пороки и съ города и со многимъ замышленіемъ“²⁾.

„Милый“ употребляется нынѣ въ смыслѣ „*carus*“, основное же значеніе этого слова, по всей вѣроятности, „*misericors*“, какъ видно изъ словъ „милость“, миловать (Ср. нѣм. *milde* и *Mil-* въ именахъ: *Mil-burg*. *Mil-gard*. *Mile-hart*. *Mil-rât*). Переходъ значенія „*misericors*“ въ „*carus*“ указываетъ на глубокое и тонкое знаніе человѣческой души. (Оно обнаруживается еще болѣе наглядно въ языкѣ простолюдина, примѣняющаго слово „жалѣть“ въ смыслѣ „любить.“)

Французское слово „*chère*“ означало до XVI столѣтія голову, лицо, выраженіе лица (*mine*) и теперь еще имѣетъ это значеніе въ нормандскомъ, лотарингскомъ и валлонскомъ. *Avoir la chère baissée* — *vultum demittere*. Выраженіе „*faire bonne chère*“ или „*mauvaise chère (mine) à qqn*“. — дѣлать доброе или злое лицо — получило со временемъ значеніе принимать хорошо или худо, и въ концѣ концовъ слово „*chère*“ (англійск. *cheer*) выражало манеру обращенія съ друзьями, издержку на прокормленіе; *faire bonne ou mauvaise chère* означаетъ нынѣ хорошо или худо угощать.

Assassin (*assassiner*, *assassinat*) отъ арабскаго „*haschischin*“ (собиратели травъ „гашиша“), названіе шитской секты, основавшей государство на сирійскомъ берегу и преслѣдовавшей свои цѣли путемъ убійства. Члены этой секты давали обѣтъ совершать всякое убійство, приказанное ихъ главой (*schajch algabal* — владыка горы), и охмеляли себя для этого напиткомъ, приготовленнымъ изъ гашиша. Названіе этихъ сектантовъ впоследствии стало синонимомъ наемнаго убійцы и послѣ крестовыхъ походовъ перешло къ французамъ въ значеніи „убійца“. (*Celui qui tue de dessein prémédité ou par trahison.*)³⁾.

1) *Ibid.* IV, пр. 29. (Изъ Новгород. лѣт., городъ — замокъ, крѣпость).

2) *Ibid.* IV, пр. 336. (Изъ Псковск. лѣт., городъ — подвижная военная башня, которая употреблялась при осадѣ крѣпостей).

3) Ср. *assassinant*, скучный.

Robe (Vêtement de femme; vêtement long et ample que portent les juges, les avocats, les professeurs, etc., dans l'exercice de leurs fonctions), провансальск. gauba (добыча, одежда), каталанск. goba, испанск. goba (древнее goba), португальск. goupa, итальянск. goba (вообще платье, вещи) — во всѣхъ этихъ словахъ мы видимъ ниже-латинское goba, gauba (соотвѣтствующее по значенію латинскому spolium) отъ глагола gaubare (древне-французск. rober) — красть, грабить. Raubare отъ древне-верхненѣм. roubôn (нынѣшнее нѣмецкое rauben) — грабить. Со временемъ первоначальное значеніе слова „robe“ утратилось, и осталось только значеніе „одежда“, такъ что употребляющій нынѣ это слово и не подозрѣваетъ первоначальнаго значенія.

Слово „gêne“ въ современномъ французскомъ языкѣ несколько не напоминаетъ своего страшнаго, полнаго ужасовъ, первоначальнаго значенія. Въ словахъ Molière'a: „Je sens de son courroux des gênes (муки) trop cruelles“ еще чувствуется первоначальное значеніе этого слова. Gêne отъ древне-французск. gehène (condamnation, torture, contrainte); въ латинскомъ gehenna ignis; въ новомъ завѣтѣ γέεννα. Это слово происходитъ отъ еврейскаго Ge-Hinnom, названіе долины въ окрестностяхъ Иерусалима. Въ этой долинѣ израелиты — язычники приносили въ жертву Молоху своихъ дѣтей. Вслѣдствіе этого Ge-Hinnom стало мѣстомъ вѣчнаго проклятія въ глазахъ евреевъ, и въ новомъ завѣтѣ γέεννα — символъ ада. Но „Dans les temps modernes, le terme a bien perdu de sa force primitive; la torture, l'enfer, sont devenus une légère incommodité, un embarras passager“, говоритъ Scheler Dict.

Гусарь — блестящій кавалеристъ. Первоначальное значеніе этого слова совсѣмъ не соотвѣтствуетъ теперешнему. Древне-сербское gusar, chusar (latro) не имѣетъ ничего общаго съ хозарами (хорзарами). Въ этомъ словѣ скрывается средне-латинское cursarius — корсарь, морской разбойникъ, пиратъ; cursa, cursus — набѣгъ, разбой. „Non armabitur in cursum, neque

exercebitur piratica, nec receptabuntur in eorum portibus cursarii et malefici“, — говорится въ одномъ далматскомъ памятникѣ 1358 г. Греки тоже позаимствовали это латинское слово — *κὠρσόν, κὠρσέειν*; встрѣчается и *δρῶμος* = *cursus*. Они называютъ русскихъ X вѣка, занимающихся морскимъ разбоемъ, — *δροῖται*, т. е. *cursarii*. Изъ *cursa* и *cursarius* образовалось у болгаръ, сербовъ и хорватовъ *gusa, chusa, gursar, gusar, chursar, chusar, chusiti* etc, встрѣчающіяся въ ихъ древнихъ памятникахъ. Теперь еще въ ходу: *gusa gusar, gusar od mora* (морской разбойникъ), *gusariti, gusarina*. Это *gusari, husari* и дало названіе гусарамъ (родъ конницы), но отнюдь не венгерское *húszár* — *viginti pretium*.

Приведенные мною примѣры показываютъ, до какой степени можетъ измѣняться значеніе словъ. Первоначальное значеніе этихъ звуковыхъ комплексовъ окончательно поблекло, и ничто не мѣшаетъ ихъ сокращенію въ продолженіе вѣковъ, для сбереженія труда. Но, какъ уже сказано, измѣненіе звукового комплекса (точно также измѣненіе значенія) должно быть постепенное. Измѣненное и неизмѣненное существуютъ сперва рядомъ. Окончательное отдѣленіе старой формы отъ новой, между которыми происходитъ столкновеніе, можетъ, смотря по обстоятельствамъ, наступить весьма поздно. Нѣкоторое время обѣ формы могутъ употребляться *promiscue*, примѣняться различнымъ образомъ (съ различными оттѣнками значенія) до тѣхъ поръ, пока наконецъ новая звуковая форма совершенно не вытѣснитъ старой. Эта новая звуковая форма вполне входитъ въ употребленіе, когда церебраціонная способность постепенно свыелась съ новой фонаціей и аудиціей, т. е. звуковой образъ соотвѣтствуетъ мыслительному образу, безъ ущерба для ясности рѣчи. „Подобно тому какъ въ обиходѣ получающій и дающій монету не принимаютъ обыкновенно во вниманіе цѣлости чекана; подобно тому какъ на условную стоимость монеты по курсу не вліяетъ меньшая или большая утрата чекана, такъ и въ формахъ языка: примѣняющій ихъ въ ежедневной рѣчи не побуждается

сознательнымъ вниманіемъ къ сбереженію и охраненію звуковой формы.

Дѣло грамматика, какъ для монеты дѣло геральдика, оказывать подобающее вниманіе формальному выраженію¹⁾."

Friedrich Müller указываетъ на то, что перемѣна звуковой формы словъ совершенно справедливо ставится въ связь съ акцентомъ, и что въ немъ слѣдуетъ искать основанія къ фоническому ослабленію. Однако онъ дѣлаетъ справедливую оговорку, утверждая, что въ данномъ случаѣ вступаютъ въ область гипотезъ. Онъ поэтому оставляетъ вопросъ въ сторонѣ.

Этотъ вопросъ затрогиваетъ и Curtius въ приведенномъ мною раньше интересномъ сочиненіи „Bemerkungen über die Tragweite der Lautgesetze“ (pag. 8, 9)²⁾. Говоря о томъ, что для ослабленія гласныхъ думали находить причину въ удареніи,

1) Osthoff, „Das physiol. und psychol. Moment“, pag. 14.:

„Wie der eine Münze im Handel und Wandel Empfangende und Ausgebende nicht Rücksicht zu nehmen pflegt auf die Konservirung des Gepräges, wie den conventionellen Coursverth der Münze die mehr oder minder grosse Abnutzung des Gepräges nicht beeinträchtigt, so auch bei den Sprachformen: der in der alltäglichen Rede sie verwendende wird von keiner bewussten Rücksicht auf Schonung und Reinhaltung der Lautform geleitet.

Des Grammatikers ist es, wie des Heraldikers bei der Münze dem formalen Gepräge seine bewusste Aufmerksamkeit zu schenken“.

2) „Man hat für derartige Schwächungen der Vocale vielfach den Grund in der Betonung zu finden geglaubt, und allerdings liegt nichts näher als die Annahme, dass die nachdrücklicher hervorgehobene Sylbe den Hochton, die zurücktretende den Tiefton erhalten habe. Aber auch wenn wir mit unsern Schlüssen bis zur anfänglichen Betonung durchzudringen vermöchten, dürften wir nicht glauben mit der Betonung den letzten Grund erkannt zu haben. Denn diese selbst war schwerlich eine willkürliche und regellose. Aber wo ist diese Regel? Aus der sanskritischen Betonung ohne weiteres auf die ursprüngliche zurückzuschliessen ist ein Fehler von ähnlicher Art, wie man sie in Bezug auf die Laute früher zum Schaden der Wissenschaft vielfach begangen hat. Und ob es bei der ausserordentlichen Beweglichkeit der Accente, die sich für klarer erkennbare Zeiten constatiren lässt, überhaupt möglich sein wird auf dem Wege consequenter Rückschlüsse aus den überlieferten Betonungssystemen die primitivste Betonung der Indogermanen wieder auf-

онъ указываетъ на трудности, которыя встрѣчаетъ подобная „спекуляція съ акцентомъ.“

Въ самомъ дѣлѣ, объ употребленіи акцента въ прежнихъ языковыхъ стадіяхъ и объ его эволюціяхъ въ разныхъ отрасляхъ языка очень мало извѣстно, и данныя имѣютъ характеръ догадокъ. Нынѣшніе аріевропейскіе языки расходятся между собою въ употребленіи акцента, и даже въ отдѣльныхъ нарѣчіяхъ замѣтны уклоненія. Насколько различно употребленіе акцента даже въ одной и той же языковой группѣ, видно, напр., въ славянскихъ нарѣчіяхъ.

Теорія языкового разрушенія должна поэтому осторожниже обращаться съ акцентомъ, какъ факторомъ охраненія, такъ и факторомъ искаженія и ослабленія фонемъ. Представителями этой теоріи обыкновенно принято выводить первоначальные типы звуковыхъ комплексовъ, затѣмъ они заставляютъ исчезать различные элементы и приводятъ это исчезновеніе въ связь съ акцентомъ, свойства котораго покрыты сомнѣніемъ, лишь бы, во чтобы то ни стало, считать нормой въ языкѣ его разрушеніе, разложеніе. При этомъ, конечно, оставляются въ сторонѣ явленія, противорѣчащія этому, на зло акценту

---

zudecken ist sehr fraglich. Bisher hat man dies kaum versucht, sondern nur mit ziemlich rasch und willkürlich gemachten einzelnen Annahmen allerlei Experimente angestellt, die hie und da etwas plausibles haben, andres aber unerklärt lassen. Dass der Hochton nicht die Endsylbe traf, als der Stamm des Pronomens *ma* zu *mi* herabsank, ist wahrscheinlich. Man könnte also geneigt sein die sanskritisch-griechische Betonung *dādāmi* = $\delta\acute{\alpha}\delta\omega\mu\iota$ für die ursprüngliche zu halten. Aber woher dann das Herabsinken des Vocals der ersten Sylbe von *a* zu *i*? Sollen wir hier etwa eine Zwischenform *dadāmi oder * $\delta\omicron\delta\acute{\omega}\mu\iota$ ansetzen, um dem Vocal Gelegenheit zu geben von seiner hohen Stufe im Dunkel des Tieftons zur niedrigeren herabzusteigen? Dann wäre die Sprache später wieder zum ursprünglichen zurückgekehrt. Oder war von Haus aus *dadāma* Properispomenon und sprang der Accent später zufällig in beiden Sprachen auf die Anfangssylbe? Wo ist etwas zwingendes für die eine oder die andere Annahme? Die Accentspeculation hat hier und überall ihre Schwierigkeiten.“

и инстинкту лѣности. Уже раньше было упомянуто, что никогда не могутъ исчезать звуки, служащіе показателями психическихъ функцій извѣстнаго періода языка, если они, конечно, не перестали быть таковыми и не уступили своей функціи фактору, болѣе соотвѣтствующему данному періоду.

Признать разрушеніе и паденіе языка въ томъ, что исчезаютъ извѣстные звуковые комплексы или звуки, что сберегается трудъ, при чемъ языкъ въ ясности не теряетъ, а скорѣе выигрываетъ и развивается, — было бы тоже самое, если бы въ области естественныхъ наукъ выставили чудовище съ крыльями, когтями, рогами и безчисленнымъ множествомъ ногъ какъ первобытный тигръ, а въ человѣкѣ, послѣднемъ изъ звеньевъ длинной цѣпи развитія, усмотрѣли дегенерацію, разрушеніе, разложеніе, паденіе оттого только, что у него отъ первоначальныхъ атрибутовъ остались только двѣ ноги и двѣ руки.

Въ опроверженіе мрачнаго и печальнаго взгляда, до сихъ поръ еще заявляющаго себя въ наукѣ и разсмотрѣннаго мною въ данномъ сочиненіи, взгляда, на основаніи котораго языку суждено чаверѣть, хирѣть; въ опроверженіе теоріи разложенія, разрушенія, дегенераціи, видящей повсюду деструктивный процессъ въ языкѣ въ зависимости отъ присущаго человѣку инстинкта лѣности¹⁾, вслѣдствіе котораго человѣкъ стремится сокращать или уничтожать обременяющіе его звуки, корни и окончанія, я указываю на прогрессирующую мозговую дѣятельность и результатъ ея — развитіе созерцательной способности человѣка. Внутренній органъ рѣчи все больше и больше развивается. Съ каждымъ часомъ, съ каждой минутой являются новыя понятія, дѣлаются открытія, подмѣчаются новыя качества и новыя свойства въ предметахъ, — все это требуетъ отъ

---

1) Въ опроверженіе этого крайне обиднаго для человѣчества ученія объ инстинктѣ лѣности я ссылаюсь также на мнѣніе всѣхъ выдающихся специалистовъ по наукѣ, трактующей о трудѣ, т. е. по политической экономіи. Они, наоборотъ, находятъ въ человѣкѣ склонность къ дѣятельности.

внѣшняго органа рѣчи новыхъ обозначеній, все это должно быть выражаемо въ звукѣ, чтобы по возможности достаться въ удѣлъ всему человѣческому роду.

Я и старался указывать на то, что тамъ, гдѣ требовало это стремленіе къ ясности въ языкѣ, образовались сравнительно болѣе длинныя формы въ новыхъ языкахъ, въ сравненіи съ соотвѣтствующими формами въ древнихъ языкахъ.

Сторонникъ теоріи разрушенія, разложенія языка 1) долженъ допустить, что умъ человѣческій не развивается, а дегенерируетъ; 2) упускаетъ изъ виду особенность морфологической структуры новыхъ языковъ и, пользуясь такъ называемыми древними языками какъ нормой или мѣриломъ при изслѣдованіи „разлагающихся“ новыхъ языковъ, не уступаетъ послѣднимъ права на своеобразное развитіе; 3) онъ принимаетъ въ расчетъ одну звуковую сторону языка, служащую только средствомъ для выраженія въ звукѣ психическихъ функцій и для ихъ взаимной передачи.

Церебраціонная способность вызываетъ звуки и звуковые комплексы при помощи фонаціи и воспринимаетъ эти звуковые комплексы въ качествѣ звуковыхъ образовъ при помощи аудиціи. Главную роль играетъ въ языкѣ церебрація. „Первоначально былъ умъ, затѣмъ появился языкъ“, вполне основательно говорить древне-индійское изреченіе 1).

„Языкъ какъ бы внѣшнее явленіе духа народовъ“, говоритъ великій языковѣдъ-философъ Humboldt. „Языкъ ихъ — духъ ихъ, и духъ ихъ — языкъ ихъ“ 2). „Языкъ — вѣчно повторяющаяся

1) „Im Anfang war der Geist, dann kam die Sprache.“ Cf. Hermann Brunnhofer, Miscellen, in Fernschau, Jahrbuch der mittelschweizerischen geographisch-kommerziellen Gesellschaft in Aarau. 3. Band, pag. 215.

2) Humboldt, W. v., Einleitung, p. 53: „Die Sprache ist gleichsam die äusserliche Erscheinung des Geistes der Völker; ihre Sprache ist ihr Geist und ihr Geist ihre Sprache.“

работа ума¹⁾, продолжаетъ онъ на одной изъ слѣдующихъ страницъ, „заключающаяся въ томъ, чтобы дать артикулированному звуку способность выражать мысль¹⁾“. „Онъ — творческій органъ мысли²⁾“. Умственной, духовной сторонѣ въ языкѣ, т. е. церебраціонной способности приписываетъ Humboldt главное значеніе. „Эта вполнѣ внутренняя и интеллектуальная часть его (языка) собственно и составляетъ языкъ³⁾“.

Производство рѣчи — внутренняя потребность человѣчества. Эта потребность покоится въ самой его природѣ, въ его стремленіи къ развитію духовныхъ силъ, къ достиженію міросозерцанія. Послѣдняго человѣкъ достигаетъ, придавая ясность и опредѣленность своей мысли, мысли сообщая съ другими. Смотря теперь на каждый языкъ какъ на попытку къ выполненію этой потребности, можно предположить, что рѣчеобразовательная сила въ человѣчествѣ не прекратится раньше, чѣмъ будетъ достигнуто то, что больше всего и полнѣе всего соотвѣтствуетъ этой потребности. Но въ стремленіи къ выполненію этой потребности заключается интересъ жизни, и съ выполненіемъ ея заканчивается задача человѣка. Оттого „языкъ и жизнь — неразрывныя понятія⁴⁾“.

1) *ibid.*, p. 57: „Sie (die Sprache) ist nämlich die sich ewig wiederholende Arbeit des Geistes, den articulirten Laut zum Ausdruck des Gedanken fähig zu machen“.

2) *ibid.*, p. 66: „Die Sprache ist das bildende Organ des Gedanken“.

3) *ibid.*, p. 107: „Alle Vorzüge noch so kunstvoller und tonreicher Lautformen, auch verbunden mit dem regesten Articulationssinn, bleiben aber unvermögend, dem Geiste würdig zusagende Sprachen hervorbringen, wenn nicht die strahlende Klarheit der auf die Sprache Bezug habenden Ideen sie mit ihrem Lichte und mit ihrer Wärme durchdringt. Dieser ihr ganz innerer und intellectueller Theil macht eigentlich die Sprache aus; er ist der Gebrauch, zu welchem die Spracherzeugung sich der Lautform bedient, und auf ihm beruht es, dass die Sprache Allem Ausdruck zu verleihen vermag, was ihr, bei fortrückender Ideenbildung, die grössten Köpfe der spätesten Geschlechter anzuvertrauen streben“.

4) Humboldt. W. v., Einleitung, p. 126: „Sprache und Leben sind unzertrennliche Begriffe.“

Языковѣды, полагающіе, что языкъ уничтожается, гибнетъ, т. е. сторонники теоріи разложенія языка, напоминаютъ людей, незнакомыхъ съ естествовѣдѣніемъ. Разложеніе матеріи, уничтоженіе, гибель вещей — такъ называемая смерть — сильно беспокоитъ и пугаетъ профана, а между тѣмъ глазъ естествоиспытателя видитъ во всемъ этомъ только перемѣну: жизнь не прекращается, а только является въ новой формѣ¹⁾.

1) Ferdinand Siegmund, Untergegangene Welten, p. 1: „Der Verfall der Dinge, der für den Laien so viel Beängstigendes und Erschreckendes hat, ist mit dem Auge des Naturforschers betrachtet, nichts als eine Veränderung, in welcher das Leben zu einer neuen Erscheinung kommt.“

Заключительная замѣтка.

Указательное мѣстоименіе употребляется въ великорусскомъ языкѣ иногда въ такихъ случаяхъ, гдѣ оно выдѣляетъ или ближе опредѣляетъ то слово, съ которымъ оно связано, нисколько не выражая мѣстоименной своей функціи. Очень часто встрѣчается тотъ, та, то въ такомъ значеніи въ былинахъ. Напр.:

Прошла та слава великая

Къ стольному городу Кіеву:

Индѣйскій царь наряжается (Волхъ Всеславьевичъ. 46, 47, 48)¹⁾

Какъ у тоя у Грязи у Черныя,

У тоя у березы у покаяныя (Илья Муромецъ. 122, 123)

А Владимиръ князь вышелъ со Божьей церкви,

Отъ той отъ обѣденки Христосскія.

Садился онъ за столыки дубовые,

За тыя за скамеечки окольныя (ib. 213, 214, 215, 216)

Подъ славнымъ городомъ подъ Кіевомъ,

На тѣхъ на степяхъ на Цыцарскіихъ (ib. 466, 477)

У тыя было у стремены у правыя

Провожала Добрыню любимая семья (Добрыня Никитичъ 35, 36).

— Да успѣю я и въ ту пору замужъ пойти (ib. 91).

Прошло тому времени друго шесть годовъ (ib. 95)

Натягиваль тетивочки шелковыя

На тыя струночки золоченныя (ib. 174, 175)

Отъ того- де царя, вѣдь заморскаго,

¹⁾ Нумерація строчекъ цитатъ изъ былинъ — по „Русской хрестоматіи“ Ѳ. Буслаева (Москва 1888)

Выбѣгали, выгребали тридцать кораблей (Соловей Будимировичъ. 8, 9)

Изъ тоя Карелы богатыя (Дюкъ Степановичъ. 3)

И будетъ во Новѣгородѣ,

У того ли Николы Можайскаго,

Тѣ мужики Новгородскіе соходилися (Садко богатый гость.

1, 2, 3)

Закупати товары во Новѣгородѣ

Тою ли цѣною повольною (ib. 30, 31)

Разсылалъ тѣ ярлыки со слугой своимъ

На тѣ улицы широкія

И на тѣ частые переулочки (Василій Буслаевъ. 53, 54, 55)

А и тотъ-то староста церковный

Принималъ ихъ во братчину въ Никольщину (ib. 100, 101)

Изъ подь той бѣлой березы кудреватя (Нашествіе

Монголовъ. 1)

И по той стѣнѣ городовыя (ib. 7)

Мимо ту, мимо стѣнку городовую,

Мимо тѣ башни городовыя (ib. 18, 19)

По той ли по вѣрѣ христіанскія (ib. 32)

Изъ тоя Могозеи богатыя (ib. 35)

Во всѣ тѣ четыре стороны (ib. 43)

Встрѣчается въ такомъ значеніи и этотъ. Напр.:

Изъ этой земли изъ Жидовскія

Проѣхалъ Жидовинъ могучъ богатырь

На эти стени Цыцарскія (Илья Муромецъ. 488, 489, 490)

Къ слову, которое выдѣляютъ въ рѣчи, придавая ему опредѣленность или выдвигая его на первый планъ, прибавляютъ то. Напр.:

Что не дивую я разуму-то женскому (Добрыня Никитичъ. 232)

Оратая кобылка-то рысью идетъ,

А Вольгинъ-отъ конь и посакаиваетъ (Вольга Свято-славовичъ и Микула Селяниновичъ. 129, 130)

Коренья, каменья вывертываетъ,

А великіе-то всё каменья въ борозду валить (ib. 47, 48)

Носили они шубы соболиныя,

Перемѣнныя шубы-то, барсовыя (Волхъ Всеславьевичъ,
66, 67)

„То“ придаетъ вышеуказанное значеніе не только именамъ существительнымъ и прилагательнымъ, но и мѣстоименію, числительному и глаголу.

Примѣровъ для подобнаго употребленія „то“ много и въ литературной рѣчи. Напр.:

Вотъ книги-то его! . . . (А. Н. Майковъ, Странникъ)

Это явленіе замѣчается не только въ поэзіи, но и въ прозѣ.

Указываю и на непремѣнное употребленіе тотъ, та, то при существительномъ передъ придаточнымъ предложеніемъ въ родѣ: „Онъ его встрѣтилъ на томъ мѣстѣ, гдѣ. . .“ „Онъ его встрѣтилъ въ то время, когда. . .“; въ выраженіяхъ: „въ то время какъ. . .“ „съ тѣхъ поръ какъ. . .“

Очевидно, во всѣхъ вышеприведенныхъ примѣрахъ тотъ, та, то; тотъ, эта, это; то — не фигурируютъ въ качествѣ указательныхъ мѣстоименій. Считать ихъ произвольной прибавкой никакъ нельзя, потому что они придаютъ тому слову, съ которымъ они связаны, извѣстный отбѣнокъ значенія.

Въ данномъ случаѣ для выясненія этого явленія примѣнимы слова Diez'a (Grammatik, pag. 412 cd), сказанныя имъ по поводу появленія опредѣленнаго и неопредѣленнаго членовъ въ области романскихъ языковъ: „Введеніе его (члена), повидимому, имѣетъ только синтаксическую причину — опредѣленнѣе различать единичное (отдѣльное) понятіе отъ родового, и поэтому оно свойственно и языкамъ съ совершенной флексіей. Съ тѣмъ же чутьемъ примѣняется какъ членъ и числительное unus, чтобы различать неопредѣленное единичное: такъ, въ нѣмецкомъ ein, въ новогреческомъ ἕνας.“¹⁾

¹⁾ „Seine Einführung geschah nicht um der Unterscheidung des Casus und Numerus willen, wozu er nicht geeignet ist, da seine Flexion

Еще больше утверждает меня въ мнѣніи, что во всѣхъ вышеприведенныхъ примѣрахъ мы имѣемъ дѣло съ опредѣленнымъ членомъ или, по крайней мѣрѣ, съ зачатками его въ русскомъ языкѣ, живописная картина историческаго развитія опредѣленнаго члена въ латинскомъ языкѣ въ „Grammaire historique de la langue française, Paris, XXXVIII éd.“ Auguste'a Brachet.¹⁾ Въ латинскомъ языкѣ не было члена, говоритъ Brachet, но, несмотря на слова Квинтиліана: „Noster sermo articulos non desiderat“ (De Institut. orator., 1, 4.), отсутствие члена чувствовалось какъ существенное несовершенство. Во избѣжаніе этого недостатка, римляне часто употребляли указательное мѣстоименіе *ille* для ясности рѣчи въ тѣхъ случаяхъ, когда въ французскомъ языкѣ нынѣ употребляется *le, la, les*. Brachet приводитъ такіе примѣры: *Annus ille quo* (Цицеронъ). — *Ille alter (id.)*. — *Quorsum ducis asinum illum* (Апулей) и т. д.

an demselben Gebrechen leidet, wie die der andern Nomina; sie scheint lediglich den syntactischen Grund zu haben, das Einzelne von der Gattung bestimmter zu scheiden, und ist daher auch Sprachen mit vollkommener Flexion eigen. In demselben Gefühle wird auch das Zahlwort *unus*, um ein Unbestimmtes Einzelnes zu unterscheiden, als Artikel angewandt: so im Deutschen 'ein', im Neugriechischen *ένας*.“

1) Pag. 160 h: „La langue latine n'avait point d'article, et bien que Quintilien ait prétendu qu'elle n'y perdait rien, il n'en est pas moins vrai que c'était là une imperfection réelle, et que, pour suppléer au manque d'article, les Romains employèrent souvent le pronom démonstratif *ille* pour la clarté du discours, dans les cas où nous employons aujourd'hui *le, la, les*. Les exemples abondent:

Annus ille quo (Cicéron). — *Ille alter (id.)*. — *Ille rerum domina fortuna (id.)*. *Quorsum ducis asinum illum* (Апулей). — *Funerata est par illa corporis mei quae quondam Achilles eram* (Пétrone). etc. . . — *Vae autem homini illi per quem filius hominis tradetur* (St-Jérôme), etc. . .

Si de tels exemples ne sont pas rares dans la latinité classique, ils sont incomparablement plus fréquents dans le latin vulgaire, surtout après la réduction à deux des six cas de la déclinaison, réduction qui s'opéra vers le cinquième siècle (comme je l'ai dit ailleurs), et qui rendait nécessaire l'emploi d'un article; le latin vulgaire appropria à cet usage le pronom *ille*: *Dicebant ut ille teloneus de illo mercado ad illos necuciantes* (Charte du septième siècle).“

Если подобные примѣры не рѣдки въ классической латыни, продолжаетъ Brachet, то они еще несравненно чаще встрѣчаются въ вульгарной, гдѣ мѣстоименіе *ille* уже функционируетъ какъ членъ. Напр.: *Diccbant ut ille teloneus de illo mercado ad illos necuciantes . . . .* (VII в.)

Въ „Исторіи славянскихъ литературъ“ Пыпина и Спасовича¹⁾, авторы, говоря объ опредѣленномъ членѣ въ ново-болгарскомъ языкѣ, прибавляютъ: „Одинъ примѣръ подобной роли мѣстоименія есть въ старомъ нашемъ лѣтописномъ и современномъ разговорномъ языкѣ.“ Къ сожалѣнію, эта замѣтка не подтверждена опредѣленнымъ указаніемъ на этотъ примѣръ.

Boltz (Dr. August Boltz, *Die Sprache und ihr Leben*, Leipzig 1868, pag. 36 f.) заходитъ слишкомъ далеко, говоря о частомъ употребленіи мѣстоименія „этотъ, эта, это“ въ смыслѣ члена въ русскомъ языкѣ. Къ сожалѣнію, Boltz не приводитъ никакихъ примѣровъ, подтверждающихъ это частое употребленіе. Говорить съ такою увѣренностью объ опредѣленномъ членѣ въ великорусскомъ языкѣ мы не имѣемъ никакого права, такъ какъ встрѣчаемъ пока только зачатки его и возвращаемся въ области догадокъ, хотя до нѣкоторой степени и обоснованныхъ, но все-таки догадокъ.

Судя по даннымъ, приводимымъ мною, и имѣя въ виду ново-болгарскій постпозиціональный членъ *тъ, та, то*, — скорѣе можно предположить, что форма русскаго опредѣленнаго члена будетъ тотъ, а не этотъ.

Разовьется ли вполнѣ функція опредѣленнаго члена въ великорусскомъ языкѣ и когда именно, будетъ ли форма его

1) А. Н. Пыпинъ и В. Д. Спасовичъ, *Исторія славянскихъ литературъ*, СПб. 1879. I, стр. 126 вѣ.: „Въ своемъ формальномъ составѣ ново-болгарскій языкъ испыталъ разложеніе синтетическихъ формъ, рѣдкое въ славянскихъ нарѣчійяхъ: въ немъ существуетъ членъ (изъ указательнаго мѣстоименія, — одинъ примѣръ подобной роли мѣстоименія есть въ старомъ нашемъ лѣтописномъ и современномъ разговорномъ языкѣ), прибавляемый къ концу существительнаго или прилагательнаго; склоненіе падежное пало и смѣнилось склоненіемъ съ помощью предлоговъ; спряженіе потеряло неокончательное наклоненіе, причастіе и т. п.“

тотъ или тотъ, а положеніе — препозиціональное или постпозиціональное, — на эти вопросы, конечно, отвѣтитъ будущее.

Съ гораздо большей увѣренностью можно констатировать наличность неопредѣленнаго члена (одинъ) въ великорусскомъ языкѣ. Какъ во всѣхъ тѣхъ языкахъ, гдѣ онъ есть, такъ и здѣсь неопредѣленный членъ замѣняетъ неопредѣленное мѣстоименіе.¹⁾

Употребленіе его съ каждымъ днемъ расширяется и возрастаетъ. Много примѣровъ для этого не только въ разговорной рѣчи, но и у лучшихъ писателей. Для большей наглядности привожу нѣсколько примѣровъ изъ писателей:

„Съ нѣкоторыхъ поръ на Невскомъ проспектѣ сталъ показываться одинъ молодой человекъ, совершенно никому не извѣстный.“ Д. В. Григоровичъ, повѣсть „Свистулькинъ.“

„Одну молитву чудную“. . . . М. Ю. Лермонтовъ, стих. „Молитва.“

„Онъ сейчасъ хлопоталъ было оплести Михаила Борисовича по одному дѣлу, но тотъ догадался и уперся.“ А. О. Писемскій, „Въ водоворотѣ.“

„И случилось одной хозяйкѣ, всегда питавшейся и кормившей свою семью домашними припасами, пріѣхать въ городъ.“ Левъ Толстой, „Три притчи.“

На страницахъ 31, 32 и 33 мы рассматривали совпаденіе надежныхъ формъ въ латинскомъ языкѣ и ихъ постепенное смѣшеніе, вызвавшее наконецъ новый элементъ для нюансировки надежей — членъ. Въ великорусскомъ литературномъ языкѣ много примѣровъ такого совпаденія и смѣшенія надежныхъ формъ. Стоитъ только открыть таблицу склоненія въ любой грамматикѣ, чтобы убѣдиться въ этомъ явленіи. Для примѣра указываю на форму дательнаго падежа единственнаго числа

1) Объ употребленіи εἷς вмѣсто τὸς въ греческомъ языкѣ уже со времени „Новаго Завѣта“ см. Georg Winer, *Grammatik des neutestamentlichen Sprachidioms, als sichere Grundlage der neutestamentlichen Exegese*, Leipzig 1867 (VII. Auflage), pag. 105.

словъ, оканчивающихся на-тъ, замѣняющую собой формы родительнаго и предложнаго надежей единственнаго числа (послѣ предлоговъ), какъ: „изъ дому,“ „безъ году,“ „отъ роду“; „на лугу,“ „въ лѣсу“ etc. Привожу и формы именительнаго надежа множественнаго числа: офицера, учителя и т. п., въ качествѣ примѣровъ перенесенія окончанія одного типа склоненія на другой.

Подвижное удареніе въ великорусскомъ языкѣ — большое подспорье для яснаго пониманія рѣчи въ случаѣ совпаденія формъ флексіи. Чтобы различать двѣ надежныя формы, разные по отгѣнку значенія, а одинаковыя по окончанію, передвигаютъ удареніе. Напр., въ склоненіи именъ существительныхъ средняго рода форма родительнаго надежа единственнаго числа одинакова съ формой именительнаго множественнаго. Разница въ значеніи между этими двумя формами слишкомъ велика, чтобы ея не охарактеризовать въ словесной рѣчи звуковымъ нюансомъ. Гдѣ возможно передвиженіе ударенія, этой возможностью пользуются, и одно слово является въ угоду ясности рѣчи съ различнымъ удареніемъ. Отъ слова „окно“ имѣемъ „окна“ и „обна“; отъ слова „озеро“ — „озера“ и „озѣра“. Приведенные примѣры изъ двусложныхъ и трехсложныхъ словъ средняго рода, имѣющихъ удареніе въ им. пад. на первомъ слогѣ (трехсложныя) и на послѣднемъ слогѣ (двусложныя)¹⁾ пользуются подвижнымъ удареніемъ для предупрежденія неясности въ рѣчи, которая можетъ быть вызвана одинаковой внѣшней формой двухъ разныхъ по значенію (Ср. и замокъ, замокъ) или, вѣрнѣе, по отгѣнку значенія словъ. Но рядомъ съ окно-окна имѣемъ перо-перья, звено-звенья; рядомъ съ озеро-озѣра, яблоко-яблоки и облако-облака. Судя по этимъ примѣрамъ, образованіе формъ самое разнообразное. Удареніе передвигается то на второй слогъ, то на третій; замѣчается

1) Ср. бедро, ведро, весло, вино, зерно, письмо, ребро, ружье, село и т. п.

перенесеніе окончаній съ одной группы склоненія на другую, при чемъ удареніе передвигается или остается на томъ же мѣстѣ, гдѣ оно стояло въ именительномъ падежѣ.

Въ трехсложныхъ словахъ съ удареніемъ на среднемъ слогѣ, въ родѣ мѣрило, свѣтило, полѣно, колѣно, вышеупомянутыя падежныя формы остались тождественными въ вѣншемъ отношеніи. То же самое происходитъ въ многосложныхъ словахъ. Но въ разговорной рѣчи обнаруживается и перенесеніе окончаній.

Слова односложныя средняго рода, какъ „дно“, „сто“, конечно, поставлены вѣ возможности пользоваться удареніемъ и принуждены примѣнять самыя разнообразныя формы для именительнаго падежа множественнаго числа, въ родѣ „донья“, „сотни“.

Подобное явленіе замѣчается и въ тѣхъ же падежныхъ формахъ женскаго рода.

Какая сильная работа должна происходить въ русскомъ языкѣ въ пользу ясности и удобопонятности рѣчи, принимая во вниманіе всѣ случаи совпаденія падежныхъ окончаній! А этихъ случаевъ не мало въ литературномъ языкѣ, не говоря уже о разговорной рѣчи. Не смѣю вторгаться въ область живого народнаго русскаго языка, этого мощнаго богатыря во всей своей вѣчно юной силѣ; но, судя по тѣмъ скуднымъ даннымъ изъ этой почти неразработанной области, смѣшеніе и совпаденіе падежныхъ формъ тамъ возрастаетъ.¹⁾

Удареніе изъ этого лабиринта не выведетъ. Оно само по себѣ такъ неустойчиво, употребленіе его такъ расходится въ русскихъ мѣстныхъ говорахъ. И при этомъ, какъ мы видѣли, не вездѣ оно примѣнимо. Замѣна одной изъ совпавшихъ формъ формой, взятой изъ другой группы, помощь ненадежная. И въ той другой группѣ, надо полагать, разовьется приноровле-

1) См. Boris Ljapunov, Zur russischen Dialectenkunde. Archiv, X V., стр. 349. Ср. Дательный и творительный падежъ множественнаго числа на-амъ въ народномъ языкѣ.

ніе одной формы къ другой (аналогія), смѣшеніе и совпаденіе окончаній, т. е. суффиксальныхъ элементовъ.

Какой нераціональный и непроеводительный балластъ для ума — вся эта многочисленность разноударяемыхъ формъ, всѣ эти типы смѣшанныхъ склоненій! Если даже согласиться съ оригинальнымъ взглядомъ Wilhelm'a Haacke,¹⁾ что ребенокъ будто бы унаслѣдуетъ языкъ отъ родителей и вслѣдствіе этого нѣмецкій ребенокъ будто бы легче усваиваетъ себѣ нѣмецкій языкъ, чѣмъ французскій, и наоборотъ, то все-таки трудность усвоенія всѣхъ этихъ формъ не уменьшается, такъ какъ разнообразіе ихъ возрастаетъ. И чѣмъ больше возрастетъ смѣшеніе и совпаденіе надежныхъ формъ, тѣмъ сильнѣе будетъ чувствоваться функція тѣхъ новыхъ элементовъ, вошедшихъ въ русскій языкъ: опредѣленнаго и неопредѣленнаго члена.

Великорусскій языкъ находится въ фазисѣ, который уже прошли болгарскій, греческій, германскіе и романскіе языки. Въ немъ готовится великій переворотъ — замѣна суффиксальныхъ элементовъ склоненія префиксальными или, примѣняя общеупотребительные термины, великорусскому языку предстоитъ переходъ отъ синтетическаго строя рѣчи къ аналитическому.

Если мое мнѣніе оправдается въ будущемъ, то разсмотрѣнное явленіе ясно указываетъ на предусмотрительность языка, вносящаго заранѣе въ качествѣ добавочныхъ словъ элементы, которымъ со временемъ суждено замѣнить старое и быть носителями новой жизни въ языкѣ.

---

1) Wilhelm Haacke, Die Schöpfung des Menschen und seiner Ideale. Jena 1895. Pag. 400 d.

Указатель именъ.

- Adolphi** 11, 12.
Alexandrow 53.
Anderson 53.
Andresen 90.
Arndt 50, 52.
- Baudouin de Courtenay** 12, 14, 21, 59, 63, 77, 79, 88.
Behaghel 14, 39, 40.
Богородицкій 88.
Boltz 105.
Вопп 7, 8, 9, 10, 12, 13, 16, 29, 43.
Brachet 104, 105.
Brugmann 48, 49, 50, 56.
Buschmann 45, 46, 47.
Буслаевъ 101.
- Chamisso** 46.
Claudius 5, 6, 35, 47, 48, 51, 53.
Curtius 12, 13, 16, 17, 20, 30, 33, 48, 95.
- Давыдовъ** 36.
Delbrück 10, 14, 21, 48.
Diez 103.
Dioscorides, Pedanios (De materia medica) 90.
- Екатерина II.** 52.
- Fick** 56, 57, 58, 59, 62, 63, 65, 70, 84.
Förstemann 62, 78, 83.
- Gerland** 33.
Grasserie 86.
Григоровичъ 107.
Grimm, W. 58.
Gruter 32, 33.
- Haacke** 109.
Hovelacque 21.
- Hübschmann** 56.
Hulákovský 81.
Humboldt, W. v. 18, 20, 28, 29, 34, 45, 46, 47, 98, 99.
- Jagié** 64.
Jolly 16, 17.
- Канскій, J.** 44.
Карамзинъ 78, 91, 92.
Karłowicz 78.
Kluge 24, 60, 91.
- Лермонтовъ** 106.
Littré 90.
Ljarunov, B. 108.
- Майковъ, А. Н.** 103.
Maretié 60, 66, 70.
Meyer, Gustav 21.
Miklosich 59, 60, 62, 63, 64, 65, 68, 70, 78, 82, 84.
Molière 91, 93.
Muller 20, 39, 40, 42, 43.
Müller, Fr. 21, 95.
- Несторъ** 77.
Neue 41.
- Orellius** 32, 33.
Osthoff 48, 49, 50, 95.
- Pânini** 79, 80.
Писемскій 106.
Plautus 33.
Потебня 44.
Pott 33, 37, 38.
Пыпинъ и Спасовичъ 105.
- Raynouard** 36.
Rönsch 35.
Rösch 5.

Scheler 93.

Schleicher 6, 10, 11, 12, 13, 15, 29,
49, 50, 88.

Schmidt, J. 15.

Schuchardt 18.

Siegmund 100.*

Sievers 19, 25, 88, 89.

Stark 82.

Strackerjan 82.

Татищевъ 78.

Tegnér, Esaias 86.

Terentius 33.

Толстой, Левъ 106.

Varro 33.

Васильевскій 7.

Wedewer 36.

Вельтманъ 7.

Whitney 16, 17, 29.

Winer 106.

Указатель предметовъ.

Акцентъ (удареніе) 88—89, 95—96,
107—108.

Артикуляціонная дѣятельность пре-
позиціональная, замѣняющая постпоз-
иціональную. Причина замѣны 47-54.

Аугментъ (приращеніе) 29—31.

Значеніе, измѣненіе его 90—94.

Имена лицъ полныя на slav 58—64;
на mir 65—68; на mil 68—69; на
rad 70; на voj 71—72; на vor 72—73;
съ одинаковыми первыми звеньями
73—76; переворачиваніе именъ 77;
краткія имена 79—85.

Инстинктъ лѣности, по Whitney'ю, 17.

Краткія имена лицъ см. Имена лицъ.

Краткія слова и выраженія 55—56;
психологическое объясненіе ихъ 85-88.

Надежи, ихъ совпаденіе и смѣшеніе
31—33, 39—41; въ великорусскомъ
106—109.

Палятализація 24.

Предлоги, ихъ роль при склоненіи
33—41.

Префиксальные элементы (замѣна
окончаній) 28—47.

Приращеніе см. Аугментъ.

Сбереженіе труда въ языкѣ 20-25; 94.

Спряженіе, префиксальныя формы
его 43.

Степени сравненія префиксальнаго
образованія 41—43.

Теорія языкового разложенія (раз-
рушенія) 5—7; главные представи-
тели ея 7—15; опроверженіе ея
19—27, 43—44, 86—87, 96—100.

Удареніе см. Акцентъ.

Удобство, какъ причина языкового
разложенія 6, 13, 16—17.

Членъ опредѣленный 36—37, 103
до 105; въ великорусскомъ языкѣ
101—106; неопредѣленный 41, 103;
въ великорусскомъ 106; члены въ
языкахъ Южнаго моря 45—47.

Тезисы.

1. Мнимое разложене языка есть своеобразное развитіе его.
2. Романскіе языки представляютъ изъ себя результатъ языкового творчества, гдѣ латинскій языкъ служилъ матеріаломъ.
3. Въ индогерманскихъ языкахъ замѣчается постепенная замѣна постпозиціональныхъ, суффиксальныхъ элементовъ препозиціональными, префиксальными.
4. Въ великорусскомъ языкѣ, по всей вѣроятности, разовьется функція опредѣленнаго и неопредѣленнаго члена.
5. Виновникъ замѣщенія задней, глубокой артикуляціи передней, внѣшней — стремленіе къ ясности рѣчи.
6. У славянъ былъ обычай брать (въ качествѣ одного изъ двухъ звеньевъ) для именъ дѣтей одно изъ звеньевъ сложныхъ словъ, служившихъ именемъ для отца или матери.
7. Большая часть сохранившихся славянскихъ именъ, состоящихъ изъ одной основы, — краткія имена.
8. Славянское, германское и греческое полное сложное имя лица не должно разсматриваться какъ одно цѣлое относительно значенія.
9. Искусственные международные языки — бесполезная затѣя, не приводящая къ желаннымъ результатамъ.
10. Англійскій языкъ ближе всего къ идеалу языкового развитія.
11. Слово „толока“ (помочь) — финскаго происхожденія и находится въ связи съ эстонскимъ „talgu“.

